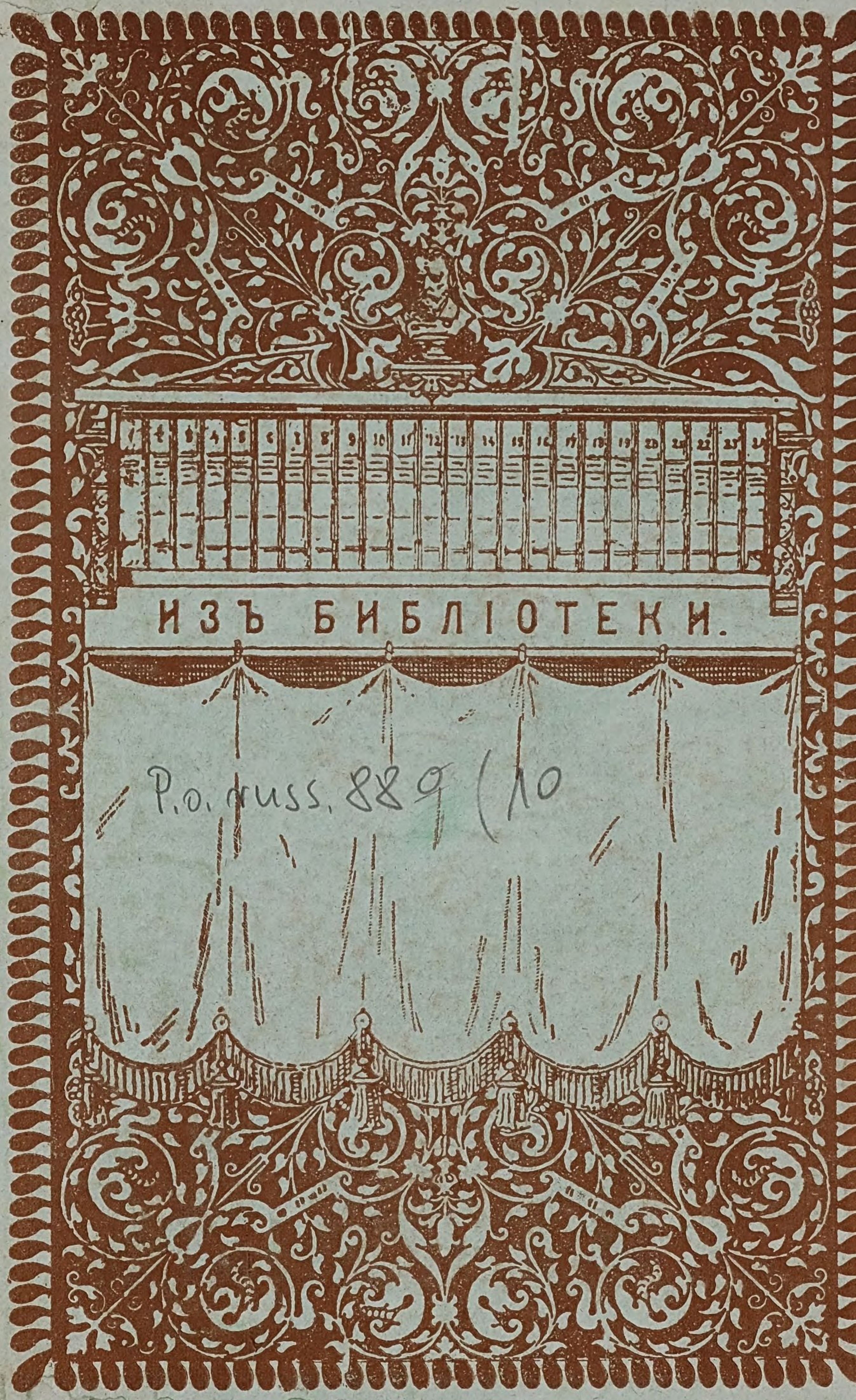

ПЕЧЕРСКИЙ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ.

P.O. russ. 889 (10)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)
ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

*Первое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное
и вновь просмотрѣнное по рукописямъ*

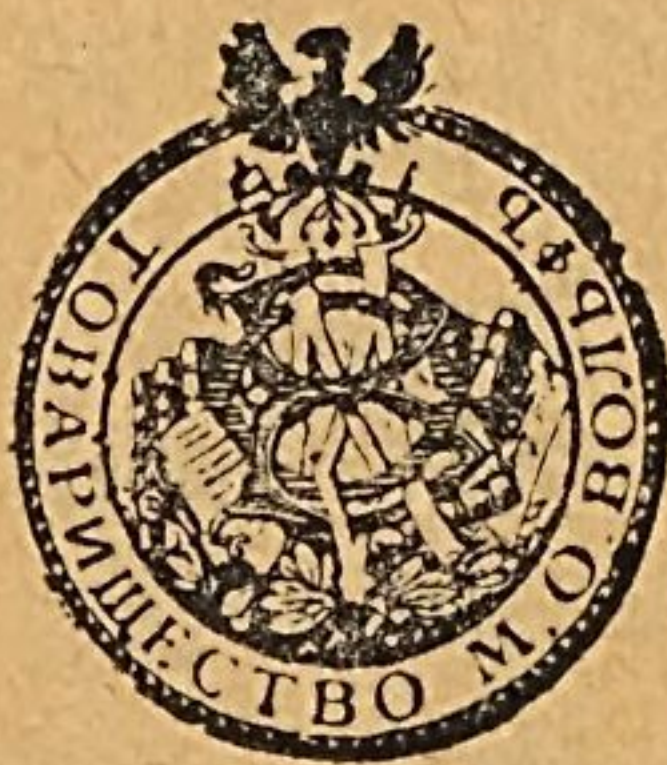
ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

НА ГОРАХЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Гостиный дворъ, № 18

МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ № 12

1898

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Дозволено цензурою 80-го апрѣля 1898 г. Редакторъ-издатель М. О. Вольфъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Не прежде какъ отѣхавши версты полторы отъ Луповицъ, отецъ Прохоръ сталъ разговаривать съ Дуней. Обливаясь слезами, рассказала она все, что случилось съ нею минувшей ночью. Все рассказала, ничего не потаила отъ спасшаго ее отъ гибели. Молча и внимательно слушалъ отецъ Прохоръ исповѣдь Дуни. Когда жъ она все рассказала, спросилъ у нея:

— Зачѣмъ же вы, Авдотья Марковна, ежели рѣшились оставить ересь и самый домъ, гдѣ были совращены, зачѣмъ, говорю, пошли вы ночью на ихъ соборище и даже въ особую комнату для свиданія со злѣйшимъ еретикомъ Денисовымъ? Вѣдь я васъ предупреждалъ объ немъ... Еще слава Богу, что такъ обошлось, а то вѣдь непременно сдѣлались бы его жертвой. Немало бывало примѣровъ. Лишились бы и чести, и добраго имени, еслибы не молитвы за васъ святаго отца нашего Амвросія, епископа Медіоланскаго. Такъ я смотрю на дѣло вашего спасенія и глубоко вѣрую, что совершилось оно не иначе, какъ по ходатайству передъ Богомъ сего святителя. Примите же совѣтъ мой, примите стариковскую просьбу: ежели бы вы находились въ оградѣ истинной церкви, я бы при вашихъ достаткахъ посовѣтовалъ вамъ устроить хоть придѣлъ въ честь и славу сохранившаго васъ отъ

гибели святителя, но какъ вы принадлежите къ тѣмъ, что разнятся съ ними въ обрядахъ и своихъ церквей не имѣютъ, такъ устройте хоть икону святителя Амвросія и всю жизнь свою утромъ и вечеромъ молитесь передъ нею теплою молитвой благодаренія. Святитель Амвросій Медиоланскій чествуется у вашихъ, равно какъ и у насъ—память его совершается въ седьмое число декабря, на другой, значить, день зимняго Николая. Послѣдуйте же моему совѣту, и святыи отецъ не умалитъ дивныхъ своихъ къ вамъ милостей. Скажите мнѣ, исполните ли искренній и душевный совѣтъ мой?

— Исполню, отецъ Прохоръ, непременно исполню,—съ горячимъ порывомъ отвѣтила Дуня

— А ежели по молитвамъ отца нашего Амвросія, имѣющаго дерзновеніе обращаться съ ходатайствомъ къ Отцу Небесному, когда-нибудь, рано ли, поздно-ли, войдете вы въ ограду святой церкви, на что имѣю полную надежду, соорудите тогда хоть придѣлъ во имя его, а ежели достанетъ средствъ, то и новый храмъ.

Не отвѣтила Дуня отцу Прохору

— А ежели по Божію благословенію вступите въ жизнь супружескую,—продолжалъ онъ,—то первому сыну нареките имя Амвросій. Пускай и на старости вашихъ лѣтъ непрестанно напоминаетъ онъ вамъ преславное имя избавившаго васъ отъ гибели святителя.

Дуня опять промолчала... Больше версты они проѣхали молча. Наконецъ отецъ Прохоръ спросилъ:

— Скажите мнѣ теперь по чистой совѣсти самую сущую правду, что побудило васъ, открыто заявивши фармазонамъ, что вы душевно и тѣлесно чуждаетесь ихъ, что побудило васъ придти на сходбище оныхъ богопротивниковъ и даже идти на свиданье съ Денисовымъ?

Дуня рассказала, какъ Луповицкіе ее уговорили, и какъ она до послѣдней минуты не предвидѣла со стороны Денисова ни обмана, ни злаго умысла.

— Злодѣи, злодѣи!—вскрикнулъ отецъ Прохоръ.— Доколѣ терпитъ имъ Господь!

И немного погодя, сказалъ:

— Я отвезу васъ въ губернію ¹⁾. Тамъ будетъ вамъ безопасно—еретики тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Привезу я васъ въ хорошій купеческій домъ. Семейство Сивковыхъ есть, люди благочестивые и сердобольные, съ радостью пріютятъ васъ у себя. Только ужъ вы пожалуста ни про нашихъ господъ, ни про Денисова, ни про ихъ богохульную вѣру ничего имъ не рассказывайте. Ежели донесется объ этомъ до Луповицъ, пострадать могу. Такъ ужъ вы, пожалуста, Богомъ прошу васъ, Авдотья Марковна.

— Будьте увѣрены, слова никому не вымолвлю,—отвѣчала Дуня.—И развѣ можно говорить мнѣ, ежели это повредитъ вамъ. Вѣдь вы мой избавитель, я вѣдь безъ васъ непременно бы пропала. А какъ бы послѣ того показалась я на глаза тятенькѣ?

— Такъ ужъ пожалуста. Я вполнѣ надѣюсь,—сказалъ отецъ Прохоръ.—А у Сивковыхъ какъ будетъ вамъ угодно—къ батюшкѣ ли напишите, чтобы кто-нибудь пріѣзжалъ за вами, или однѣ поѣзжайте. Сивковы дадутъ старушку проводить—сродница ихняя живетъ у нихъ въ домѣ, добрая, угодливая, Акулиной Егоровной зовутъ. Дорожное дѣло знакомо ей—всю почитай Россію не разъ изъѣздила изъ конца въ конецъ по богомольямъ. У Сивковыхъ и къ дорогѣ сготовитесь, надо вѣдь вамъ бѣлья, платья купить. Деньги то есть ли у васъ на покупку и на дорогу?

¹⁾ Губернскій городъ.

— Денегъ у меня довольно, на все достанетъ,—отвѣчала Дуня.

— Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно,—проговорилъ отецъ Прохоръ.—А еслибы паче чаянія нуждались въ деньгахъ, можно бы было у Сивкова достать, онъ вѣдь каждый годъ къ Макарью ѣздитъ и порядочное число соленой рыбы закупаетъ. Надо полагать, что и родителя вашего знаетъ, можетъ-статься и знакомство съ нимъ водить. Онъ ни въ чемъ не откажетъ вамъ... Вотъ еще о чемъ спрошу я васъ, Авдотья Марковна,—немного подумавши, продолжалъ отецъ Прохоръ.—Не осталось ли у васъ въ господскомъ домѣ какихъ-нибудь писемъ или записокъ о вашихъ сношеніяхъ съ хлыстами?

— Нѣтъ, ничего не осталось,—отвѣтила Дуня.

— То-то, этого теперь пуще всего надо опасаться,—молвилъ отецъ Прохоръ.—Нужно вамъ сказать,—только до времени объ этомъ пока никому не говорите,—не въ долгомъ надо полагать времени господамъ Луповицкимъ будетъ разгромъ: найдетъ судъ, обыски начнутъ у нихъ въ домѣ дѣлать, пойдетъ слѣдствіе. Сохрани Боже, если найдется какой-нибудь клочекъ бумажки, гдѣ помянуто ваше имя. Это можетъ и васъ къ дѣлу припутать. А дѣло повидимому разгорится очень важное и для всѣхъ хлыстовъ Луповицкихъ и другихъ самое непріятное по своимъ послѣдствіямъ.

— Нѣтъ, отецъ Прохоръ, никакихъ моихъ бумагъ въ ихнемъ домѣ не осталось,—сказала Дуня.—Но что жъ это за слѣдствіе? Что такое случилось?

— Всего подробно теперь объяснить вамъ не могу,—отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Самъ многого не знаю. На третій день послѣ Успеньева дня я ѣздилъ въ губернію, въ консисторіи по одному дѣлу былъ: тамъ одинъ вѣрный человѣкъ, хорошо знающій дѣла,

сказывалъ мнѣ, что новый владыка крѣпко принялся за хлыстовъ. Изъ Петербурга, слышь, изъ самаго Святѣйшаго Синода получилъ онъ указъ на счетъ господъ Луповицкихъ и о томъ, что скоро къ нимъ долженъ пріѣхать самый злѣйшій еретикъ Денисовъ... Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ихъ и накроютъ. А дѣло о хлыстахъ началось въ Москвѣ, и по взятымъ у нихъ бумагамъ открылось, гдѣ, въ какихъ, значить, мѣстахъ теперь они находятся. И повсюду, слышно, розыски пошли да слѣдствія. Не знаю ужъ, отъ кого и какимъ образомъ узналъ владыка, что я въ губерніи, и велѣлъ придти къ нему. И безъ малаго цѣлый часъ изволилъ келейно со мной бесѣдовать на счетъ Луповицкой хлыстовщины. Извѣстное дѣло, передъ архипастыремъ всю правду надлежитъ рассказывать. Я и рассказалъ. Тутъ владыка благословилъ меня ѣхать восвояси и примолвилъ о нашихъ сосѣдяхъ: «видно, имъ того же захотѣлось, что съ отцомъ ихъ было.»

— А что такое было съ ихъ отцомъ?—спросила ничего о старыхъ дѣлахъ не знавшая Дуня.

— Не слыхали развѣ?—сказалъ отецъ Прохоръ.— Про это не любятъ они разговаривать. Отецъ вѣдь тоже былъ въ этой самой ереси, а какъ человѣкъ былъ знатный и богатый, то никто къ нему и прикоснуться, не смѣлъ. Сильная рука у него была въ Петербургѣ при самомъ царскомъ дворѣ находились друзья его и благопріятели. А все-таки не избѣжалъ достойной участи—въ монастырь сослали, тамъ въ безъисходномъ заточеніи и жизнь скончалъ.

— А давно ль это было?—съ любопытствомъ спросила Дуня.

— Да ужъ лѣтъ тридцать прошло съ той поры, какъ его подъ стражей изъ Луповицъ увезли. Я былъ тогда еще вновь, только-что удостоился принять рукоположеніе,—отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Но его хорошо

помню—важный такой видъ имѣлъ, а корабль у него не въ примѣръ больше былъ теперяшняго. И въ томъ кораблѣ были все больше изъ благородныхъ да изъ нашего брата, изъ духовенства... А вотъ мы и пріѣхали,—прибавилъ отецъ Прохоръ, указывая на огоньки и на бѣлѣвшія въ полумракѣ зданія губернскаго города.

Отецъ Прохоръ подѣхалъ къ большому каменному дому купца Сивкова. Радужно встрѣтили его и хозяинъ, только-что воротившійся отъ Макарья, и жена его, и двѣ снохи, и дальняя сродница Акулина Егоровна, та самая, что разъѣзжала, а иной разъ и пѣшкомъ ходила по богомольямъ. Отецъ Прохоръ рассказалъ хозяину придуманный дорогой вымыселъ на счетъ Дуня.

— Не знаете ли, Поликарпъ Андреичъ, Марка Данилыча Смолокурова, рыбой у Макарья торгуетъ?—спросилъ онъ Сивкова.

— Какъ не знать Марка Данилыча!—отвѣчалъ Сивковъ.—На Гребновской онъ первый воротило. Довольно знаемъ Марка Данилыча, не разъ товаръ бирали у него, кредитовались значить.

— Вотъ это его дочка,—сказалъ отецъ Прохоръ, взявши Дуню за руку.

Хозяйка, обѣ снохи и Акулина Егоровна стали обнимать и цѣловать Дуню. Какъ ни удерживалась Дуня, а отъ искреннихъ ласкъ незнакомыхъ людей слезы вдругъ въ три ручья покатились у нея изъ глазъ, а подступившія рыданья совсѣмъ было задушили ее.

— Что съ вами, что съ вами?—услуживая Дунѣ, говорили жена и снохи Сивкова, а старушка Акулина Егоровна со всѣхъ ногъ бросила за холодной водой и съ молитвой напоила Дуню. Той стало немного полегче.

Между тѣмъ отецъ Прохоръ рассказывалъ, что

Авдотья Марковна съ одной пожилой купчихой изъ ихняго города собралась съѣздить въ Кіевъ на богомолье, и далеко еще туда не доѣхала, какъ съ ней случилось несчастье. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Луповицъ остановились богомольцы ночевать на постояломъ дворѣ у крестьянина. И въ то время, какъ всѣ ужъ заснули, на томъ дворѣ загорѣлось. Авдотья Марковна съ вечера не раздѣвалась и въ одномъ платьѣ выбѣжала изъ пылавшаго дома, а ѣхавшая съ нею купчиха и еще семь ли восемь ли богомолковъ сгорѣло. Все имущество, и кибитка, и ямскія лошади, все погорѣло.

— А я тогда случился въ сосѣднемъ селѣ, — прибавилъ отецъ Прохоръ, — дѣльцо тамъ было одно у меня. Вотъ и взялъ я на свое попеченье безпріютную дѣвицу.

— Ахъ, Господи! Ахъ, горе-то какое! Всякаго избави и сохрани Господи отъ такой бѣды! — воскликнули женщины, осыпая ласками Дуню.

— Это въ Перигоровѣ пожаръ-отъ былъ? — спросилъ Поликарпъ Андреичъ.

— Такъ точно, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — А я на ту пору былъ въ селѣ Слизневѣ, и версты не будетъ отъ Перигорова-то, побѣжалъ на пожаръ, да и нашелъ Авдотью Марковну.

— И до насъ объ этомъ пожарѣ вѣсти дошли, и про то еще рассказываютъ, что сколько-то богомольцевъ тутъ сгорѣло, — сказалъ Сивковъ.

А дня за три въ самомъ дѣлѣ былъ пожаръ въ Перигоровѣ, и нѣсколько человекъ, Богъ ихъ знаетъ откуда пріѣхавшихъ, сгорѣло на постояломъ дворѣ. Отецъ Прохоръ этимъ случаемъ воспользовался для своего рассказа.

— Какъ взялъ я Авдотью Марковну, такъ и порѣшилъ, не заѣзжая домой, къ вамъ ѣхать, — продол-

жалъ отецъ Прохоръ. — На васъ разсчитывалъ, зная, что не покинете бѣдняжку въ трудномъ ея положеніи. Опять же и то, что здѣсь можно ей будетъ во всемъ исправиться: бѣлья купить, платя и всего другого, что понадобится. Деньги есть у Авдотьи Марковны, а вотъ шубейку и платокъ, и черевики у Слизневской матушки попады на время для нея я взялъ, было бы въ чемъ до васъ доѣхать. Ужъ вы сдѣлайте милость, Поликарпъ Андреичъ, примите въ ней участіе. Родитель ея будетъ вамъ очень благодаренъ за неоставленіе единственной дочери.

— Объ этомъ, отецъ Прохоръ, нечего и толковать,—сказалъ Поликарпъ Андреичъ. — Опрічь того, что Марку Данилычу я всегда и во всякое время со всякой моей радостью готовъ услужить, насколько силъ и умѣнья станеть, мы бы и по человѣчеству должны были принять участіе въ такомъ несчастіи Авдотьи Марковны. Не соскучилась бы только у насъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Дунѣ.

— Помилуйте, Поликарпъ Андреичъ. Да я къ вамъ точно въ рай попала, послѣ того, что было со мной,—со слезами благодарности отвѣтила Дуня.

— Полноте, полноте, вы опять за слезы!—вскликнулъ Сивковъ.—По моему вамъ бы теперь отдохнуть, успокоиться. Семеновна, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—и вы сношеньки, подите-ка, мои матушки, успокойте Авдотью Марковну. А завтра поѣзжайте съ ней за покупками. А ежели у васъ, Авдотья Марковна, въ деньгахъ можетъ быть недостача, такъ вы объ этомъ не извольте беспокоиться — чѣмъ могу служить, все для васъ и для Марка Данилыча сдѣлаю.

Поликарпъ Андреичъ вдвоемъ остался съ отцомъ Прохоромъ. Долго разсуждали они, какъ быть съ Дуней. Наконецъ рѣшили такъ: только-что исправить она свои покупки, отправить ее къ отцу съ Аквудиной

Егоровной, а межъ тѣмъ послать письмо къ Марку Данилычу и отписать, гдѣ теперь она находится и въ какой день намѣрена въ дорогу выѣхать.

На другой день отецъ Прохоръ простился и съ Сивковыми и съ Дуней. Ея прощанье было самое задушевное. Обливаясь слезами, до земли она преклонилась предъ своимъ избавителемъ, но благословенія не приняла—все-таки вѣдь онъ никоніанинъ.

На прощанье дала она отцу Прохору сторублевую. Сначала тотъ не хотѣлъ было брать, однако взялъ. Дуня обѣщала писать къ нему, никогда не забывать его благодареній и помогать ему въ трудной жизни его.

На другой день стали покупать необходимое для Дуни. Она была окружена самымъ теплымъ участіемъ и безконечными ласками Сивковыхъ. А Поликарпъ Андреичъ, зная теперь, что она единственная дочь у Смолокурова, говорилъ наединѣ своей Семеновнѣ:

— Вотъ поторопились мы съ тобой Василья-то женить!—Вотъ бы невѣста ему. При теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло-то можетъ быть сладилось бы. Поторопились, поторопились. Милліонщица вѣдь

— Ужъ чего ты, батька не наскажешь,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила жена. Значить, не было на то воли Божіей. Да кто еще узналъ — пошла ли бѣ она за нашего Васильюшку.

— А отчего-жъ бы и не пойти?—возразилъ Поликарпъ Андреичъ. — Чѣмъ парень не вышелъ? Взялъ и ростомъ, и дородствомъ, не обидѣлъ его Господь и красой, и разумомъ. Отборный женихъ. А главное то возьми въ расчетъ, что вѣдь милліонщица! Послѣ отца одной ей все достанется.

— Перестань, батька, пустяки городить! Взбрѣдетъ же такая чепуха въ голову,—сказала Степановна и ушла отъ мужа въ другую комнату.

Покупки были готовы, и Дуня собиралась въ дорогу съ Акулиной Егоровной. Поликарпъ Андреичъ подрядилъ извозчика на долгихъ довести ихъ до того городка, гдѣ жилъ Марко Данилычъ. Рѣшено было ѣхать на другой же день, а между тѣмъ и Сивковъ и Дуня письма къ Марку Данилычу написали, ни однимъ словомъ однако не поминая о пожарѣ въ Перегоровѣ. Дуня увѣдомляла отца, что Марья Ивановна едва ли не до зимы пробудетъ у своихъ родныхъ и что знакомый ему Поликарпъ Андреичъ Сивковъ, войдя въ ея положеніе, отправляетъ ее въ родительскій домъ съ надежной женщиной, своей сродницей.

На другой день послѣ того, какъ отецъ Прохоръ воротился домой, Аграфена Петровна къ нему пріѣхала. Сказанныя имъ слова, что Дуня «пропала безъ вѣсти» до того поразили вихоревскую тысячницу, что вся она помертвѣла и долгое время въ себя не могла придти. Отецъ Прохоръ догадался, что она непросто знакомая Смолокуровымъ, а что-нибудь поближе. Когда пришла въ себя Аграфена Петровна и немного поуспокоилась, сказалъ онъ:

— Изъ такой вашей тревоги долженъ я заключить, что вы не совсѣмъ чужая Авдотѣ Марковнѣ. Можетъ статья сродницей ей доводитесь?

Не родная я ей, зато самая близкая, — едва слышнымъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ отвѣчала Аграфена Петровна. — Ахъ, Господи!.. Господи!.. Бѣда за бѣдой!.. Горе слѣдомъ за горемъ бѣжитъ!

— Вы сказали, что у Авдотьи Марковны родитель при смерти лежитъ, — молвилъ отецъ Прохоръ.

— Да, съ нимъ ударъ, отвѣтила Аграфена Петровна. — Безъ движенія лежитъ, безъ языка. а какъ

кажется, въ памяти. И вдругъ еще это горе! И такое ужасное!

— Смиритесь, сударыня, передъ перстомъ Господнимъ, — учительно сказалъ ей отецъ Прохоръ. — Создатель лучше насъ знаетъ, что намъ на пользу и что во спасенье.

— Вы близко ее знали? — спросила Аграфена Петровна.

— Очень близко, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — И ежели Богъ дастъ увидите, лихомъ она меня не помянетъ. А могу ли я у васъ попросить какого-нибудь видимаго знака въ доказательство, что близки вы съ Авдотьей Марковной? — продолжалъ послѣ короткаго молчанія отецъ Прохоръ. — Извините, не зная васъ лично, вполнѣ довѣриться не могу.

— Дунину руку знаете? — нѣсколько подумавши, спросила Аграфена Петровна

— Знаю.

— Вотъ ея письмо ко мнѣ, сличите.

А письмо-то писано было года полтора передъ тѣмъ. Дуня называла въ немъ Аграфену Петровну самымъ сердечнымъ другомъ своимъ, и говорила, что кромѣ ея нѣтъ у нея никого близкаго.

Кликнулъ отецъ Прохоръ Степанидушку и велѣлъ принести Дунино письмо, писанное къ попадѣ изъ губернскаго города съ благодарностями за привѣтъ и ласки. Когда Степанидушка принесла письмо, отецъ Прохоръ, внимательно разсмотрѣвъ оба, сказалъ:

— Теперь вижу, что вы близки, и могу много сообщить вамъ объ Авдотѣ Марковнѣ.

— Гдѣ она? Гдѣ? Не мучьте ради Бога меня, скажите скорѣй! — быстро схвативъ отца Прохора за руку, съ нетерпѣньемъ воскликнула Аграфена Петровна.

— Не беспокойтесь. Она въ мѣстѣ безопасномъ,

теперь ей не можетъ быть никакой непріятности, сказалъ отецъ Прохоръ.—Поѣзжайте въ нашъ губернскій городъ, тамъ у купца Сивкова найдете Авдотью Марковну. Марку Данилычу тотъ купецъ знакомъ. Дѣла у нихъ есть торговья.

— Такъ я сейчасъ же поѣду,—сказала Аграфена Петровна.

— Отдохните немножко, выѣдете подъ утро,—молвилъ на то отецъ Прохоръ. — Дня три либо четыре Авдотьѣ Марковнѣ надо будетъ съ дѣлами управиться. Вѣдь она въ одномъ платьицѣ изъ барскаго дома ушла. Хорошо еще что деньги-то были при ней.

— Какъ въ одномъ платьѣ?—съ изумленіемъ спросила Аграфена Петровна.—Это какъ такъ?

— Ночью она убѣжала,—сказалъ отецъ Прохоръ.—Грозило ей большое несчастье, бѣда непоправимая. Въ окошко выпрыгнула. Не до того было ей, чтобъ пожитки собирать... Да я лучше все по порядку расскажу. Неподалеку отъ того города, гдѣ жительствоуетъ родитель Авдотьи Марковны, одна пожилая барышня, генеральская дочь, имѣнье купила. Изъ семьи здѣшнихъ господъ она—Алымова, Марья Ивановна.

— Знаю я ее, знаю,—торопливо молвила Аграфена Петровна.—Съ годъ тому назадъ сдѣлала она для меня такое благодѣяніе, что никогда его нельзя забыть. Маленькую дочку мою отъ вѣрной смерти спасла — изъ подъ каретныхъ колесъ ребенка выхватила. Не будь Марьи Ивановны, до смерти бы задавили мою дѣвочку... Всегда Богу за нее молюсь и почитаю благодѣтельницей.

— Вотъ! Одной рукой людей отъ тѣлесной смерти спасаютъ, а другой ведутъ ихъ въ вѣчную смерть, въ адскую погибель,—вздохнувъ и поникнувъ сѣдой головой, сказалъ отецъ Прохоръ.—Доколѣ Господи терпишь Ты имъ?

— Неужели Марья Ивановна? — сказала Аграфена Петровна. — Не могу понять, какъ это случиться могло?

— А вы тамъ, въ своей сторонѣ, не слыхали ль чего про Марью Ивановну? — спросилъ отецъ Прохоръ.

— Богъ ее знаетъ, — сказала Аграфена Петровна. Мало ль какіе слухи по народу стали теперь обноситься — всего не переслушаешь. Толкуютъ, что какой-то особой вѣры держится она, фармазонской что ли какой.

Промолчалъ отецъ Прохоръ, Не пускался онъ съ Аграфеной Петровной въ откровенности, боясь, чтобы коимъ грѣхомъ его слова не были перенесены въ барскій домъ. Конечно, Дуня обѣщалась не оставлять его своей помощью, однакожъ лучше держать себя поопасливѣй — береженаго и Богъ бережетъ, а дѣло, что началось на счетъ хлыстовъ, еще кто его знаетъ, чѣмъ кончится.

— Увидитесь, Богъ дастъ съ Авдотьей Марковной, пусть она сама расскажетъ вамъ про все, — молвилъ отецъ Прохоръ. — А теперь вотъ что я скажу вамъ: Марья-то Ивановна стало быть знаетъ васъ? Знаетъ стало-быть и то, что вы съ Авдотьей Марковной близки.

— Знаетъ, все знаетъ, — сказала Аграфена Петровна.

— Такъ видите-ли — хоть мы и рады гостямъ во всякое время, а совѣтовалъ бы я вамъ и ради Авдотьи Марковны и ради меня, чтобы вы теперь же ночью выѣхали изъ Луповицъ, — сказалъ отецъ Прохоръ. — Не то увидить васъ Марья Ивановна, да узнаетъ, что вы у меня остановились, тогда чтобы бѣды какой не случилось, особливо для меня. А я человѣкъ зависимый, и хоть увѣренъ, что Авдотьей Марковной оставленъ не буду, однакожъ, надо мной есть начальство. Вздумають здѣшніе господа пожаловаться — рука у

нихъ сильная, а я человѣкъ маленькій, безо всякой защиты. Такъ вы ужъ пожалуста не посѣтуйте, хоть мнѣ и очень совѣстно, да что жъ тутъ дѣлать?

— Вы хорошо придумали, отецъ Прохоръ, — сказала Аграфена Петровна. — Лошадей я наняла въ губернскомъ городѣ, сюда и обратно. Вотъ немножко покормятъ ихъ, я тотчасъ и въ путь. Но гдѣ жъ найду я тамъ Дунюшку?

— Въ губернскомъ городѣ, недалеко возлѣ базарной площади, большой каменный домъ купца Сивкова стоитъ, всякій его укажетъ вамъ, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — Поклонитесь и Авдотѣ Марковнѣ, и Сивкову Поликарпу Андреичу со всѣмъ его благословеннымъ семействомъ. Люди они хорошіе, сердечные — завтра сами увидите.

За полночь ужъ было, когда на покормленныхъ немножко лошадяхъ поѣхала изъ Луповицъ Аграфена Петровна. Съ любовью и радушіемъ проводили ее и отецъ Прохоръ, и матушка попадья, и обѣ поповны, говоря, что очень соболѣзнуютъ, не угостивши какъ бы слѣдовало пріѣхавшую изъ такой дали гостью. А когда, проводя ее, воротились въ домъ, и отецъ Прохоръ вздумалъ поправить лампадку, что теплилась передъ образами, на полочкѣ кіотки увидалъ сторублевую бумажку! Ясно, что ее оставила Аграфена Петровна. Не ворочать же ее съ дороги. Отецъ Прохоръ съ матушкой рѣшили написать промелькнувшей въ домъ ихъ гостѣ благодарное письмо — благо знали, какъ надписывать письма къ Смолокурову. Въ два дня двѣ сотни прибыли отцу Прохору, не считая десятирублевой, данной Андреемъ Александрычемъ. А луповицкій поцъ въ цѣлый годъ за требы съ прихожанъ не получалъ такихъ денегъ. Да кромѣ того и впереди надежда — Авдотья Марковна со своими милліонами не забудетъ его, поможетъ при нужномъ случаѣ.

Хоть вѣтеръ стихъ немного, но непогода не переставала. Какъ изъ сита сыпаль мелкій осенній дождикъ и громко шумѣлъ о кожаную крышку дорожной кибитки, гдѣ сидѣла Аграфена Петровна съ глухой Степановной, взятой въ попутчицы изъ Смолокуровскаго дома. Наскоро накормленная тройка чуть тащила по глубокой, по самую ступицу, грязи, больше тащилась шагомъ, а кругомъ не видно зги. Выѣхавши изъ Луповицъ и добравшись до сосѣдней деревни, Аграфена Петровна успокоилась, а до того все погони изъ барскаго дома боялась. Она думала теперь, что Луповицы мѣсто недоброе, а барскій домъ — вертепъ самыхъ злыхъ людей. Отецъ Прохоръ не сказалъ ей, какая опасность угрожала Дунѣ и отъ какой бѣды спасена она, потому Аграфена Петровна и не могла понять, отъ чего это ея подруга убѣждала изъ того дома въ одномъ платьѣ, бросивши пожитки. Чего только ни приходило ей въ голову, но, не зная тайнъ фармазонской вѣры, не могла она представить себѣ о бѣдѣ, грозившей Дунѣ.

Поздно вечеромъ Аграфена Петровна добралась до «губерніи». Сыскать домъ Сивкова было нетрудно, каждый его зналъ. Супротивъ того дома былъ широкій одноэтажный деревянный постоянный дворъ; въ немъ на пути въ Луповицы останавливалась на нѣсколько часовъ вихоревская тысячница, не подозрѣвая, что напротивъ посмоялаго двора была тогда Дуня.

Былъ уже часъ одиннадцатый, — огней у Сивкова не видно, — должно-быть всѣ спать легли. Аграфена Петровна рѣшилась переночевать въ той же гостиницѣ, гдѣ останавливались наканунѣ. Однакожъ ей не терпѣлось. Поглядывая изъ-за своихъ запотѣлыхъ и дождемъ закрапленныхъ оконъ, она то и дѣло посматривала на домъ Сивкова. Ни единого огонька, но вотъ растворилась вдѣланная въ широкія ворота узень-

кая калитка и лѣниво вышелъ изъ нея дворникъ, закутанный въ дубленый полушубокъ, съ лицомъ наглухо обвязаннымъ платкомъ. Вышелъ онъ на улицу, снялъ шапку, трижды перекрестился на церковь, что стояла середь базарной площади, и широко, во весь ротъ зѣвнувши, усѣлся на приворотной скамейкѣ. Видитъ это Аграфена Петровна, и вдругъ захотѣлось ей узнать, тутъ ли Дуня или ужь уѣхала. Не надѣясь на глухую и разоспавшуюся Степановну, быстро накинула она на себя шубейку и, выйдя съ постоялаго двора торопливымъ шагомъ, перебѣжала улицу по булыжной мостовой, покрытой сплошь черной, какъ смоль, липкой, невылазной грязью.

— Послушай, голубчикъ, — сказала она, — подойдя къ дворнику. — Это домъ Сивкова?

— Поликарпа Андреича Сивкова — такъ точно, — хриплымъ голосомъ, сквозь зубы промычалъ дворникъ, не вставая со скамьи и поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда рвался студеный порывистый вѣтеръ.

— Послушай, голубчикъ, я проѣзжая, часу нѣтъ, какъ пристала на этомъ постояломъ дворѣ, — начала Аграфена Петровна,

— Понимаемъ. Это намъ можно понимать, — недовольнымъ голосомъ промолвилъ дворникъ.

— Мнѣ бы надо было знать о дѣвушкѣ, третьяго дня никакъ пріѣхавшей со священникомъ, отцомъ Прехоромъ, — проговорила Аграфена Петровна.

— Не наше дѣло, — сказалъ дворникъ и махнулъ рукой: убирайся молъ по-добру по-здорову.

— Въ окошкахъ не видно свѣту; надо думать, что спать легли, а то бы я прямо къ Поликарпу Андреичу пошла, — сказала Аграфена Петровна

Дворникъ не далъ отвѣта.

— Послушай, голубчикъ, — сказала Аграфена Петровна, вынимая зелененькую. — Праздники подходятъ,

скоро будетъ Мала Пречиста ¹⁾). Возьми на этотъ праздникъ.

Дворникъ взялъ бумажку и, не смотря на дождь и на крѣпкій вѣтеръ, подошелъ къ уличному фонарю, разглядѣлъ подаренъе и, спрятавъ его, подошелъ къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Много вамъ благодарны остаемся, — сказалъ онъ ей. — Дай вамъ, Господи, всякаго благополучія и во всемъ добраго успѣха. Въ чемъ же вамъ до меня надобность? Съ готовностью могу все для вашей чести. Конечно, люди мы, какъ изволите знать, маленькіе, подчиненные, многого сдѣлать не можемъ; а о чемъ спросите, отвѣтъ дадимъ съ удовольствіемъ.

— Скажи пожалуйста, пріѣзжая дѣвица у васъ еще, иль уѣхала? — спросила Аграфена Петровна.

— Покаместъ у насъ, — отвѣчалъ дворникъ. — А завтра подъ вечеръ, либо послѣ завтра утромъ, поѣдетъ она, куда ей надобно, съ нашей Акулиной Егоровной, сродница хозяйну-то будетъ. Погорѣла, слышь, ваша-то знакомая въ деревнѣ Перигоровѣ на постояломъ дворѣ. Много, сказываютъ, людей живьемъ тамъ погорѣло, и пожитковъ, и лошадей, и всякаго другого добра. Эти дни пріѣзжая-то все искупала себѣ на дорогу. По всему видится, что она при большихъ достаткахъ. А впрочемъ дѣло не наше — вѣрно сказать не могу. А гуторятъ по дому, въ застольныхъ, значить, и у насъ на конюшняхъ. Я вѣдь, сударыня, у хозяина то днемъ конюхомъ, а ночью на караулѣ стой. Таковъ ужъ распорядокъ. Хуже крѣпостныхъ, аль дворовыхъ живемъ, даромъ, что государевыми пишемся. Крѣпостные да дворовые излѣнились и стали въ тягость барамъ, а все-таки ихняя жизнь не въ примѣръ

¹⁾ Рождество Богородицы, 8-го сентября.

нашей краснѣе. Купецъ вѣдь совсѣмъ тебя вымозжитъ.

— Скажи, любезный, — перерывая дворника, спросила Аграфена Петровна. — Не въ заднихъ ли комнатахъ пріѣзжая дѣвица? Можетъ, она еще не спитъ, я бы прошла къ ней, коли бы ты провелъ меня. Я бы за то тебя хорошо поблагодарила. Хочешь пятирублевую?

Жалобно дворникъ вздохнулъ. Очень хотѣлось ему получить благодѣтельную, но сдѣлать не могъ ничего. Постоялъ молча, минуты съ двѣ раздумывая, нельзя ли какъ пробраться къ пріѣзжей, но ничего не придумалъ. Сказалъ онъ Аграфенѣ Петровнѣ:

— Теперь никакъ нельзя. Весь домъ пожалуй перебулгачишь. Нѣтъ, ужъ вы лучше завтра утромъ пораньше приходите. Хозяева примутъ васъ со всякимъ удовольствіемъ—будьте въ томъ несомнѣнны. А поутру, какъ только проснется пріѣзжая, я ей черезъ комнатныхъ дѣвушекъ доведу, что вы ночью ее спрашивали, а сами пристали на постояломъ дворѣ супротивъ насъ. Можетъ и сама къ вамъ прибѣжить. Какъ только сказать то ей про васъ?

Аграфена Петровна сказала свое имя, и дворникъ, удовлетворенный трехрублевою благодѣтнею, на своихъ рукахъ перенесъ вихоревскую тысячницу черезъ заплывшую грязью улицу.

На другой день, только что проснулась Аграфена Петровна и стала было одѣваться, чтобъ идти къ Сивковымъ, распахнулись двери и вбѣжала Дуня. Съ плачемъ и рыданьями бросилась она въ объятія давней любимой подруги, сердечнаго друга своего Груни. Нѣсколько минутъ прошло, ни та, ни другая слова не могли промолвить. Только радостный плачь раздавался по горенкѣ.

Изумилась Дуня, увидѣвши, что такая домосѣдка,

какъ Аграфена Петровна, покинувъ мужа, дѣтей и хозяйство, пріѣхала къ ней въ такія дальнія, незнакомыя мѣста. Ея сердце почувало что-то недоброе—она еще ничего не знала о смертной болѣзни Марка Данилыча и засыпала Груню разспросами.

Только что услыхала Дуня о болѣзни отца, минуты двѣ или три не могла слова сказать Потомъ, закрывши лицо руками и громко зарыдавъ, безъ чувствъ упала на неприбранную еще постель Аграфены Петровны. Нескоро пришла въ себя, не скоро собралась съ силами.

— Тятенька, тятенька!—воскликала она. — Милый ты мой, дорогой, безцѣнный! И все это безъ меня, безъ меня!.. Куда теперь дѣнусь, куда преклоню свою побѣдную голову?

Сколько можетъ, утѣшаетъ ее Аграфена Петровна, но долго еще лились потоками горячія слезы изъ глазъ безотрадной Дуни. Утишился, наконецъ, первый приступъ страшнаго горя, перемогла себя Дуня и рассказала обо всемъ, что случилось съ ней въ Луповицахъ. Съ ужасомъ выслушала Аграфена Петровна разсказъ ея.

— При чемъ же тутъ Марья Ивановна?—спросила, наконецъ, она, все еще сохраняя благодарную память о спасительницѣ своего ребенка,—неужели и она такая?

— Ахъ, ничего ты не знаешь, моя сердечная... И того не знаешь, что за звѣрь такой эта Марья Ивановна. Все отъ нея стало. Она и въ ихнюю вѣру меня заманила!... Она и къ Денисову заманила!...—вскликнула Дуня, стыдливо закрывъ руками разгорѣвшееся лицо. — Все она, все она... На всю жизнь нанесла мнѣ горя и печали! Охъ, еслибъ ты знала, Груня, что за богопротивная вѣра у этихъ Божьихъ людей, какъ они себя называютъ. Какіе они Божьи люди?... Сатаны порожденья.

И отвыкшая въ продолженіе долгаго времени произносить имя злаго духа, Дуня невольно содрогнулась, когда съ чистыхъ дѣвственныхъ устъ ея слетѣло имя отца нечестія и вѣчной злобы.

— Да что жъ это за вѣра?—спросила Аграфена Петровна.

— Самая богомерзкая,—быстро отвѣтила Дуня.— Это лжеучители, лжепророки и лжехристы, про которыхъ истинный Христосъ сказалъ, что явятся они въ послѣднія времена міра.

— Фармазонами, слышь, зовутъ ихъ,—молвила Аграфена Петровна.— По нашимъ мѣстамъ за Волгой такихъ нѣтъ, что-то не слышно, и ничего про нихъ я не знаю, а слушая тебя, все-таки не возьму въ толкъ, что это за вѣра. Знаю одно, что на дняхъ въ Фатьянкѣ всѣхъ переселенныхъ туда Марьей Ивановной изъ Симбирской губерніи людей забрали и куда-то отвезли. Поэтому больше за тобой я сама и поѣхала. А то было и къ Марьѣ Ивановнѣ и къ тебѣ батюшка Патапъ Максимычъ письма съ эстафетой послалъ, прося, чтобы везли тебя скорѣе, успѣть бы тебѣ увидать родителя въ живыхъ и послѣднее благословеніе его получить. А только-что пали слухи про фатьянковскихъ, батюшка Патапъ Максимычъ въ какіе-нибудь полчаса меня въ дорогу снарядилъ. Въ чемъ же ихъ вѣра? Нехорошая, должно-быть, ежели за нее людей цѣлыми деревнями забираютъ.

Дуня рассказала про хлыстовскую вѣру, не упоминая конечно ни про Сенъ-Мартена, ни про Гіонъ, ни про другихъ мистическихъ писателей. Она знала, что все это для Аграфены Петровны будетъ темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Сказала однако Дуня, что Марья Ивановна сблизила ее со своей вѣрой сперва книгами, потомъ разговорами.

Въ ужасъ пришла Аграфена Петровна, услыхавши

про радѣнія и прореченія и больше слушать не захотѣла дальше, когда Дуня стала было рассказывать ей о схожденіяхъ самого Господа Саваоѳа на гору Городину, а потомъ на гору Араратскую.

— Мерзость предъ Господомъ!—громко вскрикнула она, перервавши Дуню.—И слушать не хочу, и не говори ты объ этомъ ни мнѣ и никому другому. Подумать страшно, даже въ помышленіи держать. Великій грѣхъ и слушать это безумное вранье!

Облилась Дуня слезами при этихъ словахъ давняго, вѣрнаго друга. Сознавала она правду въ рѣчахъ Груни и не могла ничего возразить. Въ глубокую думу погрузилась она, и черезъ нѣсколько минутъ, надрываясь отъ горя, кинулась на постель Аграфены Петровны и, спрятавъ лицо въ подушки, не своимъ какъ будто голосомъ стала отрывисто вскрикивать. Еслибъ эти рыданья, эти сердечные вопли случились въ Сіонской горницѣ, соборъ Божьихъ людей возопилъ бы: «накатилъ! накатилъ!» Хлыстовскія душевныя движенія оставались еще въ Дунѣ.

Причитала она:

— Тятенька, тятенька! Золотой мой тятенька! До чего дошла твоя любимая дочка!.. Лежишь ты при смерти, а дочка твоя балованная всего натерпѣлась отъ злыхъ людей въ дальней сторонущкѣ... Зачѣмъ ты послушалъ Марью Ивановну, зачѣмъ отпустилъ меня съ ней? Весело было мнѣ и радостно, какъ поѣхала съ ней, и вотъ радость и веселье до какой бѣды довели. Охъ ты тятенька, тятенька! Чуетъ ли твое сердечушко, что случилось съ любимою дочкой твоей? Живучи при тебѣ, золотой мой тятенька, никѣмъ не была я обижена, никѣмъ-то не была я огрублена, жила за тобой, какъ за стѣной каменной, не посмѣлъ вѣтерокъ дохнуть на лицо мое бѣлое, ни откуда не чаяла я невзгодушки, а теперь вотъ до чего

дошла!.. Хоть бы разъ еще на тебя хоть глазкомъ посмотрѣть!.. Принять бы у твоего смертнаго одра послѣднее родительское благословеніе!.. Знаю я, знаю, красно мое солнышко, въ какой путь ты собираешься, куда идти снаряжаешься!.. Сама знаю, сама вѣдаю, по какой дорожкѣ идти ты отправляешься—на завѣтное ваше кладбище, ко своимъ милымъ родителямъ! Оставляешь меня сироту бѣдную, покидаешь несчастную... На кого покидаешь ты побѣдную мою головушку? Оставляешь свою доченьку горькой сиротой, безутѣшною... Подломились мои ноженьки, опустились руки бѣлыя, нерадостенъ сталъ Божій свѣтъ!

Больше и больше приходя въ восторженность, Дуня приподнялась съ подушки, сѣла на постель и стала топать ногами... Опустила руки на колѣни, глаза разгорѣлись у ней, лицо побагровѣло и вся затряслась она; мелкія судороги забѣгали по лицу. Внѣ себя стала.

— Накатилъ, накатилъ!—начала она вскрикивать, еще не вполнѣ очистивши себя отъ хлыстовскаго нечестія. — Слушайте волю, слушайте волю!.. Близится фіаль ярости, близится міру конецъ... Конецъ, конецъ!.. Разрушенье!..

Хлебнула Аграфена Петровна холодной воды и неожиданно sprysнула Дуню. Восторженность прекратилась, но корчи тѣла и судороги на лицѣ усилились еще больше. Аграфена Петровна, придерживаясь старорусскаго врачеванія, покрыла лицо Дуни большимъ платкомъ. Не прошло и четверти часа, какъ она очнулась, и слабая, изнеможенная, приподнявшись съ постели, спросила Аграфену Петровну:

— Что со мной, Груня?

— Сама не знаю,—отвѣчала Аграфена Петровна.— По Маркѣ Данилычѣ причитала, а потомъ, ровно не въ своемъ умѣ, Богъ знаетъ что говорила, какое-то

несообразное — я понять не могла. На-ка, выкушай, это облегчить.

И подала Дунѣ стаканъ холодной воды. Та съ жадностью выпила и пришла въ себя.

Когда Дуня успокоилась, она пошла съ Аграфеной Петровной къ Сивковымъ. Тамъ съ сердечнымъ радушіемъ приняли вихоревскую тысячницу.

Покупки были сдѣланы, и пріятельницы на другой же день поѣхали домой. Узнавъ о тяжелой болѣзни Марка Данилыча, Сивковы не настаивали, чтобы Дуня, какъ слѣдуетъ по старымъ обычаямъ, осталась на сколько-нибудь погостить у нихъ.

Патапъ Максимычъ ѣржалъ домъ умиравшаго пріятеля въ крѣпкихъ рукахъ, но незнаніе дѣлъ по прядильнымъ и лѣсной пристани затрудняло его при распорядкахъ. Повѣривъ счеты пріѣхавшаго съ Унжи Корнея Евстигнѣева, онъ открылъ воровство на большую руку и, несмотря на ругательства и даже угрозы Прожженнаго, при помощи городничаго отобралъ отъ него довѣренность и прогналъ со двора долой. То же постигло и Василья Ѡадѣева. Тогда въ домѣ водворился порядокъ — работные люди и годовые, и временные были чрезвычайно довольны распорядками Патапа Максимыча, избавившаго ихъ отъ ненавистныхъ прикащиковъ. Они стали усердны къ работамъ и въ скоромъ времени должны были покончить ихъ. Но вотъ бѣда—въ октябрѣ Патапу Максимычу надо непременно заняться своей горящиной, а потому долго оставаться у Смолокурова было ему нельзя. Хоть бы прикащиковъ до того времени пріискать почестнѣе да подѣльнѣе и сдать бы все дѣло имъ на руки. Марку Данилычу долго не прожить, это замѣчалъ Чапуринъ, а лѣкарь говорилъ, что въ такомъ жалкомъ состояніи

хоть и долго продышитъ, но до смерти останется нѣмымъ, безчувственнымъ и безо всякаго движенія. Дочь дѣвица молодая, ни къ чему не приучена, да кажется и не таковская, чтобы къ дѣламъ привыкать, рассуждалъ Патапъ Максимычъ, нужно ей человѣка два «вѣрныхъ людей».

И тутъ пришелъ ему на мысли шурина Никифоръ Захарычъ. Послѣ Настиной смерти онъ совсѣмъ остепенился и сталъ другимъ человѣкомъ, добрымъ, хорошимъ, смѣтливымъ и добросовѣстнымъ, капли вина въ ротъ не бралъ, и Патапъ Максимычъ не разъ убѣдился, что какое дѣло Никифору ни поручи, исполнить его, какъ можно лучше. Вотъ ужъ больше года, какъ сталъ онъ нравомъ тихъ и спокоенъ — не то, чтобъ буйнить да драться, какъ прежде бывало, теперь онъ удалялся отъ всякаго шума и, когда живалъ у Патапа Максимыча въ Осиповкѣ, только у него и выхода было со двора, что на могилу Насти. Будь проливной дождь, будь трескучій морозъ, ему все ни по чемъ. Нѣсколько разъ посылалъ его Патапъ Максимычъ по своимъ дѣламъ въ дальнія мѣста, и Никифоръ Захарычъ такъ исполнялъ ихъ, какъ не всякому удается. Парень-отъ былъ онъ смышленный и умѣлый, зелено вино только губило его столько времени. Его-то и рѣшилъ Чапуринъ пристроить на время къ Смолокуровскимъ дѣламъ. Но другого прикащика гдѣ сыскать?

Уныло глядѣлъ домъ Марка Данилыча, когда подъѣзжали къ нему изусталыя въ дорогѣ Дуня и Аграфена Петровна. Передъ домомъ во всю улицу лежали снопы соломы, дня черезъ три, либо черезъ четыре накладываемые по приказанію городничаго, всѣ окна въ домѣ были закрыты наглухо, а вокругъ него и на дворѣ тишина стояла невозмутимая, не то, что прежде, когда день-деньской бывало стономъ стоятъ голоса то

веселые, то пьяные и разгульные. Ровно вымерло все. На крыльцѣ встрѣтили прїѣхавшихъ Патапъ Максимычъ, возвращавшійся съ прядилень, и Дарья Сергѣвна, завидѣвшая кибитку изъ окошка своей горенки.

— Что тятенька? — не выходя еще изъ кибитки, вскрикнула Дуня.

— То же все, — сухо и мрачно отвѣчалъ, глядя въ сторону, Патапъ Максимычъ.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, Патапъ Максимычъ. До смерти не забуду вашихъ благодѣяній. Богъ воздастъ вамъ за ваше добро, — сказала Дуня, подходя къ Чапурину и ловя его руку, чтобы какъ дочери поцѣловать ее.

— Что это вы, что это, Авдотья, Марковна? — не давая руки, вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь я не пошъ, чтобъ вамъ руки у меня цѣловать. Лучше вотъ такъ попросту, по старинѣ. При моихъ годахъ это вамъ неззорно.

И обнялъ Дуню и трижды поцѣловалъ ее со щеки на щеку. Вся зардѣлась она, хоть и немного еще прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ знакомымъ и незнакомымъ мужчинамъ безъ малѣйшаго зазрѣнія стыда и совѣсти усердно раздавала она серафимскія лобзанія.

— Здравствуйте, моя милая, здравствуйте, моя сердечная, — обратилась Дуня къ Дарьѣ Сергѣвнѣ и въ слезахъ поцѣловалась съ нею. Дарья Сергѣвна зарыдала, склонившись лицомъ на плечо Дуни. Но что-то недовольное таилось въ душѣ ея, съ тѣхъ еще поръ, какъ ея воспитанница поддалась вліянію ненавистой Марьи Ивановны.

— Къ тятенькѣ, скорѣй къ тятенькѣ, — надорваннымъ голосомъ вскрикнула Дуня, и, не смотря на усталость, стремглавъ бросилась вверхъ по лѣстницѣ.

На встрѣчу ей лѣкарь. Какъ давнишній житель городка, онъ зналъ ее

— Вотъ какая у васъ бѣда стряслась, да еще безъ вашей бытности!—сказалъ онъ. — Батюшка вашъ все въ одномъ положеніи съ того дня, какъ это съ нимъ приключилось. Голова по-моему лучше, началъ понемножку людей узнавать, говоритъ даже изрѣдка, но нетвердо, невнятно, трудно понять. Напередъ скажу—можетъ онъ прожить годъ, пожалуй и больше, но не поправится никогда и не встанетъ съ постели, до самой смерти останется безъ языка, безъ движенія и даже почти безъ сознанія. Ужасный ударъ, рѣдко такой бываетъ, мнѣ во всю мою долготѣнную практику еще не случалось такого видѣть. Каждый день я бываю у вашего батюшки, но, увѣряю васъ, Авдотья Марковна, созовите вы хоть всѣхъ самыхъ ученыхъ и самыхъ опытныхъ врачей, и тѣ его здоровья не возстановятъ.

— Благодарю васъ за ваши попеченія о бѣдномъ тятенькѣ, очень благодарю, ото всей души благодарю, но извините, я спѣшу къ нему. Завтра, если будете у насъ, я съ вами побольше поговорю,—сказала Дуня.

— Могу и сегодня пріѣхать, ежели угодно вамъ будетъ,—отвѣтилъ лѣкарь. — А теперь прошу я васъ немножко обождать видѣться съ батюшкой. Съ четверть часа или минутъ съ двадцать подождите. Надо его приготовить къ свиданью, потому что въ этой болѣзни каждый душевный порывъ, отъ радости ли, отъ несчастія ли, сильно можетъ повредить больному, можетъ даже убить его. Я пойду и предупрежу его... А онъ васъ ждетъ, сегодня хоть и очень невнятно сказалъ онъ: «Дуня.» А когда я сказалъ, что вы еще не пріѣхали, онъ долго металъ въ тоскѣ здоровой рукой, а потомъ и глаза закрылъ. Опасаюсь, чтобъ ваше внезапное появленіе не было во вредъ ему. Нѣтъ, ужъ позвольте, я лучше предупрежу его.

Пошелъ лѣкарь къ Марку Данилычу, а Дуня въ

бесиліи опустились на кресло и не внимала словамъ Патапа Максимыча, Дарьи Сергѣвны и Аграфены Петровны.

Прошло съ четверть часа, лѣкаръ вышелъ отъ больного и сказалъ Дунѣ:

— Пожалуйста. Нашъ больной пріѣзду вашему обрадовался, ждетъ васъ... Только одинъ ступайте къ нему и пробудьте не больше десяти минутъ; я впрочемъ за вами самъ приду.. Слезъ вамъ удержать нельзя, но скрѣпите себя сколько возможно. Ни рыданій, ни вскриковъ, ни другихъ порывовъ. Помните слова мои.

Неслышными стопами вошла Дуня въ комнату, гдѣ отецъ лежалъ на страдальческомъ ложѣ. Не слышалъ онъ, какъ вошла Дуня, и все еще оставался съ закрытыми глазами. Она безмолвно опустилась на колѣни и въ тихихъ слезахъ склонилась головой къ подушкѣ.

Такъ прошло минуты двѣ. Слышно только было тяжелое, порывистое дыханье Марка Данилыча. Наконецъ открылъ онъ глаза и, увидя возлѣ себя дочь, чуть слышно и едва понятно сказалъ:

— Дуня!

И потекли изъ глазъ его обильныя слезы. Застоналъ онъ, но въ стонѣ, слышалась радость.

Дуня припала къ здоровой рукѣ отца, и цѣловала ее, обливая слезами. Марко Данилычъ хотѣлъ улыбнуться, но на перекошенномъ лицѣ улыбка вышла какою-то странною, даже страшною.

Высвободя здоровую руку и грустнымъ тоскливымъ взоромъ глядя на дочь, Марко Данилычъ показывалъ ей на искривленное лицо, на языкъ и на отнявшуюся половину тѣла. Съ большимъ трудомъ дикимъ голосомъ сказалъ онъ:

— Н-нѣтъ.

— Успокойся, тятенька, Богъ милостивъ, опраишься,—дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ рыданій голосомъ промолвила Дуня.—Я сейчасъ говорила съ лѣкаремъ, онъ надѣется, что тебѣ скоро облегченіе будетъ.

— Н-нѣтъ,—съ усиліемъ сказалъ Марко Данилычъ.

И указывая на стоявшій возлѣ постели желѣзный сундукъ, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ остававшихся силъ, глухо промычалъ:

— Ты... т...тебѣ.

Въ это время вошелъ лѣкаръ. Обращаясь къ больному, сказалъ онъ:

— Ну, вотъ и съ дочкой увидѣлись. Теперь надо успокоиться, не то пожалуй утомитесь, и тогда вамъ хуже будетъ. Заснуть извольте-ка. А вы, Авдотья Марковна, со мной пожалуйста. Сосните хорошенько, Марко Данилычъ, успокойтесь. Дочка пріѣхала въ добромъ здоровьѣ, теперь нѣтъ вамъ ни тревоги, ни заботы изъ-за нея. Будьте спокойнѣе духомъ—это вамъ полезно. Прощайте, до свиданья. Завтра навѣщу; смотрите же, будьте у меня молодцомъ

Лѣкаръ съ Дуней вышелъ изъ комнаты больного, и Марко Данилычъ тотчасъ же сомкнулъ глаза и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

По уходѣ лѣкаря всѣ сѣли вокругъ чайнаго стола. Немножко успокоенная, но еще вполнѣ не понимавшая опасности, въ какой былъ отецъ, грустная, печальная Дуня рассказала о своемъ съ нимъ свиданьѣ. Дошла рѣчь и до сундука.

— Онъ много разъ на него мнѣ указывалъ—возьми значить да вскрой,—сказалъ Патапъ Максимычъ, однакожь я безъ законной наслѣдницы, безъ васъ то-есть, Авдотья Марковна, на это не отважился. Злыхъ людей на свѣтѣ не перечесть—мало ль чего наплести могутъ. Пожалуй скажутъ, что я тутъ попользовался. Полицію да подъячихъ призывать не хотѣлось бы.

Поэтому и поджидалъ я васъ, Авдотья Марковна, чтобы вскрыть сундукъ на вашихъ глазахъ. Тамъ, говорятъ, у вашего батюшки и деньги, и векселя положены. Надо все привести въ извѣстность. Завтра, а не то послѣзавтра покончимъ это.

— Что жь? Я готова, потому что знаю теперь волю тятинькину, — отвѣтила Дуня.

— И прекрасно, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Такъ мы завтра же вскроемъ.

— Какъ вамъ угодно, а я всегда готова, — отвѣтила Дуня. — Только ужъ сдѣлайте милость, устройте сколько можно наши дѣла. Вѣдь я ничего въ нихъ не понимаю, и сдѣлать ничего не умѣю. А кромѣ васъ, у меня нѣтъ никого, кто бы помогъ.

— Будьте спокойны, что могу, то сдѣлаю, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А теперь вотъ о чемъ хочу спросить я васъ: отъ слова не сдѣлается, а все-таки... сами вы видѣли Марка Данилыча... Вонъ и лѣкарь говоритъ и по всѣмъ замѣчаніямъ выходитъ, что не жилецъ онъ на свѣтѣ. Надо бы вамъ хорошенько подумать, какъ дѣлами распорядиться.

— Ахъ, что вы говорите, Патапъ Максимычъ! — вскрикнула Дуня. — Богъ милостивъ, тятенька встанетъ, будетъ совсѣмъ здоровъ. Зачѣмъ же прежде времени объ этомъ говорить?

И горько заплакала

— Конечно, у Бога милостей много, — сказалъ Патапъ Максимычъ, — и во власти Его чудеса творить. Но мы по-человѣчески разсуждаемъ. Напередъ надо все обдумать и къ новой жизни приготовиться.

Дуня молчала. Аграфена Петровна сказала Патапу Максимычу.

— Не видишь развѣ, тятенька, что Дуня ничего не можетъ теперь придумать... Лучше эти разговоры отложить до другого времени.

— Откладывать нельзя, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Долго мнѣ здѣсь гостить невозможно — свои дѣла есть. Наѣзжать когда дня на два, когда на три могу, но подолгу проживать мнѣ нельзя. Поэтому надо теперь же рѣшить, какъ вести дѣла Авдотѣ Марковнѣ. Продолжать ихъ какъ при Маркѣ Данилычѣ нельзя — нужны люди, а гдѣ ихъ возьмешь? На улицѣ не сыщешь, на базарѣ не купишь. Надо людей вѣрныхъ и знающихъ, какъ дѣло вести. Ежели и при Маркѣ Данилычѣ Корней съ Ѡадѣевычѣ все по сторонамъ тащили да рабочихъ обирали, что же будетъ, какъ Авдотья Марковна сама въ дѣла вступить — облупить ее ровно липочку. Поэтому и думалъ бы я такъ распорядиться — къ Покрову, а можетъ и раньше, всѣ работы будутъ окончены; отпустивши рабочихъ людей, надо будетъ счета очистить. Долги окажутся, расплатиться, съ должниковъ деньги получить, рыбные промыслы на Низу и лѣсныя дачи на Унжѣ продать, а не то отдать въ кортому — охотники найдутся. А сдѣлавши все это, жить на капиталъ, положивши его въ ломбардъ, не то держать въ серіяхъ. Чтобы устроить все это, я бы пожилъ здѣсь до Покрова, а пожалуй немножко и подольше. Что вы на это скажете, Авдотья Марковна?

— Не знаю, что и сказать вамъ, Патапъ Максимычъ, — утопая въ слезахъ, отвѣтила Дуня. — Ничего я не знаю, ничего не понимаю. Дѣлайте какъ угодно, какъ вамъ Господь Богъ на мысли положить.

— Хорошо-съ. Постараемся услужить, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь люди нужнѣе всего: Корнея Да Василья Ѡадѣева я рассчиталъ — минуты невозможно было терпѣть — отъявленные мошенники! Понять не могу, какъ столько времени терпѣлъ ихъ Марко Данилычъ! Одного человѣка я нашелъ, сегодня жъ къ нему напишу, и день этакъ черезъ пятокъ

либо черезъ недѣлю онъ будетъ здѣсь. А другого надо пріискать, а этого скоро не сдѣлаешь. Я, Груня, полагаю Никифора сюда прислать.

Аграфена Петровна въ недоумѣннѣ покачала головой.

— Что головой-то мотаешь, — досадливо сказалъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ не знаешь, что теперь онъ совсѣмъ не тотъ, какимъ прежде былъ?.. Отвѣчаю за него, какъ за самого себя — вотъ тебѣ и весь мой сказъ: не безпокойтесь, Авдотья Марковна, останетесь довольны. Онъ у васъ былъ бы при домѣ, и на Унжу его можно бы было послать пріискивать лѣсныхъ покупателей.

Вечеромъ Дуня легла въ своей комнатѣ, тамъ же приготовили постель и Аграфенѣ Петровнѣ. Хотя обѣ были утомлены отъ дороги, но сонъ ни къ той, ни къ другой что-то не приходилъ.

— Что лѣкарь-отъ вечеромъ сказалъ тебѣ? — спросила Аграфена Петровна у Дуни.

— Что сказалъ! — Нехорошо онъ сказалъ, — отвѣчала Дуня... Сначала, какъ и Патапъ же Максимычъ, совѣтовалъ дѣла устроить, а потомъ сказалъ, что надо мнѣ быть на все готовой, что тятенькѣ не долго жить.

И зарыдала.

— А что еще говорилъ? — спросила Аграфена Петровна, когда Дуня успокоилась.

— Что еще говорилъ! — Не въ свое дѣло мѣшаться вздумалъ... Глупости! — вскрикнула съ досадой Дуня.

— Да что такое? Что онъ сказалъ? — настоятельно спрашивала Аграфена Петровна.

— Говорилъ, что ежели не станетъ тятеньки — трудное для меня будетъ время. Замужъ выходить скорѣй совѣтовалъ, — немного смущаясь отвѣтила Дуня.

— А что-жь? Вѣдь онъ правду сказалъ, — молвила Аграфена Петровна. — Въ самомъ дѣлѣ надо объ этомъ

подумать. Аль Луновицкія бредни у тебя все еще въ головѣ?

— И думать о нихъ забыла,—сказала Дуня. Но зря за перваго встрѣчнаго замужъ не пойдешь.

— Конечно, —согласилась Аграфена Петровна.—Не на улицѣ искать суженаго. А все таки ищи, да не будь черезчуръ спѣсива да разборчива. Въ самомъ дѣлѣ надо тебѣ объ этомъ хорошенько подумать... Есть ли кто на примѣтѣ?

— Нѣтъ,—робко и чуть слышно промолвила Дуня, и румянецъ вдругъ покрылъ лицо ея.

— А что было да прошло, про то совсѣмъ видно позабыла? — съ хитрой улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Къ чему вспоминать?..—со вздохомъ промолвила Дуня.—Про меня вѣдь и думать забыли.

— А если нѣтъ?—возразила Аграфена Петровна.

— Груня, Богомъ тебя прошу не поминай!—вскрикнула Дуня.—Что тебѣ за охота?

— Выслушай меня,—перервала ее Аграфена Петровна.—Точно въ прошломъ году съ ярманки уѣхалъ онъ за Волгу, и то правда, что поѣхалъ онъ въ Комаровскій скитъ къ Фленушкѣ. Дошли до него тогда слухи, что она закурила, къ водочкѣ пристрастилась, такъ хотѣлъ ее уговорить, перестала бы пить, если не хочетъ въ конецъ погубить себя. Прожилъ онъ въ Комаровѣ меньше недѣли. Ни у матери Манеѣ, ни у матери Таисіи не останавливался, а съ Фленушкой видѣлся всего только разъ. И на другой день послѣ ихняго свиданія она приняла постригъ. Матушка Манеѣа при всей обители благословила ее быть на игуменствѣ, и теперь все у нея въ рукахъ, а матушка на покоѣ живетъ и рѣдко входитъ въ обительскія дѣла... Только что постриглась Фленушка, Петръ Степанычъ уѣхалъ въ Казань — ѣло тамъ у него съ дядей было

на счетъ капитала, и онъ въ Казани что-то очень долго прожилъ. Получилъ, что ему слѣдовало, а получивши, за Волгу къ намъ пріѣзжалъ, до тятеньки Патапа Максимыча въ тѣ поры у него было какое-то дѣло. Жилъ у него въ Осиповкѣ, оттуда и къ намъ въ Вихорево пріѣзжалъ, съ недѣлю коли не больше прогостилъ у насъ. По старой памяти заѣзжалъ и въ Комаровъ и опять таки ни въ коей обители не присталъ, а гдѣ то у сиротъ. Приходилъ и въ обитель, однако Фленушка съ нимъ и въ разговоръ не вступила, сказала, слышь, слова два, да тѣмъ и кончила.

— Да къ чему это ты, Груня, мнѣ все рассказываешь?—сказала Дуня.—Ѣздилъ онъ въ Комаровъ, не ѣздилъ—мнѣ то какое дѣло? И какое еще время нашла говорить объ этомъ!

— Какое время?—спросила Аграфена Петровна.

— Какъ какое?—возразила Дуня.—Тятенька при смерти, а она со своими рассказами про Самоквасова. И на память то ему, думаю, никогда я не приходила.

— То-то и есть, что съ ума никогда не сходишь... Боится только онъ тебя. Страшно ему на глаза къ тебѣ показаться, совѣстно, значить,—сказала Аграфена Петровна.—Ты то вспоминала ль о немъ хоть изрѣдка? Водилась съ этой Марьей Ивановной, наслушалась фармазонскихъ бредней и несбыточныхъ затѣй, убѣдили тебя, что законные браки Богу не угодны, а угодны только духовные, на какіе покушался пріѣзжій съ Арарата—какъ бишь его, Денисовъ, что ли... Отъ ихъ внушеній противнымъ казался тебѣ человѣкъ, что готовъ за тебя хоть сейчасъ и въ огонь, и въ воду идти... Такъ что ли?—А онъ то, сердечный, гостивши въ Вихоревѣ, такъ тосковалъ и убивался, вспоминая тебя.. Скажи по душѣ, сущую правду скажи, хоть разокъ приходилъ ли онъ тебѣ на разумъ?

— Да... приходилъ... въ послѣднее время...—чуть слышно промолвила Дуня.

— Скажи, не утай, что было тогда у тебя на душѣ? спросила Аграфена Петровна, вставши съ постели и подсѣвъ къ лежавшей Дунѣ.

— Вспоминала я про него, почти вовсе неслышнымъ голосомъ отвѣтила Дуня крѣпко обнимавшей ее Аграфенѣ Петровнѣ.—Въ прошломъ году во все время, что, помнишь, съ нами въ одной гостиницѣ жилъ, онъ ни слова не вымолвилъ, и я тоже... Ты знаешь... И вдругъ уѣхалъ къ Фленушкѣ. Чего не вытерпѣла, чего не перенесла я въ ту пору... Но и тебѣ даже ни слова о томъ не промолвила, а съ кѣмъ же съ другимъ было мнѣ говорить... Растерзалась тогда вся душа моя.

И рыдая опустилась въ объятья подруги.

Утишились рыданья, и Дуня продолжала исповѣдь.

— Хотѣла его совсѣмъ позабыть, какъ будто никогда его и не видывала. Противенъ онъ сталъ мнѣ, возненавидѣла я его всей душой.. Злоба во мнѣ разгоралась... Безъ содроганья, кажется, я убила бы его... Начались со мной припадки, особливо по ночамъ. Никто не замѣчалъ ихъ, никто не зналъ про нихъ, никому я не говорила, даже тебѣ ни слова не сказала... А сердце кипѣло огнемъ... Въ Оку думала броситься, зарѣзать себя думала... Тутъ появилась Марья Ивановна. Доброй такой она мнѣ показалась, задушевной, участливой... Не уѣзжай онъ передъ тѣмъ, не наругайся надо мной, не бывать бы мнѣ близкой съ Марьей Ивановной!.. А можетъ быть онъ и не виноватъ, можетъ не замѣтилъ моей склонности, думалъ о другой — не знаю, ничего не знаю... Такова ужъ судьба моя!.. Ну, указала мнѣ Марья Ивановна на книги, и стала я за ними проводить и дни, и ночи... Подготовляла она меня, а весной совсѣмъ съ пути сбила... Ввела меня въ корабль, и я не только его, — тятеньку даже забыла, Дарью Сер-

гѣвну, всѣхъ, всѣхъ... А какъ теперь, со словъ отца Прохора, поняла: не я была нужна имъ, а тятенькинъ капиталъ... Мы дескать ее опозоримъ, ей не за кого будетъ замужъ идти, по неволѣ у насъ останется, и рано ли поздно ли, достатки ея будутъ у насъ въ рукахъ...

Дуня замолчала.

— Ты, Дунюшка, обо всемъ объ этомъ еще дорогой мнѣ рассказывала. Объ немъ то почему же не скажешь ничего?—сказала Аграфена Петровна.—Думала ль хоть когда нибудь о немъ. Вспоминала ли?

— Да, съ той поры, какъ стала сомнѣваться въ правотѣ той вѣры,—тихо промолвила Дуня.—И тутъ сталъ чудиться мнѣ его голосъ, нѣжный такой и жалобный, а послѣ и самъ всѣмъ обличемъ началъ мерещиться мнѣ. Стоитъ, бывало, ровно живой...

— Что жъ, пугалась ты? —спросила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, каждый разъ бывало, какъ увижу его, радостно и весело станетъ на душѣ,—отвѣчала Дуня.—А потомъ вдругъ нахлынетъ тоска со всего свѣта вольнаго, и занеетъ сердце, кровью обливаясь. И каждый разъ послѣ того долго бывала я, какъ сама не въ себѣ. На умѣ мутится, мысли путаются.

— А теперь что?—спросила Аграфена Петровна.

— Какъ убѣжала, больше онъ не казался, и голоса не стало слышно,—отвѣчала Дуня.—Зато тоски вдвое прибыло. Какъ вспомню про него да подумаю, такъ и захочется хоть минутку посмотреть на него.

— Можетъ и увидишь,—улыбаясь сказала Аграфена Петровна.—Теперь онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ, былъ на ярманкѣ, и мы съ нимъ видались чуть не каждый день. Только у него и разговоровъ, что про тебя, и въ Вихоревѣ тоже. Просто сказать, сохнетъ по тебѣ, ни на мигъ не выходишь ты изъ его думъ.

Страшными клятвами теперь клянетъ онъ себя, что уѣхалъ за Волгу, не простившись съ тобой. «Этимъ, говоритъ, я всю жизнь свою загубилъ, самъ себя счастья лишилъ.» Плачетъ даже, сердечный.

— Ну, ужъ и плачетъ?—съ недоувѣрьемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ съ довольной улыбкой промолвила Дуня.

— Сколько разъ у меня въ каморкѣ на ярманкѣ плакивалъ,—сказала Аграфена Петровна. — А бывало молвишь ему, что онъ тебѣ по мыслямъ пришелся, вздохнетъ бывало таково глубоко да и скажетъ тоскливо: «какъ посмѣю я къ ней на глаза показаться? Моя доля, говоритъ, помереть съ тоски. Порѣшу, руки наложу на себя—ужъ лучше одинъ конецъ, чѣмъ всю жизнь въ тоскѣ да въ печаляхъ изжить.» Вотъ его рѣчи... Однако заговорились мы съ тобой, скоро ужъ полночь. Давай-ка спать, прибавила Аграфена Петровна, уходя на свою постель. — Покойной ночи, пріятнаго сна! Желаю во снѣ его увидать.

Легли и замолчали. Но не успѣли заснуть, какъ въ домѣ слышались бѣготня и громкіе клики.

Кто-то изъ женщинъ тихонько отворилъ дверь въ Дунину спальню.

— Авдотья Марковна и вы матушка, Аграфена Петровна,—осторожнымъ шепотомъ сказала вошедшая женщина.—Пожалуйте! Марку Данилычу что-то не-ладно.

Мигомъ и Дуня, и Груня набросили на себя попавшіяся подъ руку платья и побѣжали къ больному. Онѣ услышали въ прихожей необычайный шумъ: кто-то хриплымъ голосомъ бранился, а Патапъ Максимычъ громко приказывалъ.

— Сейчасъ въ полицію его разбойника, да руки-то хорошенько скрутите. А ты бѣги скорѣй за лѣкаремъ, спать, такъ разбудили бы.

Когда Дуня вбѣжала къ отцу, онъ лежалъ недви-

жимъ. Помутившіеся глаза тоже были недвижны, здоровая до тѣхъ поръ рука омертвѣла. Съ громкимъ воплемъ ринулась къ нему растерявшаяся Дуня и обхватила его обѣими руками. Марко Данилычъ ужъ холодѣлъ и только легкій хрипъ въ горлѣ еще показывалъ, что послѣдній остатокъ жизни сохранялся еще въ немъ. Мало-по-малу и хрипъ затихъ.

Пришелъ лѣкарь, пощупалъ пульсъ, пощупалъ сердце—и отойдя отъ постели, сказалъ:

— Кончено!

Дуню безъ чувствъ вынесли изъ комнаты.

Патапъ Максимычъ вынулъ изъ подъ подушки ключи отъ денежнаго сундука, отнесъ ихъ къ Дунѣ, но она была безъ памяти. Онъ передалъ ихъ Аграфенѣ Петровнѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вечеромъ въ день пріѣзда Дуни, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, комнатная прислуга пошла въ кухню ужинать. Разбитной Матренѣ, съ начала болѣзни Марка Данилыча, было велѣно ложиться у дверей его спальни, и она исправно исполняла этотъ приказъ, но теперь не утериѣла—и тоже въ кухню пошла побаясничать съ глухой Степанидой, поразспросить ее про чужую сторону, и «про людей невѣдомыхъ». Пошла, да и заболталась, а наружныя двери хозяйскихъ покоевъ остались незапертыми. Заболталась Матрена со Степановной, и прочіе всѣ засидѣлись на кухнѣ, слушая рассказы ѣздившей въ такую даль старушки.

Окна кухни выходили на улицу. Заслушавшіеся роказней Степановны не замѣтили, что кто-то, подойдя къ окну, долго разсматривалъ cadaго изъ сидѣвшихъ и, кажется, считалъ ихъ. Потомъ, подойдя къ воротамъ, перелѣзъ черезъ заборъ и отперъ калитку. Собаки за-

лаяли было на него, но онъ поманилъ ихъ къ себѣ, приласкалъ, и псы, узнавъ своего человѣка, разбѣжались по конурамъ.

Осторожно взобрался онъ на крыльцо, поднялся въ верхній ярусъ дома и вошелъ въ хозяйскія комнаты, зная, что тамъ всѣ спятъ, потому что нигдѣ, кромѣ комнаты больного, огня не горѣло.

Знакомымъ ходомъ прошелъ онъ къ Марку Данилычу. Тотъ спалъ, но пришлый смѣло подошелъ къ нему, взялъ за здоровую руку и сказалъ вполголоса.

— Проснись, хозяинъ, пробудись, ваше степенство: Корней Естигнѣичъ проститься пришелъ съ твоей милостью.

Открылъ Марко Данилычъ глаза и, увидавъ передъ собой Прожженнаго, хотѣлъ было вскрикнуть, но вмѣсто крика вырвалось изъ устъ его лишь слабое мычанье.

— Заволжскій другъ пріятель твой съ мѣста меня согналъ,—продолжалъ Корней.—Разсчиталъ и меня, и Василья Оадѣича, какъ слѣдуетъ, ни копѣечки противъ разсчетныхъ книжекъ не удержалъ. Въ этомъ ему надо чести приписать. Да чуешь ли ты, что говорю я тебѣ?

Марко Данилычъ опять промычалъ невѣдомо что.

— Знаю, что кондрашка тебя прихватила, еще на Унжѣ пали мнѣ о томъ вѣсти,—говорилъ межъ тѣмъ Корней Прожженный. Что, языкъ-отъ не двигается?... Ну, да ничего—ты молчи,—ваше степенство, а говорить я стану съ тобой. Было время—быкомъ ревѣлъ, на нашего даже брата медвѣдемъ рычалъ, а теперь видно, что у слѣпого кутенка не стало ни гласа, ни послушанія.

Марко Данилычъ только храпѣлъ, глядя на присѣвшаго къ нему на кровать Корнея, о чемъ тотъ прежде и подумать бы не посмѣлъ.

— Я, ваше степенство, теперича за другимъ раз-

счетомъ къ тебѣ пришелъ, — продолжалъ Корней Евстигнѣевъ. — Лучше меня самого знаешь дѣла мои. Дѣла, за какія въ Сибирь на каторгу ссылаютъ... Кто велѣлъ мнѣ Орошинскаго прикащика Ефима Волчанина избыть? Письмо-то вашей милости у меня цѣло.... Утопилъ я Волчанина, сдѣлалъ въ акуратъ, а особаго награжденія не получилъ. Забылъ видно? А какъ на Низу поддѣльные документы мы съ тобой сбывали — и это видно забылъ? А какъ обообрали сытнинскую купчиху Молодцову — тоже запамятовалъ? А какъ до смерти угорѣло у тебя двое молодцовъ, чтобъ только разстаться тебѣ съ ними, и чтобъ они дѣлъ твоихъ на судѣ не показали? Печи-то вѣдь я по твоему приказу топилъ. Пропадать, такъ пропадать, зато ужъ и ты, ежели выздоровѣешь, — пропадешь... Понялъ дѣло? Двѣсти тысячъ подавай!

Собравшись съ послѣдними силами, Марко Данилычъ испустилъ-было крикъ, но такъ тихо, такъ беззвучно, что никто и не слыхалъ его. Безпомощнымъ лежалъ грозный нѣкогда Смолокуровъ передъ Корнеемъ. Что думалъ онъ въ то время, одинъ Богъ его знаетъ, но злобно глядѣлъ онъ померкающими очами на нахала-прикащика.

— Сегодня прынцесса твоя воротилась, значитъ, завтра, а не то послѣзавтра она съ заволжскимъ твоимъ пріятелемъ вскроютъ сундукъ-отъ, тогда мнѣ полушки не получить. Такъ разочтемся же теперь. Двѣсти тысячъ подавай, не то самъ возьму... Давай ключи-то!

Не можетъ ни слова сказать Марко Данилычъ.

— А не то, такъ пожалуй мы и прынцессу твою къ уголовщинѣ прицѣпимъ, — продолжалъ Корней. — Изъ Фатьянки-то всѣхъ фармазоновъ забрали, ищутъ и тамошнюю барыню Алымову. Не сегодня, такъ завтра и она будетъ за желѣзной рѣшеткой сидѣть. А вѣдь

всѣмъ извѣстно, что твоя дочка съ ней уѣхала — шабашъ что ли ихній справлять, аль другое что. Вѣрно говорю. Сгніетъ твоя принцесса въ острогъ и сундукъ ей впрокъ не пойдетъ... Все на судѣ расскажу. Давай же дѣлиться Гдѣ ключи-то? Подъ подушкой, что ли?

И полѣзъ рукой подъ подушку умиравшаго.

Напрягши какія оставались силы, Марко Данилычъ поднялъ было здоровую руку, но она упала и осталась неподвижною.

Отведенная Патапу Максимычу комната была рядомъ со спальней Марка Данилыча. Заволжскій тысячникъ проснувшись услыхалъ говоръ. Голосъ мужской. Кому бы это быть?—подумалъ Чапуринъ и, накинувъ халатъ, босой вошелъ къ больному и увидѣлъ Прожженнаго, запустившаго руку подъ подушку.

Оторопѣлъ Корней. Хоть былъ онъ и моложе, и гораздо сильнѣй Чапурина, хоть послѣ и нашли при немъ стальной сахарный топорикъ, однако онъ остолбенѣлъ и сталъ у кровати, какъ вкопанный.

Чапуринъ открылъ окно и зычнымъ голосомъ крикнулъ караульщику, чтобъ скорѣй бѣжалъ къ нему, а на пути кликнулъ людей изъ кухни. Корней улучилъ время, когда Патапъ Максимычъ подошелъ къ окну, и хотѣлъ-было на утекъ, но Дарья Сергѣвна, услыхавъ шумъ и увидѣвъ выходящаго изъ спальни Корнея, смекнула, что творится недоброе, и въ чемъ была, въ томъ и побѣжала за людьми въ кухню. Но тамъ ужъ всполошились по крику караульщика. Домашніе терпѣть не могли Корнея, и, узнавъ, что онъ забрался въ спальню къ Марку Данилычу и сдѣлалъ что-то неладное, бросились наверхъ. Тамъ въ передней шла ужъ борьба у Корнея съ Чапуринымъ и подоспѣвшимъ караульщикомъ. Кто-то изъ прислуги сбѣгалъ въ работныя избы и поднялъ на ноги всѣхъ

рабочихъ. Они ненавидѣли Прожженнаго, и не одѣваясь, въ однѣхъ рубахахъ, толпой человѣкъ въ семьдесятъ кинулись къ дому. Корнею, крѣпко оборонявшемуся отъ Патапа Максимыча и караульщика, теперь пришлось сдаться. Тутъ нашли у него топорикъ, и много дивились, какъ это онъ не пустилъ его въ ходъ, оставаясь нѣсколько времени одинъ на одинъ съ Чапуринымъ.

Робочіе были увѣрены, что тутъ и Василья Оадѣва дѣло, что онъ гдѣ-нибудь спрятался въ домѣ. Всѣ мышиныя норки обыскали, но Оадѣва не нашли.

Рано утромъ городничій со стряпчимъ пріѣхали въ домъ Смолокурова. Марко Данилычъ ужъ на столѣ лежалъ, покрытый простынею. Съ Дуней безпрестанно дѣлались нервныя припадки, однако лѣкарь сказалъ, что большой опасности для нея нѣтъ, но необходимо, чтобъ она сколько возможно оставалась въ покоѣ. Дарья Сергѣвна, Аграфена Петровна, глухая Степановна, разбитная Матрена и прочая женская прислуга были безотлучно при Дунѣ. Городничаго со стряпчимъ встрѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Что такое случилось? — спросилъ городничій, знавшій ужъ Чапурина. Заволжскій тысячникъ не разъ бывалъ у него по Смолокуровскимъ дѣламъ.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, разбоемъ ночью прорвался Корней Евстигнѣевъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ограбить вздумалъ умершаго.

— Однакожь не ограбилъ? — сказалъ городничій.

— Ограбить не успѣлъ, а больного добилъ до конца. Поглядите — лежитъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же это случилось? — спросилъ стряпчій.

Патапъ Максимычъ подробно рассказалъ обо всемъ, что зналъ.

— Уликъ недостаточно, — вполголоса замѣтилъ

стряпчій городничему, исподобья поглядывая на Чапурина.

— Это мы разберемъ,—отвѣчалъ городничій.—Это ужъ наше дѣло. Надо вамъ подать объявленіе,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Патапу Максимычу.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе,—сказалъ Чапуринъ.—Тутъ въ томъ главное дѣло, что уѣду я скоро, покойникова дочка останется одна только съ женскимъ поломъ. Мало ль отъ такихъ людей что можетъ приключиться?

— Въ обиду не дадимъ. — Это ужъ наше дѣло,—отвѣтилъ городничій.—Когда хоронить?

— А вотъ какъ управимся,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Держать не будемъ.

— Попа чать своего привезете? — съ усмѣшкой спросилъ городничій.

— Какіе, ваше высокоблагородіе, у насъ попы по нынѣшнимъ временамъ!... Сами изволите знать. — На всю-то Россію, можетъ, двое либо трое осталось,—сказалъ Чапуринъ.—Кто-нибудь изъ домашнихъ прочитаетъ молитву надъ покойникомъ, и дѣло съ концомъ.

— То-то, смотрите. У меня на этотъ счетъ строго. Высшее начальство обратило вниманіе на вашего брата. А то и въ самомъ дѣлѣ очень много ужъ воли вы забрали,—проговорилъ нахмурясь городничій.—Такъ подайте объявленіе, а въ день похоронъ я бываю у васъ вотъ съ господиномъ стряпчимъ, да еще можетъ быть кое съ кѣмъ изъ чиновныхъ. А что дочь покойника?

— Лежитъ, больше все въ забытѣ,—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Понятно. До кого ни доведись,—сказалъ городничій.—Ну, покамѣстъ до свиданья, прощайте,—прибавилъ онъ, и пошелъ изъ дома со стряпчимъ

Патапъ Максимычъ до самыхъ воротъ проводилъ незванныхъ гостей.

Межъ тѣмъ похороннымъ дѣломъ спѣшили. Хотѣлось Патапу Максимычу на третій же день опустить въ землю пріятеля, чтобъ онъ живымъ «рукъ не вязалъ», но вышло затрудненіе, некому было чинъ погребенія справить, некому надъ покойникомъ послѣднюю молитву прочесть. Бѣглыхъ поповъ ближе Москвы нѣтъ, да рогожскій попъ и не поѣдетъ въ такую даль. За Волгу въ скиты послать за кононницей некогда — она не поспѣетъ ко времени; наставникъ Спасова согласія, что проживалъ въ городѣ, самъ на смертномъ одрѣ лежалъ. Какъ быть, какъ извернуться? Нельзя жъ такого богача, какъ Марко Данилычъ, просто въ землю зарыть. Не зная ни города, ни его окрестностей, Патапъ Максимычъ спросилъ Дарью Сергѣвну, кому бы отправить чинъ погребенія.

Не придумала вдругъ Дарья Сергѣвна, на кого указать. Приходилось либо ей самой «читать погребеніе», либо просить Аграфену Петровну взять на себя такой трудъ. Она грамотная, въ скитахъ обучалась, приглядѣлась тамъ къ порядкамъ, и не откажется въ останній разъ послужить Марку Данилычу и тѣмъ хоть сколько-нибудь утѣшить совсѣмъ убитую Дуню.

— Развѣ вотъ кого попросить, — сказала наконецъ Дарья Сергѣвна. — Живетъ недалеко отсюда, всего четыре версты, да и тѣхъ пожалуй не будетъ, чело-вѣкъ книжный и постоянный. Старинщикъ онъ, старыми книгами торгуетъ да иконы мѣняетъ. Только вотъ бѣда, не уѣхалъ ли куда. То и дѣло въ отлучкахъ бываетъ.

— Кто такой? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Чубаловъ, Герасимъ Силычъ, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Въ деревнѣ Сосновкѣ онъ живетъ. Прежде

частенько бывалъ у Марка Данилыча, и обѣдывалъ, и ночевывалъ, а иной разъ и по два и по три дня у него гостилъ. Да вотъ ужъ съ годъ, какъ ни разу не бывалъ. Болталъ Василій Ѡадѣевъ, что какіе-то у него расчеты были съ покойникомъ, и Герасимъ Силычъ остался имъ недоволенъ. А другое дѣло, можетъ, все это и вздоръ. Вѣдь Ѡадѣевъ что ни слово, то совретъ.

— Не поѣдетъ пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Человѣкъ онъ добрый и по всему хорошій, опять же нарочито благочестивый, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Ежели только не въ отлучкѣ, непременно пріѣдетъ. А ежели отъѣхалъ, можно племянника его позвать, Ивана Абрамыча. Парень хоша и молодой, а вокругъ дяди во всемъ божественномъ шибко наторѣлъ. А оно и пристойнѣй бы и лучше бы было, ежели бы чинъ погребенія мужчина исправилъ. Женщинѣ вѣдь это можно развѣ при крайней нуждѣ.

— Такъ посылайте къ нему. Записочку что ли напишите, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А на счетъ расчетовъ я самъ спрошу у него по совѣсти, сколько считаетъ онъ за покойнымъ, и заплачу съ процентами, Авдотья Марковна конечно противъ того не будетъ... А плачей у васъ въ заведеніи, вопленицы по-нашему, по-лѣсному?

— Какже, бываютъ, безъ нихъ что за погребеніе, — сказала Дарья Сергѣвна.

— Позвать надо, — молвилъ Чапуринъ.

— Сами придутъ, столько наберется, что сквозь ихъ и не протолкаешься, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Тоже воронье — какъ прослышатъ покойника, особливо достаточнаго, стаями налетятъ.

— А домовину кому нести? — продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

— А работники-то на что? — сказала Дарья Сергѣвна. — Они со всякимъ удовольствіемъ. Конечно надо будетъ ихъ похороннымъ обѣдомъ угостить, виномъ обнести, ну и по рукамъ по сколько-нибудь на поминъ души раздать.

— Окромя того надо вамъ, Дарья Сергѣвна, озаботиться, чтобъ въ день похоронъ изготовленъ былъ самолучшій обѣдъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сейчасъ былъ городничій со стряпчимъ — сами назвались. И другого чиновнаго люда въ городѣ тоже вѣдь достаточно — надо всѣхъ подмаслить, чтобы вамъ съ Авдотьей Марковной было безъ меня безпечально, да и никакихъ нападокъ отъ начальства тоже не было. Надо замасливать, безпремѣнно надобно, особливо въ сиротскомъ дѣлѣ.

— Это точно, — согласилась Дарья Сергѣвна. — Только вотъ что я скажу вамъ, благодѣтель, — не вскроете ли сундука-то? Денегъ вѣдь много понадобится.

— Безъ Авдотьи Марковны ни за что на свѣтѣ не вскрою, — повисивъ голосъ, промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Вскроемъ послѣ похоронъ. А объ деньгахъ не заботьтесь. У меня ихъ достаточно, а расчесться успѣемъ, времени много впереди. Пишите же записку да посылайте скорѣй за этимъ старинщикомъ.

Дарья Сергѣвна вышла, и Патапъ Максимычъ остался одинъ.

Вошелъ онъ въ комнату, гдѣ лежалъ Марко Данилычъ. Тамъ ни души не было. Покойникъ, совсѣмъ уже одѣтый, лежалъ подъ простыней. Подошелъ къ нему Патапъ Максимычъ и раздумался самъ съ собою.

«Эхъ, Марко Данилычъ, Марко Данилычъ! — думалъ онъ. Много ты на свѣтѣ жилъ, а надо правду говорить, жить не гораздо умѣлъ. Въ какомъ положеньѣ семью оставилъ!... Положимъ капиталовъ до-

статочно, да развѣ въ однѣхъ деньгахъ счастье? Изжилъ ты, пріятель, свой вѣкъ въ этомъ городѣ, а друзей не нажилъ ни одного. Всѣ на тебя глядѣли, да и теперь глядятъ, какъ на мѣшокъ, и одно коровятъ, какъ бы что-нибудь стащить изъ него... Бѣдная Авдотья Марковна, куда-то дѣнется она, какъ-то пристроится!... Горькая участь!... Хоть бы какой хорошій человѣкъ поскорѣй взялъ ее за себя. Надо съ Груней объ этомъ посоветоваться.

Вдругъ тихими, неспѣшными шагами вошла Анисья Терентьевна Красноглазиха, въ обычномъ темносинемъ сарафанѣ, въ черной душегрѣйкѣ, повязанная по головѣ бѣлымъ платкомъ въ знакъ похоронной печали, и съ толстой книгой подъ мышкой. Помолилася она передъ стоявшею въ головахъ покойника иконой, поклонилась въ землю Марку Данилычу, потомъ отвѣсила низкій поклонъ Патапу Максимычу.

— Что угодно?—мрачно, но вѣжливо спросилъ онъ у заплакавшей Красноглазихи.

— Здѣшняя обывательница буду, Анисья Терентьевна, по прозванью Красноглазова, — отвѣчала она. — Сызмальства знала сердечнаго покойничка, много его милостями пользовалась. Добрѣйшій былъ человѣкъ, истинно ангельская душенька. Всѣхъ бѣдныхъ, неимущихъ одѣлялъ отъ своихъ благъ со щедротою. Никого не оставлялъ безъ помощи.

— Такъ что же нужно-то? Поклониться что ли пришла? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Красноглазиху Патапъ Максимычъ.

— Для того больше пришла я, ваше степенство, что вотъ лежитъ теперь милостивый покойничекъ безъ молитвы, безъ чтенія. А я бы, по своему усердію и поминаючи его благодѣянія, почитала надъ нимъ. Вотъ и псалтырь нарочно захватила, — унылымъ голосомъ проговорила Анисья Терентьевна.

— Я, матушка, человекъ не здѣшній, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никого изъ здѣшнихъ обывателей не знаю, пріѣхалъ сюда по давнему пріятельству съ Маркомъ Данилычемъ, единственно для того, чтобъ его дѣла устроить. А на счетъ похороннаго поговорите съ Дарьей Сергѣвной. Это все на ея рукахъ — какъ рѣшить, такъ и быть тому.

Въ однѣ двери вышла Красноглазиха, въ другія вошла Ольга Панфиловна, вся въ черномъ. Помолвившись и поклонясь до земли покойнику, и она обратилась къ Патапу Максимычу съ предложеніемъ услугъ — присмотрѣть за похороннымъ столомъ и за чаемъ, потому что Дарьѣ Сергѣвнѣ будетъ не до того.

— Я здѣсь по всѣмъ домамъ заправляю столами и по купечеству, и у дворянъ, потому что сама изъ благородныхъ, и всѣ порядки сызмальства до тонкости знаю, — вкрадчиво говорила Ольга Панфиловна.

И ей тоже сказалъ Патапъ Максимычъ, чтобъ увидалась она съ Дарьей Сергѣвной.

Черезъ какую-нибудь четверть часа Анисья Терентьевна, ставъ за налой, протяжно и уныло стала Псалтырь читать, а Ольга Панфиловна, бѣгая по комнатамъ, принялась хлопотать по хозяйству. Первымъ дѣломъ у ней было кутю сварить — много вѣдь ее требуется, человекъ на сто надобно припасти. Кисель сварила и сыту сдѣлала въ первый же день своего прихода.

Къ вечеру и Чубаловъ пріѣхалъ. На всякій случай привезъ онъ и племянника, чтобы тотъ помогалъ ему.

Какъ скоро Чубаловъ изъ письма Дарьи Сергѣвны узналъ о смерти Марка Данилыча, сейчасъ же сталъ въ путь собираться. Братъ Абрамъ сталъ его отговаривать.

— Забылъ что ли, какъ онъ въ прошломъ году два раза обидѣлъ тебя — здѣсь да у Макарья въ ярманкѣ?—говорилъ Абрамъ Силычъ. — Не самъ ли ты говорилъ, что твоей ноги у него въ дому никогда не будетъ? А теперь вдругъ ѣхать туда.

— Смерть все покрываетъ,—сказалъ брату Герасимъ Силычъ.—На мертвыхъ зла не держатъ, а кто станетъ держать, того Господь накажетъ. Марко Данилычъ теперь передъ Божьимъ судомъ стоитъ, а не передъ нашимъ земнымъ, человѣческимъ.

И поѣхалъ въ городъ съ Иванушкой.

Когда вошли они въ комнату, гдѣ стоялъ покойникъ, ихъ встрѣтила Дарья Сергѣевна. Конца не было ей благодарностямъ за пріѣздъ Герасима Силыча. Познакомила его съ Патапомъ Максимычемъ.

— Я было и племянника съ собой прихватилъ,—сказалъ Герасимъ Силычъ, перейдя съ Дарьей Сергѣвной и Патапомъ Максимычемъ въ другую горницу.—Думалъ, что псалтырь почитаетъ онъ.

— И хорошо сдѣлалъ, что привезъ, — сказала Дарья Сергѣевна. — Анисья Терентьевна женщина немолодая, гдѣ ей читать все время безъ роздыха? Мы такъ уговаривались, что я стану съ ней чередоваться. А вотъ Господь и послалъ помощника, ночью-то онъ почитаетъ, а я по хозяйству займусь — много вѣдь дѣла-то, и то не знаю, Герасимъ Силычъ, какъ управлюсь.

— Иной разъ Груня можетъ почитать, она эти порядки знаетъ,—сказалъ Чапуринъ.

— Нѣтъ ужъ, Патапъ Максимычъ, пущай ее при Дунѣ остается,—молвила Дарья Сергѣевна.

— Что Авдотья-то Марковна? — спросилъ Чубаловъ.

— Плачетъ, убивается, — отвѣчала Дарья Сергѣевна. — Да какъ и не убиваться, Герасимъ Силычъ,

дѣвушка молоденькая, никакихъ дѣловъ не знаетъ, а тутъ еще по прїѣздѣ-то всего какихъ-нибудь полчаса родителя въ живыхъ видѣла. Пошли отдохнуть съ дороги, а тутъ и приключилась бѣда. Безъ памяти теперь лежитъ сердечная, сиротка наша бѣдная, горемычная.

— Да скажите пожалуйста, какъ это случилось, — спросилъ Чубаловъ.

— Господь одинъ знаетъ, какъ случилось, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Никого тутъ не было. Корнея-то Евстигнѣва знавалъ?

— Довольно знаю, — сказалъ Чубаловъ. — Недобрый человѣкъ, разбойникомъ такъ и глядитъ, недаромъ въ народѣ Прожженнымъ его прозвали. Признаться, я всегда дивился, какъ это Марко Данилычъ, при его умѣ, такого человѣка въ приближенъѣ держать. Знаю я про инья дѣла Корнеевы — давно по немъ тюрьма тоскуетъ.

— Ну вотъ его Патапъ Максимычъ и рассчиталъ, — говорила Дарья Сергѣвна. — Потому рассчиталъ, что изъ книгъ узналъ, [какъ онъ плутовалъ на Унжѣ въ лѣсныхъ дачахъ, и Василья Оадѣева рассчиталъ для того, что онъ весь работный народъ на каждомъ шагу безбожно обижалъ сполна зажитыхъ денегъ не отдавалъ никому. Житья отъ него никому не было... Ну вотъ вчера ночью и проберись Корней въ спальню Марка Данилыча; какъ онъ туда попалъ, Богъ его знаетъ. Что у нихъ было въ спальнѣ, тоже никому неизвѣстно — Марко Данилычъ былъ безъ языка и лежалъ ни живой, ни мертвый. Думается, что Корнею хотѣлось деньгами изъ сундука поживиться. И топорикъ принесть съ собой, можетъ-быть, думалъ сундукъ-отъ имъ разбить. Услыхалъ Патапъ Максимычъ, прибѣжалъ на шумъ. Корней было бѣжать, да спасибо людей много набралось. Схватили молодца, связали и въ полицію отправили.

— Эко дѣло-то какое, — удивляясь разсказу Дарьи Сергѣевны, сказалъ Чубаловъ.

Дарья Сергѣевна пошла по хозяйству. Чубаловъ одинъ на одинъ остался съ Патапомъ Максимычемъ. Поговорили о томъ, о другомъ; Чапуринъ спросилъ, наконецъ, Герасима Силыча:

— Дошли до меня слухи, что у васъ съ покойникомъ какія-то дѣла были и онъ сколько-то вамъ долженъ остался.

— У меня никакихъ нѣтъ документовъ, да никогда ихъ и не бывало, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Ваша совѣсть, Герасимъ Силычъ, и для Авдотьи Марковны, и для меня, душеприкащика покойнаго, цѣннѣе всякихъ документовъ, — сказалъ Чапуринъ. — Скажите по душѣ и по правдѣ, много ль онъ вамъ долженъ остался?

— Ни копѣйки онъ мнѣ не долженъ, — отвѣчалъ Герасимъ Силычъ. — Ни одной копѣйки. Точно были у меня съ покойнымъ дѣла — въ прошломъ году весной около Саратова рѣдкостныя старинныя книги продавались — и мнѣ очень хотѣлось купить ихъ, да купилъ то не хватало тогда. Тысячу рублей займовалъ я у покойника и вексель ему выдалъ. А онъ еще задолго до срока маленько поприжалъ меня, послѣдніе восемьсотъ цѣлковыхъ, что были у меня на-лицо, долженъ былъ я отдать ему, а потомъ за пятьдесятъ рублей въ томъ же году у Макарья книгъ да иконъ взялъ онъ у меня ужъ черезчуръ по дешевой цѣнѣ. Такъ что жъ тутъ? Было на то мое согласіе — никто въ шею меня не толкалъ. Нѣтъ, Патапъ Максимычъ, о томъ нечего и говорить. Сказано, что Марко Данилычъ въ расчетъ со мной, ни онъ, значитъ, мнѣ, ни я ему не должны ни копѣйки. Стало-быть, и тому дѣлу конецъ. Не будемъ про него разговоровъ разводить. Не для чего. Когда бы вживѣ былъ Марко Данилычъ,

можетъ-статься, я бы и потолковалъ съ нимъ, а теперь поздно, онъ говорить не можетъ, а я не хочу.

И какъ ни уговаривалъ его Патапъ Максимычъ, ни единого слова Чубаловъ больше не сказалъ.

Понравился онъ заволжскому тысячнику. «Вотъ это человѣкъ, такъ человѣкъ, думалъ Чапуринъ, мало такихъ нонѣ на свѣтѣ водится».

Схоронили Марка Данилыча. Герасимъ Силычъ и въ домѣ, и на кладбищѣ службу по немъ отправилъ, а Патапъ Максимычъ поблагодарилъ властей, что помѣхи не было, и просилъ, чтобъ впереди какойнибудь непріятности не случилось. Безъ благодарности вѣдь того и гляди пойдутъ бумаги писать, да всѣхъ и приструнять. Городничаго и стряпчаго, исправника и городского голову просили быть на похоронахъ и всѣхъ угостили на славу. Протопопа съ причтомъ опасались, чтобъ онъ не послалъ доноса, но, по совѣту городничаго, Патапъ Максимычъ послалъ на весь клиръ два воза рыбы, икры и прочаго другого, потому все и обошлось благополучно

Послѣ похороннаго обѣда, всѣ, черезчуръ утомленные, прилегли отдохнуть. Патапъ Максимычъ вмѣстѣ съ Чубаловымъ легли въ спальнѣ покойника и стали говорить.

— Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, Герасимъ Силычъ, а скоро я васъ отсюда не выпущу, — говорилъ Чапуринъ. — Завтра Богъ дастъ сундукъ будемъ вскрывать, посторонній человѣкъ при такихъ дѣлахъ лишнимъ не бываетъ. Такъ вы ужъ пожалуста побудьте здѣсь. А потомъ у Авдотьи Марковны и у меня будетъ до васъ просьбица — окажите помощь бѣдной, безродной сироткѣ.

— Какую жъ могу я ей помощь подать? — съ удивленіемъ сказалъ Герасимъ Силычъ. — Человѣкъ я ма-

ленькій, она богатая наслѣдница. Шутите вы, Патапъ Максимычъ, право шутки надо мной шутите.

— Тутъ не шутки, а настоящее дѣло,—возразилъ Чапуринъ. — Выслушайте меня, да по душѣ и дайте отвѣтъ. Вотъ дѣло въ чемъ: Авдотья Марковна осталась теперь какъ есть круглой сиротой. Въ торговыхъ и въ другихъ дѣлахъ ни она, ни Дарья Сергѣевна ничего не разумѣютъ — дѣло женское, эти дѣла имъ не по разуму. По моему разсужденію, о чемъ я Авдотѣ Марковнѣ еще до кончины покойника говорилъ, и она на то согласилась — надо ей все распродать, либо на сроки сдать въ кортому.

— Такъ-то лучше по-моему будетъ,—сказалъ Чубаловъ. — Гдѣ жъ, въ самомъ дѣлѣ, Авдотѣ Марковнѣ заниматься такими дѣлами, да и Дарѣ Сергѣевнѣ не приходится. Правду вы сказали, что это не женское дѣло.

— А для того, чтобъ заведенія и промысла оборотить въ деньги, необходимо нужны по крайней мѣрѣ двое человѣкъ: одинъ чтобы унженскій лѣсъ и на Низу рыбные промыслы и баржи продалъ, а другой пока-мѣстъ бы здѣсь при домѣ понаблюдалъ и тоже продавалъ бы понемножку что есть при немъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ. Для посылокъ въ лѣсныя дачи и на волжскіе промысла есть человѣкъ у меня на примѣтѣ — шуринъ будетъ мнѣ, а для здѣшнихъ дѣлъ въ виду никого нѣтъ. А какъ вы, Герасимъ Силычъ, здѣшнія обстоятельства знаете и живете отсель только въ четырехъ верстахъ, такъ и пришло мнѣ на умъ попросить васъ принять участие въ сиротѣ, приглядѣть здѣсь за всѣмъ.

— Что вы, что вы, Патапъ, Максимычъ!...—съ живостью вскочивъ съ дивана, вскрикнулъ Чубаловъ. — Какъ это возможно? Да и что я за хозяинъ? Вѣкъ такими дѣлами никогда не занимался. Не могу, какъ

хотите, не могу; не моего ума это дѣло. Еще напорчу пожалуй.

— По крайней мѣрѣ своими совѣтами не оставьте, бывайте здѣсь почаще. А всего бы лучше, еслибы на это время и поселились здѣсь въ домѣ у Авдотьи Марковны, говорилъ Чапуринъ.—По осени аль зимой думаю я ее и Дарью Сергѣевну за Волгу перевезти къ себѣ. Пущай погостятъ да развѣютъ сколько-нибудь мысли горькія свои. Домъ-отъ на ваши руки въ такомъ разѣ онѣ покинули-бы. Нѣтъ ужь, Герасимъ Силычъ, не отрекайтесь отъ этого, по доброй вашей душѣ сироту не оставьте. Зато вамъ Господь воздастъ. Сами вы какъ начетчикъ знаете: «кто призритъ сиротку, тотъ Божью волю творить»

— Да не могу же я, Патапъ Максимычъ, никакимъ способомъ не могу по-вашему сдѣлать,—сказалъ Герасимъ Силычъ. Посовѣтоваться—отчего жь не посовѣговаться иной разъ. Отъ этого я не прочь, а чтобы долго здѣсь заживаться, на это не могу согласиться. У меня вѣдь тоже свои дѣлишки бываютъ, частые разъѣзды, этимъ вѣдь мы только и кормимся.

— На этотъ счетъ не безпокойтесь, въ убыткѣ не останетесь, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Угодно вамъ, плату сами назначьте, не хотите, мы назначимъ. Увѣряю васъ, останетесь съ выгодой.

— Не знаю, что вамъ и сказать на это,—долго подумавъ, молвилъ Чубаловъ.—Да что объ этомъ толковать? Успѣемъ еще—утро вечера мудренѣе, а я межъ тѣмъ хорошенько о томъ поразмыслю.

А самъ думаетъ: «положили бы цѣлковыхъ сотнягу на мѣсяцъ, куда бы ни шло, можно бы было рѣшиться. Тогда ежели гдѣ и рѣдкостное выпадетъ, можно послать Иванушку, онъ наторѣлъ, и по книгамъ, и по иконной части, и по рѣдкостнымъ вещамъ. Удатливая головушка. Хорошо ежели бы столько положили. Да не дадутъ.

Шутка сказать, тысяча двѣсти цѣлковыхъ на годъ... Не дадутъ—это все одно мое пустое разсужденіе».

И подъ эти думы заснулъ Герасимъ Силычъ, а Патапъ Максимычъ давно ужъ храпѣлъ во всю Ивановскую.

Съ самой смерти Марка Данилыча Дуня почти не приходила въ себя. Утомленная дальнею дорогою, а потомъ пораженная смертью отца, не говорила она ни слова и даже мало понимала изъ того, что ей говорили. Однако въ день похоронъ переломила себя, выстояла въ домѣ длинное погребеніе и потомъ версты двѣ прошла пѣшкомъ до кладбища за гробомъ. Воротясь домой, удалилась въ свою комнату и впала въ забытіе. Аграфена Петровна ни на минуту не оставляла подруги. Похоронной трапезой въ домѣ распоряжался Патапъ Максимычъ съ Дарьей Сергѣевной. Много пособляла и Ольга Панфиловна. На трапезѣ у рабочихъ всѣмъ заправлялъ Герасимъ Силычъ съ племянникомъ. Самъ на то назвался. И все прошло чинно, стройно, хорошо.

Гости разошлись по домамъ, и въ Смолокуровскомъ домѣ все притихло. Не успокоилась только Дуня: то въ безпамятствѣ лежитъ, то болѣзненнымъ стономъ проявляетъ не угасшую еще въ ней жизнь, то очнувшись изъ забытія, зальется обильными слезами.

На другой день похоронъ немножко она оправилась, даже поговорила съ Аграфеной Петровной о томъ, что надо ей дѣлать теперь. Дарья Сергѣевна пришла, и съ ней пошли такіе же разговоры. Съ общаго согласья стали на томъ, чтобы всѣ дѣла предоставить Патапу Максимычу и изъ его воли не выступать — что ни скажетъ, исполнять безпрекословно.

Позвала Аграфена Петровна Патапа Максимыча.

— Будьте вы и мнѣ роднымъ отцомъ... въ моемъ сиротствѣ... какъ были вы Грунѣ,—съ низкимъ поклономъ чуть не до земли отчаяннымъ голосомъ сказала вся въ слезахъ Дуня, обращаясь къ Патапу Максимычу.—Войдите въ трудное мое положеніе!—Богъ не оставитъ васъ за то своими милостями. Сжальтесь, смилуйтесь надо мной, отецъ мой второй!

— Ну, вотъ на старости лѣтъ еще дочку Господь даровалъ. Все дочери да дочери!—обнимая Дуню, сказалъ улыбаясь до слезъ растроганный Чапуринъ.—Инь быть по твоему. Здравствуй, дочка богоданная! Смотри жь у меня, новаго отца слушаться, а онъ постарается, чтобъ у тебя было все цѣло и сохранно. И въ обиду не дамъ тебя никому.

И трижды со щеки на щеку поцѣловалъ новую дочку.

— Вотъ какъ по моему разсужденью надо бы тебѣ поступить,—сказалъ Патапъ Максимычъ, садясь на диванъ возлѣ Дуни,—что ни осталось послѣ Марка Данилыча, въ наличныя деньги обратить, а заведенія и промысла продать хоть и съ убыткомъ, а потомъ и жить на проценты съ капитала, какой выручимъ. Какъ думаешь?

— Вы лучше меня знаете, я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. Дѣлайте, какъ надо по вашему, а я напередъ на все согласна,—промолвила Дуня.

Патапъ Максимычъ подробно разсказалъ ей предположенія свои на счетъ Никифора и Чубалова. Дуня во всемъ согласилась съ нимъ.

— А пройдутъ шесть недѣль, тогда не переѣхать ли тебѣ съ Дарьей Сергѣвной къ намъ въ Осиповку? И у Груни поживешь,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—На людяхъ все-таки меньше тоски.

— А домъ-отъ какъ же покинуть? Его на чьи руки оставить? Сколько вѣдь въ немъ имущества! —возразила Дарья Сергѣвна.

— Надо хорошенько будетъ попросить Герасима Силыча, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Онъ за всѣмъ присмотритъ. Да вотъ еще что думаю — для чего вамъ оставаться въ здѣшнемъ городѣ, не лучше ль въ иномъ мѣстѣ устроиться домкомъ? Изъ близкихъ у васъ здѣсь вѣдь нѣтъ никого. Ни единого человѣка нѣтъ, кого бы можно было пожалѣть, съ кѣмъ бы прощаться было тяжело.

— Ахъ, батюшка Патапъ Максимычъ, — возразила Дарья Сергѣвна. — А могилки-то родительскія какъ же останутся?

— На помины можно ѣздить сюда, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно можно, — сказала Дарья Сергѣвна. — Да съ домомъ-то какъ же разстаться? Дунюшка родилась вѣдь въ немъ, въ немъ и выросла, и радости въ немъ видѣла, и горя пришлось дождаться... Тяжело ей будетъ, Патапъ Максимычъ, съ родительскимъ домкомъ разставаться, ой какъ тяжело?

— Что скажешь на это, Дуня? — спросилъ Чапуринъ.

— Что мнѣ домъ? — грустно она отвѣчала. — Что теперь мнѣ въ немъ дорогого? — Не глядѣла бы ни на что. Одна отрада была, одно утѣшеніе — тятенька голубчикъ, а вотъ и его не стало... Одна на свѣтѣ осталась безродная.

И залилась слезами.

— Конечно, сказала Аграфена Петровна, обращаясь къ Дунѣ: — конечно ты здѣсь одна съ Дарьей Сергѣвной пропадешь съ тоски, а за Волгой будешь не одна. Богъ дастъ, твое горе мы и размыкаемъ. Вы ужъ не противьтесь, Дарья Сергѣвна, право, и самимъ вамъ отраднѣе будетъ у насъ, чѣмъ здѣсь въ опустѣломъ домѣ.

— По мнѣ что жъ? Я здѣсь, такъ здѣсь, за Волгой,

такъ за Волгой,—не совсѣмъ довольнымъ голосомъ отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Жить мнѣ недолго, а гдѣ въ сыру землю ни зароятъ—все равно. Поверхъ земли не оставятъ же.

— Такъ какъ же, Дуня? Рѣшай,—сказала Аграфена Петровна.

— У меня теперь новый тятенька,—потупивъ глаза, тихо промолвила Дуня. — Какъ прикажетъ, такъ и сдѣлаю, изъ его воли не выступлю.

— Ну вотъ и прекрасно, вотъ мы и устроимъ какъ только можно лучше,—цѣлуя Дуню, прижавшую головкой къ его плечу, сказалъ глубоко тронутый Патапъ Максимычъ.

— Съ домомъ-то какъ же?—всхлипывая отъ подступившихъ слезъ и печально повѣсивши голову, спросила Дарья Сергѣвна.

— Выищется покупатель, продадимъ, хоть и убытка придется принять, не то отдадимъ въ наймы—это ужъ намъ Герасимъ Силычъ устроить,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

Потомъ еще довольно потолковали о распоряженіяхъ, какія надо сдѣлать. Дуня казалась спокойнѣе прежняго. Замѣтивши это, Чапуринъ сказалъ:

— Теперь бы надо сундукъ вскрыть, а то толкуемъ мы, толкуемъ, а все ровно въ потемкахъ бродимъ. Надо узнать сколько наличнаго капитала, сколько векселей, опять же тамъ и счета, покойникъ-отъ самъ вѣдь ихъ вель, своей рукой писалъ. А можетъ-статься найдется и послѣдняя его воля.

— Вскрываютъ,—сказала Дуня, подавая ключи Патапу Максимычу.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, не принимая ключей. — Хошаты мнѣ и дочка теперь, а безъ твоей бытности все таки сундука пальцемъ не трону. Пойдемъ туда, ежели есть силы—дѣло будетъ недолгое.

Дуня встала, повинувась приказу «новаго тятеньки».

— Пойдемте, Дарья Сергѣевна, а ты, Груня сыщи Герасима Силыча, да вмѣстѣ съ нимъ и приходи,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

Всѣ сошлись въ бывшей спальнѣ Марка Данилыча.

Патапъ Максимычъ своими руками отперъ желѣзный сундукъ. На столѣ, поставленномъ возлѣ, сталъ онъ раскладывать найденныя бумаги—въ одну сторону откладывая тучныя пачки серій, ломбардные билеты, наличныя деньги, по другую векселя и сохранныя расписки, въ третью сторону клалъ купчія крѣпости и закладныя разныхъ людей. Особо клалъ Патапъ Максимычъ счета и торговыя книги, особо контракты и условія. Завѣщанія не нашлось.

Выбравши все изъ сундука, Патапъ Максимычъ сталъ считать, а Чубаловъ на счетахъ класть. Въ серіяхъ, въ наличныхъ деньгахъ и векселяхъ до восьмисотъ тысячъ рублей нашлось, да домовъ, лѣсныхъ дачъ, баржъ и промысловыхъ заведеній тысячъ на четыреста выходило, такъ что всего за милліонъ перевалило.

Разбирая расписки, Чапуринъ взялъ одну изъ нихъ и, оглядѣвъ, подалъ ее Чубалову и промолвилъ:

— Что за тарабарщина?

— По-татарски, — сказалъ Герасимъ Силычъ. — Да вотъ и переводъ, и маклера подпись, и печать казенная.

Читаетъ вслухъ Патапъ Максимычъ русскій переводъ росписки.

«Тысяча восемьсотъ такого-то года, августа въ двадцатый день, въ Нижегородской ярманкѣ, я нижеподписавшійся оренбургскій первой гильдіи купецъ Махметъ Бактемировъ Субханкуловъ, получилъ отъ почетнаго гражданина и первой гильдіи купца Марка Данилыча Смолокурова тысячу рублей серебромъ, съ тѣмъ, что обязуюсь на будущей Нижегородской яр-

манкѣ возвратить сіи деньги ему самому или кому онъ прикажетъ, ежели я, Субханкуловъ, до тѣхъ поръ не вывезу въ Россію изъ хивинскаго плѣна находящагося тамъ Мокея Данилова.»

Всѣ диву дались, а Дарья Сергѣвна, всплеснувъ руками и громко вскрикнувши, такъ и покатила на стоявшій возлѣ диванъ.

На другой же день Чапуринъ послалъ къ Субханкулову эстафету, увѣдомляя о кончинѣ Марка Данилыча и о томъ, что, будучи теперь душеприкащикомъ при единственной его дочери, проситъ Махмета Бахтемирыча постараться какъ можно скорѣй высвободить Мокея Данилыча изъ плѣна, и ежели онъ это сдѣлаетъ, то получить и другую тысячу. На этомъ настояла Дуня; очень хотѣлось ей поскорѣй увидѣться съ дядей, еще никогда ею невиданнымъ, хотѣлось и Дарью Сергѣвну порадовать.

Но самое Дарью Сергѣвну нисколько не заботило, скоро или поздно увидитъ она Мокея Данилыча, она даже боялась встрѣчи съ бывшимъ женихомъ своимъ. «Что я ему? она думала. Больше двадцати годовъ за упокой его поминала, больше двадцати годовъ не было объ немъ ни слуха, ни духа... И забылъ, чать про меня совсѣмъ. А самъ-отъ сердечный сколько горя-то въ полону натерпѣлся. Бьютъ, слышь, тамъ нашихъ-то мучать. Чего, чего натерпѣлся онъ въ эти годы. А дурища Матрена еще говоритъ давеча: «Были похороны, теперь свадьбу надо будетъ играть...» Нашли невѣсту! Старая я, болящая—куда ужъ мнѣ объ вѣнцѣ помышлять—женихъ мой гробъ сосновый, давно меня онъ дожидается. А хочешь, не хочешь придется съ Мокеемъ Данилычемъ встрѣтиться! Боязно. Вѣдь ровно съ того свѣта выходецъ... Вотъ какъ бы Дунюшкѣ

далъ Богъ скорѣй пристроиться за умнаго, за хорошаго и за добраго человѣка. Поглядѣла бы я маленько на новое житье-бытье ея да и пошла бы въ скиты грѣхи свои замаливать да за другихъ молиться.

Не любила она даже, когда иной разъ о Мокеѣ Данилычѣ при ней рѣчь заведутъ. Сейчасъ замолчить и уйдетъ вонъ изъ комнаты.

Дуня поправлялась помаленьку. Она могла ужъ разговаривать съ Патапомъ Максимычемъ объ устройствѣ дѣлъ. Чапуринъ со дня на день ждалъ шурина Никифора, чтобы скорѣй получилъ онъ отъ Дуни довѣренность на продажу унженскихъ лѣсовъ, баржей и низовыхъ промысловъ и ѣхалъ бы поспѣшнѣй на Унжу. На счетъ дѣлъ по городу разные люди являлись къ Чапурину съ предложеньями заняться устройствомъ ихъ, были въ томъ числѣ и отставной стряпчій, и выгнанный изъ службы становой, и промотавшіеся до тла помѣщики, и прогорѣвшіе купцы. А сынъ предводителя, узнавъ, что Дунѣ больше милліона досталось, опять сталъ свататься, самъ предводитель по этому дѣлу пріѣзжалъ «къ мужлану», какъ звалъ его, Патапу Максимычу. Стали разузнавать стороной мысли о замужествѣ богатой сироты и тѣ кумушки, что прежде были засылаемы къ Марку Данилычу сватать купчиковъ. Но всѣмъ отъ Патапа Максимыча одинъ былъ отвѣтъ: «Авдотѣ Марковнѣ ни приказывать, ни совѣтовать я не могу, да и раненько бы еще ей о выходѣ замужъ думать—у родителя въ гробу ноги еще не обсохли...» И ругая Чапурина, искатели Смолокуровскаго милліона въ злой досадѣ расходились по своимъ мѣстамъ. «И откуда они этого непутнаго заволжанина выкопали? говорили они. Ни слуху, ни духу про него у насъ никогда не бывало, вдругъ ровно изъ земли выросъ, какъ изъ вѣдьминой трубы вылетѣлъ, и ну чужимъ добромъ распоря-

жаться! Хорошо видно подмаслилъ городничаго, не то бы давно ему въ кутузкѣ сидѣть. Да и она-то дура неповитая! Зачѣмъ проходимца слушается.»

До Патапа Максимыча такіе толки не доходили. А и дошли бы, плюнулъ бы только да и прочь отъ сплетниковъ.

Сидѣли вечеромъ за чаемъ Дуня, Дарья Сергѣевна, Аграфена Петровна, Патапъ Максимычъ и Герасимъ Силычъ, передъ тѣмъ отправившій племянника въ Сосновку. Зашла рѣчь, какъ бы устроить дѣла въ городѣ и присмотрѣть за домомъ.

По совѣту Патапа Максимыча, Дуня стала просить Чубалова, чтобъ оказалъ онъ ей милость, сжалился бы надъ ней, принялъ на себя дѣла въ городѣ.

Герасимъ Силычъ всячески отрицался, говоря тоже, что говорилъ Чапуруну, у него-де свои дѣла и покинуть ихъ даже на короткое время нельзя.

— Сказано было вамъ, Герасимъ Силычъ, что въ убыткѣ не останетесь, — громко промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Скажите откровенно, сколько бы взяли вы въ мѣсяцъ съ Авдотьи Марковны?

Чубаловъ замолчалъ и низко склонилъ голову.

— Да говорите же, Герасимъ Силычъ, — настаивалъ Чапуринъ.

— Не знаю, что и говорить, — едва слышно, помолчавъ, промолвилъ Чубаловъ.

— А то и говорите, что для васъ не обидно будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Тутъ въ томъ главное дѣло, что совсѣмъ должна стать моя торговлишка, и въ разъѣзды за стариной ѣздить мнѣ не удастся, — сказалъ Чубаловъ. — Конечно Иванушку бы можно посылать, да все ужъ это не то, какъ я самъ. Да онъ же въ дальнихъ отлучкахъ безъ меня и не бывалъ никогда. Парень молодой, иной разъ можетъ и прошибиться.

— Ахъ ты, Господи! — повѣсивши голосъ, съ нетерпѣньемъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Этакъ мы пожалуй до смерти не столкуемся.

И вставъ изъ-за стола, закинувъ руки за спину и широкими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, такъ пива не сваришь! — сказалъ онъ, — ты ближе къ дѣлу, а онъ про козу бѣлу; ты ложки, а онъ тебѣ плошки.

И остановившись передъ старинщикомъ, положилъ ему руку на плечо и спросилъ:

— Скажите по совѣсти, много ли въ мѣсяцъ барыша получаете?

— Мѣсяцъ на мѣсяцъ не придется, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Чубаловъ. — Въ иной мѣсяцъ кромѣ расхода нѣтъ ничего, а въ другой и больно хорошо. Къ примѣру взять: у Макарья въ ярманкѣ, на Сборной въ Симбирскѣ, въ Ирбитской. Да еще когда на Вятку къ тамошнимъ домосѣдкамъ заѣдешь, либо на Уралъ къ казакамъ.

— Это такъ, это во всякой торговлѣ бываетъ, каку ни возьми, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А въ годъ сколько барыша?

— И это мудрено сказать, — уклончиво отвѣтилъ Герасимъ Силычъ. — И годъ на годъ не приходитъ.

— Фу ты пропасть какая! Чуть не битый часъ толкуемъ, а все попусту. — Толковъ много, только толку нѣтъ, — вскрикнулъ нахмурясь Патапъ Максимычъ. — Такъ разсуждать все одно, что въ рѣшетѣ воду таскать! Давно ль торгъ ведете?

— Больше пятнадцати годовъ, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Который изъ годовъ самый былъ прибыльный.

— Первые годы послѣ моего странства были самыя прибыльныя, — сказалъ Герасимъ Силычъ. — Потомъ истратился на семью, домъ поставилъ, землю купилъ,

племянниковъ отъ рекрутчины свободилъ, отъ того капиталу и стало у меня много поменьше. А вѣдь— по капиталу и барышъ.

— Вотъ у насъ дѣло-то какъ идетъ, — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Дунѣ.— Ни изъ короба, ни въ коробъ не лѣзетъ, изъ короба нейдетъ и короба не отдаетъ. Въ первые-то года по скольку барышей получали?—прибавилъ, обращаясь къ Чубалову.

— Цѣлковыхъ тысячи по полторы, а были годы, что и по двѣ получалъ,—отирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо, отвѣтилъ Чубаловъ и опять понурилъ голову.

— Такъ вотъ какой разговоръ будетъ у насъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Авдотья Марковна дастъ вамъ не двѣ, а двѣ съ половиной тысячи въ годъ за хлопоты ваши и за распоряженія по здѣшнему хозяйству. И будете ли вы ея дѣлами заниматься мѣсяцъ ли, два ли, цѣлый годъ, все равно получите сполна двѣ тысячи съ половиной цѣлковыхъ. Согласны?

Чубаловъ не ожидалъ этого. И на сто рублей въ мѣсяцъ не надѣялся, а тутъ вдругъ двѣ съ половиной тысячи. По стольку ни въ одинъ годъ онъ не получалъ. Попрежнему сидѣлъ опустья голову и не зная, что отвѣчать.

— Согласны что ли?—спросилъ его Патапъ Максимычъ.—Мало, такъ прямо скажите.

— Согласенъ,—едва слышно проговорилъ Чубаловъ.—Вашъ слуга, Авдотья Марковна, хоть по самый конецъ жизни,—прибавилъ онъ, низко кланяясь Дунѣ.

— Очень, очень рада я, что вы согласились. Теперь я спокойна на счетъ здѣшнихъ дѣлъ. Да это еще не все, что сказалъ вамъ Патапъ Максимычъ. Давеча мы съ нимъ про васъ много разговаривали. Онъ скажетъ вамъ.

Оторопѣлъ Герасимъ Силычъ. «Что еще такое у нихъ обо мнѣ рѣшено?» — подумалъ онъ и повернулся къ сѣвшему за столъ Чапурину, выжидая словъ его.

— Видите ли, любезнѣйшій Герасимъ Силычъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Давеча мы съ Авдотьей Марковной положили — лѣсную пристань и прядильни продать и домъ, опричь движимаго имущества, тоже съ рукъ, сбыть. Авдотьѣ Марковнѣ, послѣ такого горя, нежелательно жить въ вашемъ городу, хочется ей что ни осталось послѣ родителя въ деньги обратить и жить на проценты. Гдѣ приведется ей жить, покуда еще сами мы не знаемъ. А какъ вамъ доведется все продавать, такъ за комиссію десять процентовъ съ продажной цѣны получите.

И во снѣ не снилось это Чубалову. Не можетъ слова сказать въ отвѣтъ. Чапуринъ продолжалъ говорить, подавая деньги Герасиму Силычу.

— А это вамъ пятьсотъ рублей за труды при погребеніи Марка Данилюча.

— Помилуйте, Патапъ Максимычъ, это ужъ черезчуръ! — воскликнулъ Герасимъ Силычъ.

— Не моя воля, а молодой хозяйюшки, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ея волю исполняю. Желательно ей было, чтобы похороны были, что называется, на славу. Ну, а при нашемъ положеніи, какая тутъ слава? Ни поповъ, ни дьяковъ — ровно нѣтъ ничего. Такъ мы и рѣшили деньги, назначенныя на погребенье, вамъ предоставить. Извольте получить.

Чубаловъ ошеломленъ былъ такими милостями, о какихъ и въ голову никогда ему не приходило. Особенно поразили его обѣщанные проценты съ продажной цѣны. «Вѣдь это, мало-мало, десять тысячъ цѣлковыхъ. Буду богаче чѣмъ тогда, какъ воротился въ Сосновку, да къ тому-жъ и расходовъ такихъ, какъ

тогда были, не предвидится. Истинно Божеская милость мнѣ грѣшному выпала!»

Молча взялъ онъ пятьсотъ рублей, поклонился Патапу Максимычу и, подойдя къ Дунѣ, сказалъ:

— Вы, Авдотья Марковна, столько благодарній мнѣ оказали, что буду я теперь неустанно Бога молить, да устроить Онъ вашъ жизненный путь. Пошли вамъ, Господи, добраго и хорошаго сожителя, дай Богъ удесятерить достатки ваши, дай вамъ Богъ во всю вашу жизнь не видать ни горя, ни печалей. А я, послѣ такихъ ко мнѣ милостей, вѣковѣчный и вѣрный служитель вашъ. Теперь ли, послѣ ли когда, для васъ на всякую службу готовъ.

— Очень рада, Герасимъ Силычъ, что мы съ вами поладили, и вы не отказались оказать сиротѣ помощь, — съ ясной улыбкой проговорила Дуня.

— Не я вамъ, а вы мнѣ, Авдотья Марковна, великую неслыханную помощь являете, — со слезами на глазахъ отвѣтилъ Чубаловъ. — Богачемъ хотите сдѣлать меня. Воздай вамъ, Господи!

— Герасимъ Силычъ, — сказала, потупивши свѣтлыя очи, Дуня Чубалову. — Вѣдь у васъ тятенька покойникъ вымѣнялъ икону преподобной мученицы Евдокіи. Ангелъ мой. Теперь ужь больше года та икона возлѣ кровати въ изголовьяхъ у меня стоитъ.

— Точно такъ, Авдотья Марковна, Марко Данилычъ у меня ту икону вымѣнялъ, — отвѣчалъ Чубаловъ. — Рѣдкостная икона, царскимъ жалованнымъ изображомъ при святѣйшемъ Филаретѣ, патріархѣ московскомъ, писана. Комнатная была у благочестивой царицы Евдокіи Лукьяновны.

— И Марка Евангелиста икона, что у тятеньки покойника при гробѣ въ головахъ стояла, — тоже отъ васъ?

— И ее у меня же вымѣнялъ. Она баронскихъ писемъ, совсѣмъ почти фряжская. Эта много будетъ попростѣе, чѣмъ икона вашего ангела и помоложе, — сказалъ Герасимъ Силычъ.

— А нѣтъ ли у васъ иконы святителя Амвросія Медиоланскаго?—спросила Дуня.

— Такой не имѣется, — отвѣчалъ Герасимъ Силычъ. — Да едва ли можно такую найти старинныхъ писемъ. Сколько годовъ я по иконной части дѣлишки веду, чуть не всю Россію изѣздилъ изъ конца въ конецъ и, всего на всего, двѣ только старыя иконы Амвросія Медиоланскаго видѣлъ. А теперь ихъ нѣтъ: одну за перстосложеніе отобрали, другая на пожарѣ сгорѣла.

— Мнѣ хоть бы новую,—сказала Дуня.

— Въ такомъ разѣ можно поморскимъ заказать, а не то въ Москвѣ на Преображенскомъ,—отвѣтилъ Чубаловъ. — Ежели наскоро требуется, могу въ самомъ близкомъ времени ее получить.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказала Дуня. — Это самое мое усердное желаніе имѣть икону святителя Амвросія, — молвила Дуня. — Буду вамъ очень благодарна.

— Постараюсь, Авдотья Марковна, будьте благонадежны,—сказалъ Чубаловъ. — Штилистовая требуется или побольше?

— Чтобы въ кіотку, что у меня въ комнатѣ, поставилась. Снимите мѣрочку Хочу, чтобъ она всегда у меня въ изголовьяхъ была, — отвѣтила Дуня. — И окладъ закажите пожалуйста — серебряный, густо позолоченный, а каменья на икону я вамъ сама выдамъ.

— Слушаю-съ. А къ какому времени потребуется?—спросилъ Чубаловъ.

— Срока не назначаю, а чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—отвѣтила Дуня.

— Да ты обѣщанье что ли дала?—спросила Дарья Сергѣевна.

— Да, обѣщанье,—потушившись сухо, промолвила Дуня.

Съ того дня Чубаловъ сталъ хозяйствовать въ Смолокуровскомъ домѣ. Съѣздивъ онъ на день въ Сосновку и переѣхалъ въ городъ со всѣмъ книжнымъ скарбомъ. Иванушку взялъ съ собой.

Устроивши главныя дѣла покойнаго Марка Данилыча, Чапуринъ, не смотря на просьбы новой своей дочери, собрался въ путь-дорогу въ свои родные лѣса. Аграфена Петровна съ нимъ же поѣхала. Страшно показалось Дунѣ предстоявшее одиночество, особенно печалила ее разлука съ Груней. Къ ней теперь привязалась она еще больше, чѣмъ прежде, до размолвки.

Уговорились такъ: къ двадцатому дню послѣ кончины Марка Данилыча пріѣдетъ къ Дунѣ Патапъ Максимычъ и Аграфены Петровна съ дѣтками, и всѣ они пробудутъ до сорочинъ. Послѣ того Дуня съ Дарьей Сергѣвной двинутся за Волгу со всѣми пожитками.

Никифоръ между тѣмъ пріѣхалъ и, получивъ довѣренность, на другой же день покатилъ въ Унжу.

За день, либо за два, до отъѣзда Патапа Максимыча Дуня спросила у него:

— Въ векселяхъ, что выданы тятенькѣ покойнику, не нашлось ли векселей или росписокъ купца Поликарпа Андреича Сивкова?

— Есть векселекъ,—отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.— На нонѣшней ярманкѣ выданъ.

— Великъ ли?—спросила Дуня.

— Помнится, тысячи на три, а уплата на будущей Макаръевской,—отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Дайте мнѣ его, а изъ счетовъ пожалуста вычеркните,—сказала Дуня.

— Зачѣмъ это, дочка?—ласково и озабоченно спросилъ у нея Чапуринъ.

— Такъ надо мнѣ, — сказала рѣшительно Дуня и другого отвѣта не дала.

Патапъ Максимычъ пристально посмотрѣлъ на нее. А у ней взглядъ ни дать, ни взять такой же, каковъ бывалъ у Марка Данилыча. И ноздри также раздуваются, какъ у него бывало, когда дѣлался недоволенъ, и глаза горятъ; и хмурое лицо багровѣетъ—вся въ отца. «Нѣтъ, эту дѣвку прибрать къ рукамъ мудрено,—подумалъ Чапуринъ. Бѣдовая!... Мужа будетъ на уздечкѣ водить. На мою покойницу, на голубушку Настю смахиваетъ, только будетъ покруче ея. А то по всему Настя, какъ есть Настя.»

Отдалъ онъ Дунѣ вексель Сивкова, и та тотчасъ же разорвала его пополамъ.

— Что ты? Что сдѣлала? — вскочивши съ мѣста, съ изумленьемъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Теперь вексель не годится.

— Знаю,—равнодушно отвѣтила Дуня.

— Зачѣмъ же это?

— Долгъ уплачиваю. Поликарпу Андреичу я должна больше, чѣмъ онъ былъ тятенькѣ долженъ, — сказала Дуня, переглянувшись съ Аграфеной Петровной.

— Какъ должна? Въ толкъ не возьму,—сквозь зубы проговорилъ недовольный Чапуринъ.

Дуня не отвѣчала.

— Тятенька, — вступилась Аграфена Петровна, — вы вѣдь еще ничего не знаете, какъ мы съ Дуней отъ Луповицкихъ уѣхали. Много было всякихъ приключеній, говорить теперь не стану, сама когда-нибудь расскажетъ. Поликарпъ Андреичъ да еще одинъ человѣкъ и ей, и мнѣ много добра сдѣлали. Будь у

меня такія же деньги, какъ у Дуни, я бы и больше трехъ тысячъ не пожалѣла.

— Вотъ оно что!—тихо промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Да что жъ вы ничего не расскажете? Три тысячи деньги вѣдь немалыя, кидать ихъ зря не годится. Можетъ быть, одолженія Сивкова и десятой доли этихъ денегъ не стоятъ.

— Когда Дуня тебѣ расскажетъ все, самъ увидишь, что помощь Сивковыхъ стоитъ больше, — сказала Аграфена Петровна.

— Такъ расскажи, Дуня, не утай отъ второго отца,—ласково молвилъ стихшій Патапъ Максимычъ.

— Послѣ расскажу, послѣ, когда буду у васъ въ Осиповкѣ, — сказала Дуня, — а теперь, видитъ Богъ, не могу. Языкъ не поворотится. Знаете, отчего мнѣ хочется покинуть этотъ городъ, и въ немъ даже родительскія могилки? Чтобы подальше быть отъ этихъ Луповицкихъ, отъ Фатьянки, отъ Марьи Ивановны. Много я отъ нихъ натерпѣлась—говорить, такъ всего не перескажешь.

Навострила Дарья Сергѣвна уши, услыхавши отъ Дуни такія слова про Марью Ивановну. Довольная улыбка озарила лицо ея. Радостно она вокругъ послотрѣла.

— Какъ? Съ Марьей Ивановной рознь у тебя?—она промолвила.—Слава Богу! Никогда я не чаяла въ ней толку

— Всѣ они обманщики, богопротивники! — съ горячностью вскрикнула Дуня

— Ужъ они тебя въ поганую свою вѣру не приводили ль?—спросила Дарья Сергѣвна.—Весной, какъ Марья Ивановна жила у насъ, она вѣдь про какую-то новую вѣру рассказывала тебѣ да расхваливала ее. Я слышала сама изъ каморки, что возлѣ твоей комнаты. Только что словъ ея тогда понять не могла.

Дуня не дала отвѣта.

— А вѣдь я въ Фатьянкѣ то безъ тебя была, — продолжала Дарья Сергѣвна. — Покойный Марко Данилычъ думалъ, что ты ужъ пріѣхала сюда съ Марьей Ивановной, и только что воротился съ ярманки, посылалъ меня за тобой. Въ Фатьянкѣ мы никого не достучались, а ночь провели въ Миршени у одной вдовы. Она поразсказала мнѣ кое-что про фатьянскихъ. Это, слышь, особая какая то вѣра — фармазонами прозываютъ тѣхъ, кто ея держится. Послѣ того и стала я думать: Марья то Ивановна не той ли же вѣры? А вотъ на дняхъ дошли вѣсти, что фатьянскихъ за ихнюю противную вѣру, посадили въ острогъ. Туда и дорога безбожнымъ!

Дуня смутилась. Стала жаловаться, что у ней голова разболѣлась, и ушла съ Аграфеной Петровной въ свою спальню.

На возвратномъ пути Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной у Колышкиныхъ остановились. Рады были гостямъ и Сергѣй Андреичъ, и Марѳа Михайловна.

— Что такъ долго загостились? — спрашивалъ Сергѣй Андреичъ Патапа Максимыча.

— Схоронили вѣдь мы Марка то Данилыча, — отвѣчалъ Чапуринъ.

— Какъ? — вскрикнулъ Колышкинъ.

— Когда съ Груней мы къ нему пріѣхали, былъ онъ безъ языка и только одной рукой владѣлъ немножко. Груня поѣхала въ Рязанскую губернію за дочерью его. И въ тотъ день, какъ онъ воротились, другой ударъ случился съ нимъ. Такъ и покончилъ жизнь.

Подробно рассказалъ Патапъ Максимычъ, какъ онъ ночью засталъ Корнея возлѣ умиравшаго Смолокурова, рассказалъ и о распоряженьяхъ своихъ по дѣламъ сироты. Колышкинъ нашелъ, что крестнымъ все сдѣлано было хорошо.

— А въ тотъ разъ, какъ были вы у меня съ Аграфеной Петровной, не успѣлъ я вамъ сказать, что на короткое время я отсюда отлучался. Въ Казань надобность была съѣздить. Назадъ ѣхалъ на своемъ пароходѣ. Ёхалъ на тотъ разъ со мной молодой купчикъ съ большимъ багажемъ, изъ Казани на житье сюда переселяется онъ. Разговорились мы, вижу и слышу—парень умный и надо думать доброй души, однако, кажется, маленько озорной, кровь то молодая видно еще не совсѣмъ уходилась въ немъ. И тебя знаетъ онъ, и Аграфену Петровну; зналъ и покойнаго Марка Данилыча. Здѣсь покамѣстъ стоитъ на квартирѣ, а самъ присматриваетъ, гдѣ бы домикъ купить себѣ.

— Не Самоквасовъ ли Петръ? Какъ величать по отчеству—забылъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Петръ-отъ онъ Петръ—въ прошломъ году на Петровъ день въ Комаровѣ мы именины его справляли. И Марко Данилычъ съ нами былъ тогда.

— Онъ и есть, — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Петромъ Степанычемъ зовутъ его.

— Ну такъ, такъ, Петръ Степанычъ, — подхватилъ Патапъ Максимычъ.—А что озорной, такъ впрямь озорной. Сколько онъ въ скитахъ у матерей начудилъ, такъ и рассказывать всего не расскажешь. А голова умная и точно что доброй души человѣкъ. Куралесить, а перейдетъ время, остепенится, и ежели возьметъ за себя умную да хорошую жену, чистое золото выйдеть изъ него.

— Частенько у меня бываетъ, — сказалъ Колышкинъ, — да и живетъ неподалеку. Съ недѣлю назадъ

прибѣжалъ онъ ко мнѣ блѣдный такой, разстроенный, и спрашиваетъ, не слыхалъ ли я чего про Смолокурова и про его дочь. Я не зналъ еще ничего и сказать не могъ, а онъ ушелъ отъ меня такой притупленный, даже слезы, кажется, изъ глазъ выкатились.

— Какъ бы съ нимъ повидаться? — сказала вошедшая Аграфена Петровна. — Мы довольно съ нимъ знакомы, въ ярманку, бывало, каждый день къ мужу въ лавку ходилъ.

— Не придетъ ли вечеркомъ, давно что-то не бывалъ, — отвѣтилъ Колышкинъ. — А не придетъ, спосылать можно.

— Пожалуйста, Сергѣй Андреичъ, спосылайте. Мнѣ непременно хочется съ нимъ повидаться.

— Можно и послать, — молвилъ Колышкинъ.

И тотчасъ же послалъ за Самоквасовымъ. И записку написалъ на случай, еслибы посланный не засталъ его. Приписалъ, что теперь у него Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной и что на другой день уѣзжаютъ они въ свои лѣса за Волгу. Прибавилъ также, что Марко Данилычъ приказалъ долго жить.

Не засталъ посланный Петра Степаныча, куда-то по дѣламъ онъ уѣхалъ. Записку Сергѣя Андреича оставилъ.

Къ вечернему чаю Самоквасовъ пришелъ къ Колышкинымъ. Его радушно встрѣтили, и Патапъ Максимычъ вскорѣ обратился къ нему:

— Давненько, Петръ Степанычъ, мы не видались. Какъ твое дѣло съ дядей? Покончилъ ли?

— Славу Богу, покончилъ. Подѣлились, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Какъ же? — спросилъ Чапуринъ: — чѣмъ рѣшили?

— Не мы рѣшали, судъ порѣшилъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Я получилъ свое, хоть не безъ хлопотъ,

надо было выручать присужденное наследство. И надоѣла же мнѣ эта Казань послѣ этого, хоть и родина, а вѣкъ бы не видать ея. Сюда на житье переѣхалъ, здѣсь хочу устроиться.

— И дѣло, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Хорошо придумано. На новомъ мѣстѣ и новая жизнь пойдетъ. А сколько съ дяди-то пришлось?

— Половина что послѣ дѣдушки осталось. На двѣсти тысячъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Съ такимъ капиталомъ можно повести дѣла, — молвилъ Чапуринъ. — Переписывайся въ здѣшніе купцы да заводи торги. Только чуръ не шалонайничать — по скитамъ, ради озорства, не ѣздить, не повѣсничать тамъ. Пора остепениться, любезный Петръ Степанычъ. А то и не увидишь, какъ дѣдушкины двѣсти тысячъ вылетятъ въ трубу.

— Что было, то прошло, да и былъемъ поросло, — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ Петръ Степанычъ. — Былъ молодъ, былъ неразуменъ, молодая кровь бурлила, а теперь ужъ я не тотъ — укатали сивку крутыя горки. Какъ оглянешься назадъ, да вспомнишь про прежнее безпутное время, самому покажется, что, опричь глупостей, до сей поры ничего въ моей жизни не было.

— Ожениться бы тебѣ, Петръ Степанычъ. Съ хорошей женой и самъ бы ты былъ хорошій человѣкъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Годковъ-то ужъ тебѣ не мало, изъ подростковъ вышелъ — право, не пора ли? Отъ дяди отдѣлился, имѣешь теперь свой капиталъ, рожна что ли тебѣ еще? Аль въ скиты тянетъ съ бѣлицами да съ молоденькими старицами валандаться?

— Что мнѣ скиты? Пропадай они пропадомъ, и ухомъ не поведу, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Дядя каждый годъ меня съ милостиной туда посылалъ, не

своей охотой ѣздилъ я на Керженецъ. Теперь то время прошло.

— Толкуй! Знаемъ и мы кой-чего понемножку, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никому спуску не давалъ. Хоть Фленушку взять, сестрицы моей воспитанницу. Валандался вѣдь съ ней? Ну, скажи правду-матку, какъ есть на чистоту.

И Лукаво поглядѣлъ на Петра Степаныча.

— Въ скитахъ да и вездѣ въ вашихъ лѣсахъ много сплетокъ плетутъ, Патапъ Максимычъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ. — А если что и было, такъ я теперь ото всякихъ обителей отшатился. Пропадай онѣ совсѣмъ.

Всѣ примолкли. Спустя небольшое время, Колышкинъ спросилъ Петра Степаныча:

— Домика не присмотрѣли ль?

— Нѣтъ, — тоскливо отвѣтилъ Самоквасовъ. — Да и на что мнѣ домъ, какъ поразсудить хорошенько. Истратишься на него, а послѣ съ рукъ не сбудешь... А гдѣ мнѣ еще придется жить, самъ куда не знаю. Въ Москвѣ ли, въ Питерѣ ли, или у чорта на куличкахъ гдѣ нибудь...

— А ты, парень, не черкайся¹⁾, коли говоришь про хорошее дѣло, — внушительно сказалъ ему Патапъ Максимычъ. — Зачѣмъ супротивнаго поминать? Говорю тебѣ — женись. Повѣрь, совсѣмъ тогда другая жизнь у тебя будетъ.

— И радъ бы жениться, да жениться какъ? — молвилъ Петръ Степанычъ. — Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ подходящей невѣсты, я бы со всякимъ удовольствіемъ.

— Сваха чтоль я тебѣ? — засмѣялся Чапуринъ. — Самъ ищи, дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

¹⁾ Не поминай чорта.

Подъ эти слова еще человѣка два къ Колышкину въ гости пришли, оба пароходные. Петръ Степанычъ ни того, ни другого не зналъ. Завязался у нихъ разговоръ о погодѣ, стали разбирать примѣты и судить по нимъ, когда на Волгѣ начнутся заморозки и наступитъ конецъ пароходству. Марѳа Михайловна вышла по хозяйству. Улучивъ минуту, Аграфена Петровна кивнула головой Самоквасову, а сама вышла въ сосѣднюю комнату, онъ за нею пошелъ.

— Садитесь-ко возлѣ меня, Петръ Степанычъ, — указывая на кресло, сказала она.

Онъ сѣлъ. Аграфена Петровна продолжала:

— А я вѣдь далеко за Дуней ѣздила, въ Рязанскую губернію. И только что воротились, въ первую же ночь Марка Данилыча не стало.

— Слышалъ я давеча утромъ, тамошніе торговцы сказывали, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Она что?

— Извѣстно что. Плачетъ и утѣшить ее невозможно, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Вотъ я сама всего девяти годковъ была, какъ померли у меня батюшка съ матушкой и осталась я одна въ чужомъ незнакомомъ городѣ... Мала была и неразумна, а до сихъ поръ сердце кровью обливается, какъ вспомнишь, какъ плакала я у воротъ Мартыновской больницы... И послалъ мнѣ тогда Богъ милосердаго человѣка — тятеньку Патапа Максимыча. И была я у него, и до сихъ поръ осталась, какъ родная дочь... А у Дунюшки кто заступа?... Гдѣ покровитель? Одна одишенька, что въ полѣ головешка... Дарья Сергѣевна при ней, да что жъ она можетъ? Нашлось въ бумагахъ покойника, что братъ не утонулъ въ морѣ, а больше двадцати годовъ у бусурманъ въ полонѣ живетъ — выкупаютъ его теперь. Да ежели и вынесетъ его Богъ на русскую землю... какой же онъ защитникъ племянницы? Исживши вѣкъ среди бусурманъ,

пожалуй, и порядки-то русскіе всё перезабылъ. Трудно Дунѣ, трудно бѣдняжкѣ. Денегъ хоть и много послѣ отца ей досталось — больше милліона, да вѣдь не въ деньгахъ людское счастье, а въ близкомъ добромъ человѣкѣ. Пройдутъ сорочины, пріѣдетъ она съ Дарьей Сергѣвной за Волгу, у меня поживетъ, у тятеньки Патапа Максимыча погоститъ, а послѣ того какъ устроится, одинъ Господь вѣдаетъ. Не разъ объ этомъ я съ ней заговаривала, только она и рѣчей не разводитъ, «во всемъ, говоритъ, полагаюсь на власть Божію».

Печально повѣсивши голову, ни слова не сказалъ Самоквасовъ Аграфенѣ Петровнѣ. Лишь минуты черезъ двѣ тихо и робко спросилъ онъ:

— Обо мнѣ не было рѣчи?

— Были рѣчи, Петръ Степанычъ, были. Не одинъ разъ заходили, — отвѣчала Аграфена Петровна. — Да вы прежде скажите-ка мнѣ по душѣ да по совѣсти — милліона что ли ея вамъ хочется?

— Что мнѣ милліонъ! — горячо воскликнулъ Петръ Степанычъ. — На что онъ мнѣ? Теперь у меня у самаго денегъ за глаза — на жизнь хватить, еще пожалуй останется. По ней изболѣло сердце, а не по деньгамъ, по ней по самой.. Вамъ все вѣдь извѣстно, Аграфена Петровна, — помните, что говорилъ я вамъ въ Вихоревѣ?

— Помню. Это было чуть ли не наканунѣ того дня, какъ въ Комаровѣ вы поѣхали, къ матери Филагріи, что ли, — съ усмѣшкой сказала Аграфена Петровна.

— Издали даже не видалъ ея, — пылко отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Что она мнѣ? Ну было, что было прежде, то было, а теперича нѣтъ ничего.

— Зачѣмъ же вы тогда уѣхали отъ насъ?

— Съ тоски, Аграфена Петровна, съ одной только тоски, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Опротивѣлъ мнѣ Бо-

жій свѣтъ, во всемъ я отчаялся. Дай, подумалъ я, съѣзжу въ Комаровъ, тамъ много знакомыхъ. Не размыкаю ли съ ними кручину. Однако напрасно ѣздилъ. Хоть бы словечко кто мнѣ по душѣ сказалъ. Всѣ только говорили, что очень я перемѣнился—ни прежняго-де удалства, ни прежней отваги, ни веселости нисколько во мнѣ не осталось. Тоски въ Комаровѣ прибыло, и тамъ я пробылъ всего трое сутокъ.

— А потомъ?

— Потомъ только и думалъ что про нее,—сказалъ Петръ Степанычъ.

— Такъ ли полно?

— Вѣрно, Аграфена Петровна. Богъ свидѣтель, что говорю не облыжно,—горячо вскрикнулъ Самоквасовъ. — Господи! Хоть бы глазкомъ взглянуть! А говорить не посмѣю, на глаза къ ней боюсь показаться. Помнитъ вѣдь она, какъ я въ прошломъ году за Волгу уѣхалъ, а послѣ того, ни съ кѣмъ не повидавшись, въ Казань сплылъ?

— Помнитъ, очень твердо помнитъ,—сказала Аграфена Петровна.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать? Господа ради скажите, Аграфена Петровна, что дѣлать мнѣ? — со слезами на глазахъ просилъ Самоквасовъ.

— Не знаю, что вамъ сказать, Петръ Степанычъ. Много бы я вамъ еще поразсказала, да слышите Марѳа Михайловна идетъ, — сказала Аграфена Петровна. — Послѣ сорочинъ, когда будетъ она въ Вихоревѣ, приѣзжайте къ намъ, будто за какимъ дѣломъ къ Ивану Григорьичу. А къ двадцатому дню расположили мы съ тятенькой Патапомъ Максимычемъ ѣхать къ ней. Остановимся здѣсь. Заходите.

Въ это время вошла Марѳа Михайловна. Разговоры кончились.

Съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ каждый день, а иногда и по два раза заходилъ къ Колышкину узнавать, нѣтъ ли какихъ вѣстей про Патапа Максимыча и про Аграфену Петровну, но про Дуню Смолокурову даже не заикался.

Разъ Сергѣй Андреичъ, говоря съ Самоквасовымъ, какъ думаетъ онъ устроиться, сказалъ ему:

— А вѣдь крестный мой точную правду сказалъ, какъ былъ у меня. Жениться вамъ надо, Петръ Степанычъ, молодую хозяйшку подъ крышу свою привести. Тогда все пойдетъ по-хорошему.

— Самъ понимаю это, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Да вѣдь невѣсты на базарѣ не продаютъ, а гдѣ ее хорошую-то сыщешь? Дѣвушки вѣдь всѣ ангелы Божьи, откуда же злыя жены берутся? Жену выбирать — что жребій метать — какая попадется. Хорошо жребій нынется — вѣкъ проживешь въ весельѣ и радости, плохой вынется — пожалуй, на другой же день послѣ свадьбы придется отъ жены давиться либо то-питься.

— Съ вашимъ капиталомъ да не найти хорошей невѣсты! — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Да возьмите хоть у насъ въ городу. Здѣсь всякими невѣстами, хорошими и плохими, старыми и молодыми, хоть Волгу съ Окой запруди. Словечко только молвите — стаями налетятъ, особенно жь теперь при отдѣльномъ вашемъ капиталѣ.

— Не мало ужь свахъ налетало, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Да это и на дѣло-то нисколько не похоже. Какъ я стану свататься, не зная ни невѣсты, ни семейныхъ ея?

— На невѣсту-то я вамъ, пожалуй, укажу, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Самъ ея не видалъ никогда, а всѣ одобряютъ, много слышалъ я про нее хорошаго. Съ милліономъ приданаго, съ вашимъ-то ка-

питаломъ до полутора набралось бы... Какую бы можно было коммерцію завести. Про Смолокурову говорю, про сироту. Сама еще молода, изъ себя, говорятъ, пригожа, и нравомъ вишь кроткая и ко всѣмъ сердобольная. Въ своемъ городу отцовское хозяйство она нарушаетъ, за Волгу ѣдетъ жить къ моему крестному. А крестный, какъ вижу, васъ жалуетъ. Поищите. Да не зѣвайте—милліонная невѣста въ дѣвкахъ не засидится.

Ни слова не сказалъ Петръ Степанычъ, но такая краска бросилась ему въ лицо, что онъ даже побагровѣлъ весь.

Колышкинъ будто и не замѣтилъ того.

— Знали вы ее когда нибудь?—спросилъ онъ у Самоквасова.

— Зналъ,—робко отвѣтилъ Петръ Степанычъ, понизивши голосъ.—Въ прошломъ году видались.

— Что-жь? Нравится? По мыслямъ? — спросилъ улыбаясь Колышкинъ.

Не отвѣчалъ смущенный Самоквасовъ.

— Повидайтесь съ моимъ крестнымъ, какъ онъ будетъ здѣсь, да поговорите съ нимъ объ этомъ откровенно,—хлопнувъ ладонью по плечу Самоквасова, сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Авось на свадьбѣ попируемъ.

— Что вы, что вы, Сергѣй Андреичъ?—полупшепотомъ только могъ проговорить въ конецъ растерявшійся Петръ Степанычъ.

Колышкинъ, глядя на него улыбнулся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ городѣ, гдѣ жилъ Смолокуровъ, только и говора было, что о несмѣтномъ богатствѣ Дуни. Досужіе языки ужъ не милліонъ насчитывали, а пять, либо

шесть. Иные стали обращаться къ ней съ просьбами о помощи, другіе просто денегъ просили взаймы, третьи ужь не просили, а просто-напросто требовали крупныхъ суммъ на общественныя надобности — на дамскіе вечера въ клубѣ, на музыку, даже на благородныя театральныя представленія, до которыхъ богатой наслѣдницѣ никакого дѣла не было. Еслибъ не Герасимъ Силычъ, Дуня не знала бы, какъ и отдѣлаться отъ толпы просителей. Онъ такъ хорошо ихъ выпроваживалъ, что Дуня никого изъ нихъ и не видала. Боясь, чтобъ кто-нибудь изъ просителей вдругъ не разжалобилъ Дуню, Чубаловъ, оставивши небольшую часть наличныхъ денегъ для хозяйства, остальное отослалъ въ ломбардъ и получилъ именныя билеты.

Вексель въ три тысячи рублей, выданный Марку Данилычу Сивковымъ, Дуня послала по почтѣ. Въ письмѣ къ Поликарпу Андреичу, извѣщая о кончинѣ отца, просила она, чтобы онъ, взявъ половину денегъ въ благодарность за данный ей пріютъ, другую половину вручилъ бы отцу Прохору.

А отцу Прохору написала, что онъ навсегда будетъ получать отъ нея по пятисотъ рублей въ годъ и что за первые три года получить полторы тысячи рублей отъ Поликарпа Андреича Сивкова.

Недѣли черезъ полторы Дуня получила отвѣтныя письма. Сивковъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ пожеланіяхъ скорѣй оправиться отъ горя и счастливо устроить судьбу свою. Насчетъ отца Прохора писалъ онъ, что послалъ къ нему пятьсотъ рублей, а остальные отдастъ послѣ, когда дозволятъ ему торговые обороты. Отецъ Прохоръ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ Дуню за полученные отъ Сивкова пятьсотъ рублей и за обѣщаніе не оставлять его и на будущее время. «А по отъѣздѣ изъ Луповицъ Аграфены Петровны, коей при семъ покорнѣйше прошу

засвидѣтельствовать усерднѣйшее наше почтеніе и благодарность за неоставленіе насъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ, писалъ отецъ Прохоръ, у насъ, въ Луповицахъ, произошли неожиданныя новости. Третьяго дня прїѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга со здѣшнимъ исправникомъ и съ жандармскимъ полковникомъ. Денисова они взяли, и жандармскіе солдаты увезли его неизвѣстно куда. По всему дому былъ произведенъ обыскъ, и меня тутъ пригласили по моему сану. Сіонскую горницу и все, что возлѣ нея, запечатали казенными печатями, а равно и богадѣльню еретицы Матрены. Здѣшніе господа остаются покамѣстъ нетронутыми, но съ нихъ, кромѣ Марьи Ивановны, какъ заѣзжей, взяты подписки о невыѣздѣ изъ имѣнія; наблюденіе же за ними поручено нашему господину исправнику. А гостившую въ Луповицахъ барышню Кислову отвезли въ городъ къ родителямъ и до времени отдали подъ полицейскій надзоръ. Чѣмъ все это кончится, пока неизвѣстно, но ходятъ слухи, что правительство строго взялось за преслѣдованіе богопротивной секты. Ожидаютъ, что съ нашими господами кончится тѣмъ же, чѣмъ кончилось и съ родителемъ ихъ, сосланнымъ, какъ извѣстно, въ монастырь на неисходное покаяніе. Таковыя предположенія слышатся не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ чиновныхъ, при коихъ имѣлъ счастіе находиться. А они въ барскомъ домѣ не пристали, а остановились петербургскій чиновникъ съ жандармскимъ полковникомъ у меня въ домишкѣ, а другіе у отца дьякона да у причетниковъ. А Марья Ивановна сегодня въ ваши мѣста поѣхала. О семъ пишу по той причинѣ, что быть-можетъ вздумаетъ она съ вами повидаться, такъ вы обходитесь съ ней строго и бережно, дабы снова не уязвила васъ. А лучше бы всего, еслибы съ нею вовсе вы не видались. Узнавши, что теперь вы богаты,

она, надо полагать, станетъ у васъ денегъ просить на ихнее дѣло, то-есть чтобы какъ-нибудь и насколько возможно опять присовокупить васъ къ ихъ кораблю. Прошу я васъ, отнюдь не поддавайтесь просьбамъ ея—храните себя. Боюсь, не осталось ли у васъ въ ихъ домѣ какихъ-нибудь писемъ, касающихся до богомерзкихъ ихъ дѣяній. При обыскѣ таковыхъ не нашлось, но вѣдь дѣло не кончено, могутъ оказаться послѣ. Сами же ни къ Марьѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ нихъ ни единой буквы не пишите. Платье и разныя ваши вещи, у нихъ оставшіяся, пускай пропадаютъ. Откажитесь отъ нихъ, и дѣло съ концомъ. По моему разсужденію, кажется вамъ нечего опасаться, а еслибъ и довелось отвѣтъ давать, покажите сущую обо всемъ правду. Съ таковыхъ взыску никогда не бываетъ. А главное, молитесь, ежедневно возносите моленія, во первыхъ самому Господу Богу, незримыми путями всякаго земнороднаго руководящему, а во вторыхъ, святому отцу нашему Амвросію, епископу Медиоланскому. Они спасли васъ отъ страшныхъ бѣдъ. Теперь начинаетъ открываться, что Денисовъ со своей сродницей Варварой Петровной, а также съ барышней Кисловой въ прежніе годы то же самое учинилъ, на что и относительно васъ покушался. Дай Боже ему въ монастырѣ раскаяться въ богопротивныхъ дѣлахъ... А сколько за то будетъ избавлено отъ позора молодыхъ дѣвицъ и даже несмысленныхъ отроковицъ.»

Письмо отца Прохора обезпokoило Дуню—она боялась встрѣчи съ Марьей Ивановной. Впрочемъ, еще надѣялась, что, послѣ всего бывшаго въ Луповицахъ, она проѣдетъ мимо города прямо въ Фатьянку.

Въ самомъ дѣлѣ онѣ не встрѣтились, но вскорѣ изъ Фатьянки пріѣхалъ нарочный отъ Марьи Ивановны. Онъ привезъ два чемодана съ платьемъ и съ разными

вещами, оставленными Дуней въ Луповицахъ. Въ одномъ изъ чемодановъ было положено все хлыстовское, что употребляла Дуня во время радѣній. Тутъ были и бѣлыя ризы, и покровцы, и знамена, и пальмовыя вѣтки. На вещахъ было положено письмо.

Вотъ что писала Марья Ивановна:

«Что это сдѣлала ты съ нами, милая, дорогая моя Дунюшка?—Сокрушила ты всѣхъ насъ печалью, а мы столь много и столь пламенно тебя любимъ. Сколько принесла ты намъ горя, тревогъ и безпокойства своимъ исчезновеніемъ. Долго искали мы, куда могла бы ты скрыться, но не могли узнать; послѣ ужъ стороной услышали, что была ты въ губернскомъ городѣ у купца Сивкова, а отъ него съ какою то женщиной поѣхала къ больному отцу. Не можемъ придумать, какъ очутилась ты у Сивковыхъ. Черезъ день послѣ того, какъ ты скрылась, была получена эстафета съ письмомъ ко мнѣ. Извѣщали меня о внезапной болѣзни Марка Данилыча и просили сейчасъ же тебя привезти, чтобъ отца въ живыхъ ты застала. И я бы исполнила это, ежели бы ты у насъ на ту пору оставалась. А все произошло, я полагаю, изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія съ твоей стороны. Надо думать, что тебѣ показалось Богъ знаетъ что такое. Такъ и Егорушка говорилъ. Никогда, милый другъ мой, не должно дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ, иначе это будетъ опрометчивостью. Я впрочемъ осталась вполне увѣренною, что ты не покинула святого дѣла и не поругалась ему по вражьему наводненію. Великій, страшный отвѣтъ передъ Богомъ придется давать тебѣ, ежели не устоишь противъ искушеній лукаваго. Сама знаешь, какою ты пріѣхала къ намъ и какою, прельщенная міромъ и суетой его, оставила насъ. Ради вѣчнаго душевнаго спасенія твоего умоляю тебя, милый дружокъ, не забывай того, что преподано

тебѣ, и оставайся вѣрною Богу до самой кончины. Теперь, по смерти добраго Марка Данилыча, стала ты ни отъ кого независимою, тѣмъ болѣе, что и достатки тебѣ достались немалые. Ни о чемъ объ этомъ не думай, никакихъ заботъ на себя не принимай. Угождай только Богу святыми дѣлами. Хорошо бы тебѣ воротиться на прежнее мѣсто, либо у меня пожить въ новомъ имѣньи, но этого до нѣкотораго времени исполнить невозможно, потому что случилось у насъ неожиданное и великое несчастіе. Желѣзная скелетная рука Полифема, сына Посидонова ¹⁾, коснулась и нашего тихаго отъ суеты мірской убѣжища и грозитъ тѣмъ, что было со спутниками Одиссея въ пещерѣ Циклоповой. Егорушку увезли неизвѣстно куда, домъ братьевъ описали и отчасти запечатали, я отпросилась въ свое имѣнье и дорогой узнала, что Полифемъ и туда простеръ ужасную свою руку. По этой причинѣ лучше тебѣ покаместъ оставаться въ своемъ домѣ, а когда утишатся скорби, тогда къ намъ переѣзжай. Посылаю тебѣ покинутыя тобою вещи и все нужное для истиннаго богомоленія. Пусть эти принадлежности къ работѣ по святому и спасительному дѣлу напоминаютъ тебѣ о данныхъ тобой клятвахъ и обѣщаніяхъ. Съ этимъ же нарочнымъ пришли отвѣтъ, человѣкъ онъ совершенно надежный и вѣрный, писать съ нимъ безопасно. Это письмо на всякій случай

¹⁾ Это и нѣкоторыя другія выраженія письма Марьи Ивановны до словно взяты изъ письма образованной петербургской хлыстовки, писаннаго во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Ни означенія года, ни имени писавшей нѣтъ, но видно, что барыня хлыстовка хоть нѣсколько была знакома съ Гомеромъ. Подъ именемъ Полифема разумѣется правительство, а изъ сопоставленія другихъ подобныхъ документовъ видно, что это преимущественно относится къ министру графу Перовскому, обратившему строгое вниманіе на распространившуюся въ его время хлыстовскую ересь.

сожги, чтобъ никакихъ слѣдовъ отъ него не осталось, и я равнымъ образомъ также поступлю съ письмомъ, которое пришлешь мнѣ. Времена пошли неблагопріятныя, подули съ сѣвера все доброе и истинное мертвящіе холодные вѣтры, необходимо ихъ переждать и беречь себя какъ можно осторожнѣе, чтобы не получить болѣзни. — Прощай, милая моя и дорогая Дунюшка, ты всегда была избранной любимицей моего сердца, забудь же недоразумѣніе, по которому ты исчезла изъ братнина дома. Увѣряю тебя, что тутъ не было ничего дурного, ничего предосудительнаго, тебѣ только показалось что-то нехорошее. Умоляю тебя не забывать, что тобою принято и вручаю тебя покровительству Царицы Небесной. Ты вѣдь Ее за себя порукой давала. Не увлекайся мірской суетой и помни всегда, что не въ ней заключаются полнота духа, праведное восхищеніе и душевный ни съ чѣмъ несравнимый восторгъ. Ты вѣдь не разъ испытала его.»

Раздумалась надъ этимъ письмомъ Дуня. «Все ложь все обманъ, правды нѣтъ нисколько! подумала она. Какое-то недоразумѣніе нашла... Какое тутъ недоразумѣніе, когда сама ввела меня въ ловушку. И про мои недостатки, что остались послѣ тятеньки, поминаетъ. Ихъ хотѣлось Луповицкимъ... Прочь, лукавые! Ни думать не хочу о васъ, ни вспоминать про вашу обманную вѣру.»

Вошла разбитная Матрена.

— Что тебѣ Матренушка?—спросила ее Дуня.

— Посланный отвѣта ждетъ, — отвѣчала Матрена.

— Скажи, что отвѣта не будетъ, — нахмурясь сказала Дуня.

— Онъ говоритъ, что безъ вашего письма никакъ ему нельзя домой воротиться. Строго-настрого ему, слышь, наказывали письмо привезти отъ васъ.

— Скажи ему отъ меня, что никакого отвѣта не будетъ и чтобъ онъ скорѣй уѣзжалъ съ моего двора, — повысивши голосъ, сказала Дуня и глаза ея загорѣлись, пылкимъ гнѣвомъ.

Волей-неволей посланный отъ Марьи Ивановны поѣхалъ долой со двора.

— Затопи, Матренушка, въ моей спальнѣ печку, — приказала Дуня.

— Да вѣдь не холодно на дворѣ-то, Авдотья Марковна, — сказала было Матрена.

— Затопи, когда приказываютъ, — повелительно крикнула Дуня.

Изумилась Матрена. Всегда тихая и кроткая смиренница такъ грозно и властно стала покрикивать. Ни дать, ни взять покойникъ Марко Данилычъ. Видно яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ.

Когда печка разгорѣлась, Дуня заперлась изнутри и покидала въ огонь бѣлыя ризы, еще недавно такъ съ восторгомъ ею надѣваемые. Знамена, покровцы и пальмовыя вѣтви тоже въ печку пошли. Между платѣмъ нашла она писаную водяными красками картину «ликовствованія» и нѣсколько мистическихъ книгъ, купленныхъ Маркомъ Данилычемъ у Чубалова и взятыхъ Дуней въ Луповицы. И это все въ огонь полетѣло. Когда сгорѣло все, что могло напоминать ей о хлыстахъ, ровно тяжесть какая свалилась съ нея, и на душѣ стало покойнѣй и веселѣе. Ей казалось, будто вышла она на вольную свободу изъ душевной темницы. Всѣ отношенія ея къ Луповицкимъ хлыстамъ были навсегда теперь разорваны.

Послѣ, когда рассказала она обо всемъ этомъ Аграфенѣ Петровнѣ, та похвалила ее.

Въ тотъ же день вечеромъ разговорила Дуня съ Чубаловымъ.

— Скажите мнѣ пожалуйста, Герасимъ Силычъ,

правду ль я слышала, будто вы, странствуя по разнымъ мѣстамъ, во многихъ вѣрахъ перебивали?—спросила она.

— Правда, Авдотья Марковна, вамъ необлыжно сказывали,—отвѣчалъ Чубаловъ.—Съ раннихъ годовъ, когда еще я подросткомъ былъ, съ ума у меня не сходило, что вотъ здѣсь вокругъ насъ старовѣры разныхъ толковъ живутъ. И каждый толкъ не любить другіе, обзываетъ ихъ отступниками, отщепенцами. Гдѣ жь, думалъ я, единая, правая Христова вѣра, въ коей вѣчное спасеніе несомнѣнно. Кого ни спрашивалъ, никто прямого отвѣта мнѣ не далъ, свою вѣру хвалилъ, другія проклиналъ... Тогда прочелъ я книгу Ефрема Сирина. А въ ней сказано: въ послѣднія времена праведная вѣра сокроется изъ міра, и міръ по своимъ похотямъ пойдетъ и забудетъ Творца своего. Тогда держащіе праведную вѣру побѣгутъ въ горы и будутъ пребывать въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. И пошелъ я въ странство отыскивать тѣ вертепы и пропасти, чтобъ до конца живота пребывать съ людьми истинной вѣры. Много странствовалъ, но не могъ ихъ найти. Пошелъ по сектамъ—въ которой годъ, въ которой больше оставался. А какъ замѣчу, бывало, какую ни на есть неправоту, тотчасъ ухожу въ иное мѣсто... И такимъ образомъ пятнадцать лѣтъ провелъ я въ странствѣ и все переходилъ изъ одного согласія въ другой. Но нигдѣ не видалъ прямой истины. Тогда, наскучивъ празднымъ шатаньемъ, домой воротился. И вотъ теперь провожу житіе въ той вѣрѣ, въ коей родился, по Спасову согласію.

— Вы находите ее всѣхъ праведнѣе? — спросила Дуня.

Не вдругъ отвѣтилъ Чубаловъ. Думалъ онъ. Долго думалъ; потомъ тихо промолвилъ:

— Вы, Авдотья Марковна, слышалъ я, много

книгъ перечитали и съ образованными господами знакомство водите. Такъ не можетъ же быть, чтобъ и вамъ на умъ не приходило, до чего дошелъ я чтеніемъ книгъ.

— Что жь такое, Герасимъ Силычъ?—живо спросила его Дуня.—До чего дошли вы?

— Не въ проносъ мое слово будь сказано,—запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ Чубаловъ. — Ежели по сущей правдѣ разсудить, такъ истинная вѣра тамъ.

И показалъ на виднѣвшіяся изъ окна церковныя главы.

— Какъ? Въ великороссійской?—спросила удивленная Дуня.

— Да, въ великороссійской,—твердо отвѣтилъ Герасимъ Силычъ. — Правда, есть въ ней отступленіе отъ древнихъ святоотеческихъ обрядовъ и преданій, есть церковныя неурейства, много поповъ и другихъ людей въ клирѣ недостойныхъ, прибытками и гордостію обуянныхъ, а въ богослуженіи нерадивыхъ и небрежныхъ. Все это такъ, но вѣра у нихъ чиста и непорочна. На томъ самомъ камнѣ она стоитъ, о коемъ Христосъ сказалъ «на немъ созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣють ю».

Задумалась Дуня.

— Да, между тамошнимъ священствомъ есть люди недостойные, — продолжалъ Чубаловъ. — Но вѣдь въ семьѣ не безъ урода. Зато не мало и такихъ, что душу свою готовы положить за послѣдняго изъ паствы. Такіе даже бываютъ, что не только за своего, а за всякаго носящаго образъ и подобіе Божіе всѣмъ пожертвуютъ для спасенія отъ какой-нибудь бѣды, подвергнутся гнѣву сильныхъ міра, сами лишатся всего, а человекъ, хотъ имъ вовсе незнакомаго, отъ бѣды и напасти спасутъ. И будь хотъ немного такихъ, они вполнѣ бы возвеличили свою церковь, а въ ней не-

правды нѣтъ—одно лишь измѣненіе обряда. А обрядъ не вѣра, и церковь его всегда можетъ измѣнить. Бывали тому примѣры и въ древней церкви, во дни вселенскихъ соборовъ.

Дуня молчала, объ отцѣ Прохорѣ она думала. Развѣ мнѣ, чуждой его церкви, не сдѣлалъ онъ величайшаго благодѣянія? Развѣ не подвергался онъ преслѣдованіямъ? Развѣ ему самому не угрожали за это и лишеніе мѣста, и лишеніе скудныхъ достатковъ?

Прошло нѣсколько минутъ, Дуня спросила у Чубалова, зорко глядя ему въ очи и ровно застыдившись:

— Когда вы были въ странствѣ, Герасимъ Силычъ, не случилось ли вамъ когданибудь сходитьсь съ людьми Божьими?—спросила Дуня.

— Всѣ мы Божьи люди, Авдотья Марковна, всѣ Его созданья. Не знаю, про какихъ Божьихъ людей вы спрашиваете,—отвѣчалъ Чубаловъ.

— Такая секта есть, — сказала Дуня. — Сами себя они зовутъ людьми Божьими, вѣрными праведнымъ зовутся также, и праведными послѣднихъ дней, познавшими тайну сокровенную.

— Не доводилось знать такихъ, — отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.—Не знаю, про кого вы говорите.

— Вмѣсто моленья, они пляшутъ и кружатся, — тихонько промолвила Дуня.

— Такъ это хлысты, фармазонами ихъ еще въ народѣ зовутъ,—отвѣтилъ Чубаловъ. — Нѣтъ, Богъ миловалъ, никогда на ихъ проклятыхъ сборищахъ не бывалъ. А встрѣчаться встрѣчался и не разъ бесѣдовалъ съ ними.

— Что жъ вы думаете о нихъ? Что это за ученіе?

— Бѣсовское,—отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Работы на пристани и на прядильняхъ Смолокурова еще до Покрова были кончены, и Чубаловъ разсчиталъ пришлыхъ работниковъ. Разсчитались они честно и мирно не такъ, какъ бывало при Васильѣ Оадѣевѣ. Послѣ выгонки ненавистнаго прикащика, голоса никто не повышалъ въ работныхъ избахъ, а ежели и случалось кому хмѣлькомъ черезчуръ зашибиться, сами товарищи не допускали его бушевать, а если словъ не слушался, такъ пускали въ ходъ палки и кулаки. Иные работники, особенно дальніе, послѣ разсчета Христомъ Богомъ молили оставить ихъ при Смолокуровскомъ домѣ за какую угодно плату, даже изъ одного хлѣба. Чубаловъ соглашался, и эти работники были полезнѣе другихъ, они сдѣлались бдительными и вѣрными стражами осиротѣлаго дома. А это было нелишнее. Не разъ были попытки подкопаться подъ какую-нибудь Смолокуровскую постройку, гдѣ лежало мало-мальски цѣнное. Охотниковъ до чужбинки въ томъ городкѣ, гдѣ жилъ покойный Марко Данилычъ, было вдоволь, и потому Герасимъ Силычъ по ночамъ въ домѣ на каждой лѣстницѣ клалъ спать по нѣскольку человѣкъ, чтобъ опять ночнымъ дѣломъ не забрался въ покои какой-нибудь новый Корней Прожженный.

Тихо, безшумно шла новая Дунина жизнь, хоть и было ей тоскливо, хоть и болѣла она душою отъ скучнаго одиночества. Съ нетерпѣньемъ ждала она тѣхъ дней, когда заживетъ подъ одной кровлей съ сердечнымъ своимъ другомъ, Аграфеной Петровной.

Дни и ночи рукъ не покладаячи, Герасимъ Силычъ работалъ надъ устройствомъ Смолокуровскихъ дѣлъ. Они шли успѣшно: кусовыя и косныя, реюшки

и бударки, строенныя на пристани, бичева, ставныя сѣти, канаты и веревки, напряденныя весной и лѣтомъ, проданы были хоть не во время, хоть и по низкой цѣнѣ, но все-таки довольно выгодно. Лѣсъ, на пристани заготовленный на два года, былъ проданъ дороже, чѣмъ обошелся онъ Марку Данилычу. Приѣхалъ съ Унжи Никифоръ, хорошо уладивши тамошнія дѣла. За унженскія дачи въ свое время дешево Марко Данилычъ заплатилъ промотавшемуся ихъ барину. Не одинъ годъ вырубалъ онъ десятины по сотнѣ и сплавлилъ лѣсъ на пристани свою и нижегородскую, къ тому жъ и Корнѣй Евстигнѣичъ, будучи на Унжѣ, не клалъ охулки на руку, а все-таки Никифоръ Захарычъ, распродавши дачи по участкамъ, выручилъ денегъ больше, чѣмъ заплатилъ Марко Данилычъ при покупкѣ лѣса. Съ домомъ оставалось только развязаться, тогда бы и дѣло съ концомъ, но продать большой домъ въ маленькомъ городкѣ не лапотъ сплести. Изъ мѣстныхъ обывателей не было такого, кто бы могъ купить Смолокуровскій домъ, даже съ долгой разсрочкой платежа, а жители другихъ городовъ и въ помышленьи не держали покупать тотъ домъ, у каждаго въ своемъ мѣстѣ, отъ отцовъ и дѣдовъ дошедшая осѣдлость была—какъ же оставлять ее, какъ мѣнять вѣрное на невѣрное? Старымъ насиженнымъ мѣстомъ, русскій человѣкъ паче всего дорожить—не покинетъ онъ дома, гдѣ родились и самъ, и его родители, не оставить мѣста, гдѣ на погостѣ положены его дѣдушки, бабушки и другіе сродники. Внаймы Смолокуровскаго дома сдать было некому—у каждаго купца, у каждаго мѣщанина, хоть кривенькій домишка да есть,—у чиновныхъ людей, что покрупнѣе, были свои дома, а мелкая сошка перебивалась на маленькихъ квартиркахъ мѣщанскихъ домовъ—тѣсно тамъ, и холодно, и утарно, да дѣлать нечего—по одежкѣ протягивай

ножки. А главное дѣло въ томъ, что по всему городку ни у кого не было столько денегъ, чтобъ купить Смолокуровскій домъ, красу городка, застроеннаго ветхими деревянными домишками, ставленными безъ малаго столѣтъ тому назадъ по волѣ Екатерины, обратившей ничтожное селенье въ уѣздный городъ. Вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ, какъ тотъ городокъ ни разу до тла не выгоралъ—отъ того и строенье въ немъ обветшало.

Носились слухи по городу, что молодая наслѣдница Марка Данилыча для того распродаетъ все, что хочетъ уѣхать на житье за Волгу. Одни вѣрили, другіе не давали вѣры: «зачѣмъ, говорили они, такой молоденькой и богатой невѣстѣ забиваться въ лѣсную глушь. Тамъ и жениховъ то подходящихъ нѣтъ—одно мужичье: дровосѣки, да токари, красильщики, да валяльщики». Раннюю продажу лодокъ и прядильнаго товара тѣмъ объясняли, что неумѣлой дѣвушкѣ не подѣе стать такими дѣлами заниматься, но въ продажу дома никто и вѣрить не хотѣлъ. Повѣрили только къ Сергіеву дню, когда настали «капустки». Въ то время по всѣмъ городкамъ, по всѣмъ селеньямъ въ каждомъ домѣ на зиму капусту рубятъ, къ зажиточнымъ людямъ тогда вереницами дѣвки да молодки съ тѣпками подѣе мышками ¹⁾ собираются. А ребятишкамъ и числа нѣтъ, дѣла они не дѣлаютъ, зато до отвала наѣдаются капустными кочерыгами. Шумъ, визгъ, крикъ разносятся далеко, а дѣвицы съ молодцами, стоя за корытами, «матушку капустку» поютъ:

Я на камушкѣ сажу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородъ я горожу,
Ой люли, ой люли,
Изгородъ я горожу.

¹⁾ Тѣпка — малый, заостренный, круглый и острый заступъ, употребляемый при рубкѣ капусты.

Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Да кочаненькую.
Ой люли, ой люли,
Да кочаненькую.

У кого капусты нѣтъ—
Просимъ къ намъ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ.
Ой люли, ой люли,
Во дѣвичій хороводъ.

Пойдемъ дѣвки въ огородъ,
Что по бѣлую капустку
Да посладкій кочешокъ.
Ой люли, ой люли,
Да по сладкій кочешокъ.

А капустка-то у насъ
Уродилась хороша,
И туга, и крѣпка, и бѣлымъ бѣлешенька
Ой люли, ой люли,
И бѣлымъ бѣлешенька.

Кочерыжки—что твой медъ.
Бшьте, парни, кочерыжки—
Помните капустки.
Ой люли, ой люли,
Помните капустки.

Отъ чего же парней нѣтъ,
Ай зачѣмъ нѣтъ холостыхъ
У насъ на капусткахъ?
Ой люли, ой люли,
У насъ на капусткахъ?

Возгордились, взвеличались
Наши парни молодые,
Приступу къ нимъ нѣтъ.
Ой люли, ой люли,
Приступу къ нимъ нѣтъ.

А въ торгу да на базарѣ,
 По всѣмъ лавкамъ и прилавкамъ
 Не то про нихъ говорятъ.
 Ой люли, ой люли,
 Не то про нихъ говорятъ.

«Вздешевѣли, вздешевѣли
 Ваши добры молодцы,
 Вся цѣна имъ—кочешекъ.
 Ой люли, ой люли,
 Вся цѣна имъ кочешекъ.

Нонѣ девять молодцовъ
 За полденьги отдаютъ,
 И дешевле того.
 Ой люли, ой люли,
 И дешевле того.»

Тяпи, тяпи, тяпъ!...
 Тяпи, тяпи, тяпъ!...
 Ой капуста бѣлая,
 Кочерыжка сладкая!

Звонко разносится веселый напѣвъ капустной пѣсни старой, престарой. Еще съ той поры поется она на Руси, какъ предки наши познакомились съ капустой и съ родными щами. Подъ напѣвъ этой пѣсни каждую осень матери, бабушки и прабабушки нынѣшнихъ дѣвокъ и молодыхъ рубили капусту. Изъ всѣхъ домовъ далеко раздается нескончаемый стукъ тяпокъ, а въ Смолокуровскомъ такая тишь, что издали слышно какъ на дворѣ воробьи чирикаютъ. Бывало къ пристани Марка Данилыча лодокъ по десяти съ капустой приходило—надо было ее на зиму заготовить, достало бы на всѣхъ рабочихъ, а теперь Смолокуровскія лодки хоть и пришли, но капуста безъ остатка продана была на базарѣ. Тутъ только увѣрились горожане, что Смолокуровскія заведенія въ самомъ дѣлѣ закрываются и мо-

лодая хозяйка переселяется съ родины въ иное мѣсто.

Въ то время, какъ рубили капусту, подошелъ двадцатый день по смерти Марка Данилыча, и къ Дунѣ пріѣхалъ Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной и съ дѣтьми ея. Похожій на пустыню Смолокуровскій домъ огласился дѣтскими кликами, бѣготней и играми, и Дуня повеселѣла при своей сердечной Грунѣ. Въ полусорочины ¹⁾ Герасимъ Силычъ отправилъ въ домъ канонъ за единоумершаго, потомъ всѣ сходили на кладбище помолиться на могилкѣ усопшаго, а послѣ того въ работныхъ избахъ ставлены поминальные столы для рабочихъ и для нищей братіи, а кромѣ того всякій, кому была охота, невозбранно приходилъ поминать покойника. На другой же день поминовенья начались сборы въ путь дорогу. Одна Дарья Сергѣевна была недовольна рѣшеніемъ перѣѣхать за Волгу—сильна въ ней была привязанность къ дому, гдѣ она молодость скоротала и почти до старости дожила. Патапъ Максимычъ больше всего заботился, чтобы какъ-нибудь домъ сбыть съ рукъ. Узнавши, что присутственные мѣста въ городкѣ до того обветшали, что заниматься въ нихъ стало невозможно, онъ вступилъ въ переговоры съ начальствомъ, чтобы наняли Смолокуровскій домъ, ежели нѣтъ въ казнѣ денегъ на его покупку. Городничій рассчиталъ, что въ томъ домѣ, огнищъ помещенія присутственныхъ мѣстъ, можетъ быть и для него отдѣлана хорошая даровая квартира, и потому усердно сталъ хлопотать о наймѣ. Патапъ Максимычъ, будучи съ Дуней одинъ на одинъ, сказалъ ей про то.

— Знаете ли что я придумала?—выслушавъ Чапурина и немного помолчавши, сказала она.—Не надо бы

¹⁾ Полусорочины—двадцатый день послѣ смерти.

дома то продавать, лучше внаймы отдать на короткій срокъ, на годъ что ли, а не то и меньше.

— Что жъ это тебѣ вздумалось?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А помните, какъ мы разбирали тятенькинъ сундукъ и нашли бумагу про дядюшку Мокея Данилыча?—сказала Дуня.—Ежели, Богъ дастъ, освободится онъ изъ полону, этотъ домъ я ему отдамъ. И денегъ, сколько надо будетъ, дамъ. Пущай его живетъ да молится за упокой тятеньки.

— Добрая душа у тебя, добрая,—ласково улыбаясь, сказалъ ей Патапъ Максимычъ.—Значить, домъ внаймы отдавать только на годъ?

— Какъ ужъ тамъ разсудите,—отвѣчала Дуня.—А какъ думаете, скоро ли дядя вернется изъ полону?

— Не ближе лѣта. Поглядимъ, что оренбургскій гатаринъ напишетъ, а отвѣта отъ него до сихъ поръ еще нѣтъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Схожу ка я теперь къ городничему да потолкую съ нимъ о наймѣ дома на годъ. Да врядъ ли онъ согласится на такое короткое время,—дѣло же вѣдь не его, а казенное.

— Такъ вовсе не отдавать,—быстро промолвила Дуня.—Караульщиковъ можно нанять. Герасима Силыча попросить, не согласится ли онъ пожить здѣсь до дяди.

— Хорошо,—молвилъ Чапуринъ, но все таки пошелъ къ городничему.

Только что вышелъ онъ, вошла Аграфена Петровна.

— Съ пріѣзда не удавалось еще мнѣ поговорить съ тобой съ глазу на глазъ,—сказала она Дунѣ.—Все кто-нибудь помѣшаетъ: либо тятенька Патапъ Максимычъ, либо Герасимъ Силычъ, либо Дарія Сеѣвна,

а не то ребяташки мои снуютъ по всѣмъ горницамъ и къ тебѣ забѣгаютъ.

— Что жь? Пусть ихъ побѣгаютъ, здѣсь просторно играть имъ,—молвила Дуня.

И зорко поглядѣвши въ глаза пріятельницѣ, сказала:

— По глазамъ вижу, Груня, что хочется тебѣ что-то сказать мнѣ. Къ добру али къ худу будутъ рѣчи твои?

— Каково почтешь,—отвѣтила Аграфена Петровна, тоже улыбаясь.—По моему кажется бы къ добру, а впрочемъ, какъ разсудишь.

— Что жь такое?—немного смутившись, спросила Дуня. Догадывалась она, о чемъ хочетъ вести съ ней рѣчь пріятельница.

— Два раза видѣлась я съ нимъ у Колышкиныхъ,—сказала Аграфена Петровна.—Какъ за Волгу отсюда ѣхали да вотъ теперь, сюда ѣдучи. Съ дядей онъ покончилъ, двѣсти тысячъ чистоганомъ съ него выправилъ, въ Казани жить не хочетъ, а въ Нижнемъ присматриваетъ домикъ и думаетъ тутъ на хозяйство сѣсть.

— Что жь онъ?—вся потупившись, спросила Дуня.

— Ничего. Живъ, здоровъ,—отвѣчала Аграфена Петровна.—Про тебя вспоминалъ.

Ни слова Дуня.

— Тоже тоскуетъ, какъ и тогда у насъ въ Вихоревѣ,—немного помолчавъ, сказала Аграфена Петровна.—Тоскуетъ, плачетъ; смертная ему охота хоть бы глазкомъ поглядѣть на ту, что съ ума его свела, не знаетъ только, какъ подступиться... Боится.

— Такъ и сказалъ? — чуть слышно промолвила Дуня.

— Такъ и сказалъ,—отвѣтила Аграфена Петровна.—Терзается, убивается, даже рыдаетъ навзрыдъ. «Одинъ,

говорить, свѣтъ, одна улада мнѣ въ жизни была, и ту по глупости своей потерялъ.» Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, волосы даже рвалъ на себѣ... Да скажи ты мнѣ, Дуня, по истинной правдѣ, не бывало ль прежде у васъ съ нимъ разговоровъ о томъ, что ты ему по душѣ пришлась? Не сказывалъ ли онъ тебѣ про свои намѣренья?

— Нѣтъ, — отвѣтила Дуня, — ни онъ мнѣ, ни я ему словечка о томъ ни сказала. Онъ не заговаривалъ, такъ какъ же я то могла говорить? Мое дѣло дѣвичье. Тогда же была я такая еще, что путемъ и не понимала своихъ чувствъ. А когда узнала, что уѣхалъ онъ ко Фленушкѣ, закипѣло мое сердце, все во мнѣ замерло, но я все-таки затаила въ себѣ чувства, никому виду не подала, тебѣ даже не сказала, что у меня сталося на сердцѣ... А тутъ эта Марья Ивановна подвернулась. Хитрая она — сразу обо всемъ догадалась. Лукавыми словами завлекла она меня въ ихнюю вѣру, и я была тогда имъ такъ много обижена, такъ ненавидѣла его, всякаго зла и несчастья желала ему, отъ того больше и предалась душою фармазонской вѣрѣ. Когда жъ образумилась и познала ихніе ложь и обманы, тогда чаще и чаще онъ сталъ вспоминаться мнѣ. Голосъ его даже слыхала, призракъ его видѣла. И съ той поры стала сердцемъ по немъ сокрушаться, жалѣть ¹⁾ его...

— И онъ тебя жалѣетъ, и онъ по тебѣ сокрушается, — тихонько молвила Аграфена Петровна. — Съ того времени сокрушается, какъ лѣтошній годъ уѣхалъ въ скиты. Такъ говорилъ онъ въ послѣднее наше свиданье и до того такія же рѣчи не разъ мнѣ говаривалъ... Свидѣться бы вамъ да потолковать межъ собой.

¹⁾ Жалѣть — въ простонародьи любить.

— Нѣтъ! Какъ можно!—покраснѣвши вся, молвила Дуня.—Не бросаться же къ нему на шею.

— Вѣстимо на шею не бросаться, а не мѣшаетъ самой тебѣ узнать, какъ онъ по тебѣ сокрушается, особенно теперь, какъ ты осиротѣла... Какъ говоритъ, теперь она устроится? Безпомощная, беззащитная, — сказала Аграфена Петровна.

Задумалась Дуня. Послѣ недолгаго молчанья Аграфена Петровна сказала ей:

— Теперь онъ чуть не каждый день у Колышкиныхъ Приѣдемъ въ городъ, увидишься съ нимъ. Поговори поласковѣй. Сдается мнѣ, что дѣло кончится добромъ.

Не отвѣтила Дуня, но съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ не сходилъ у нея съ ума. И все-то представлялся онъ ей такимъ скорбнымъ, печальнымъ и плачущимъ, какимъ видѣла его въ грезахъ въ Луповицкомъ палисадникѣ. Раздумываетъ она, какъ-то встрѣтится съ нимъ, какъ-то онъ заговоритъ, что надо будетъ ей отвѣчать ему. Съ ненавистью вспоминаетъ Марью Ивановну, что воспользовалась душевной ея тревогой и, увлекши въ свою вѣру, разлучила съ нимъ на долгое время. Про Фленушку и про поѣздку Самоквасова въ Комаровъ и помина нѣтъ.

Пришелъ Покровъ дѣвкамъ головы крыть¹⁾ — наступило первое зазимье, конецъ хоровамъ, починъ вечернимъ посидѣлкамъ. Патапъ Максимычъ уладилъ всѣ дѣла — караульщики были наняты, а Герасимъ Силычъ согласился домовничать. Черезъ недолгое время

¹⁾ Съ Покрова (4-го октября) начинаются по деревнямъ свадьбы. Послѣ вѣнчанья молодой расчесываютъ косу и кроютъ голову повойникомъ.

послѣ Покрова пришли сорочины. Справивши ихъ, Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, съ Дуней и Дарьей Сергѣевной поѣхали за Волгу. На перепутьѣ остановились у Колышкиныхъ.

И Сергѣй Андреичъ, и Марѳа Михайловна рады были знакомству съ Дуней, приняли ее съ задушевнымъ радушьемъ и не знали, какъ угодить ей. Особенно ласкова была съ ней Марѳа Михайловна — сиротство молодой дѣвушки внушало ей теплое, сердечное въ ней участие. Не заставилъ долго ждать себя и Петръ Степанычъ.

Вошелъ онъ въ комнату, гдѣ сидѣли и гости и, хозяева. Со всѣми поздоровавшись, низко поклонился онъ Дунѣ и весь поблѣднѣлъ. Самъ ни словечка, стоитъ передъ нею, какъ вкопанный. Дуня слегка ему поклонилась и зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Постоялъ передъ ней Самоквасовъ, робко, скорбно и страстно поглядѣлъ на нее, потомъ отошелъ въ сторону и вступилъ въ общій разговоръ. Аграфена Петровна улучила минуту и прошептала ему нѣсколько словъ. Немного погодя, — сказала она Дунѣ:

— Пойдемъ въ тѣ комнаты, надо мнѣ на рябтокъ моихъ посмотрѣть, не расшалились ли; да и спать ужъ пора ихъ укладывать.

Медленно встала Дуня и пошла за подругой. Посмотрѣли они на дѣтей; тѣ играли съ дѣтьми Колышкина и держали себя хорошо. Послѣ того Аграфена Петровна пошла съ Дуней въ гостиную. Сѣли онѣ тамъ.

— Ну что? — спросила едва слышно Аграфена Петровна.

Не отвѣчала Дуня.

— Что жъ молчишь? говори!

— Жалкимъ такимъ онъ мнѣ показался, — немного помедливши, проговорила Дуня.

— Чѣмъ же жалокъ то? — съ улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Такъ,—пальцами перебирая оборку платья, тихонько отвѣтила Дуня.

— А ты путемъ говори,—воскликнула Аграфена Петровна.—Мы вѣдь здѣсь однѣ, никто не услышитъ.

— Жалкій такой онъ, тоскливый...—промолвила Дуня.

— По тебѣ тоскуетъ, отъ того и жалокъ, — сказала Аграфена Петровна.

Въ это самое время робкими, неровными шагами вошелъ въ гостиную Петръ Степанычъ и сталъ у при-
толки. Назадъ идти не хочется, подойти смѣлости нѣтъ.

— Подите ка сюда, Петръ Степанычъ, подойдите къ намъ поближе,—улыбнувшись весело, молвила ему Аграфена Петровна.

Тихой поступью подошелъ къ ней Самоквасовъ.

— Винитесь въ чемъ согрѣшили, — сказала Аграфена Петровна.

— Глазъ не смѣю поднять...—задышающимся, дрожащимъ голосомъ промолвилъ Самоквасовъ.—Глупость была моя и теперь долженъ за нее вѣкъ свой мучиться да каяться.

— Что жъ такое вы сдѣлали?.. Я что-то не помню,—вся разгорѣвшись промолвила Дуня.

— А уѣхалъ то тогда. Въ прошломъ то году... Не сказавшись, не простившись уѣхалъ...—сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что жъ? Вы человѣкъ вольный, гдѣ хотите, тамъ и живете, куда вздумали, туда и поѣхали, никто васъ не держитъ,—проговорила Дуня.—Я вовсе на васъ не сердилась, и ужъ довольно времени прошло, когда мнѣ сказали о вашемъ отъѣздѣ; а то и не знала я, что вы уѣхали. Да и съ какой стати стала бы я сердиться на васъ?

— Авдотья Марковна, Авдотья Марковна! Раздираете вы душу мою!—вскликнул Самоквасовъ.—Самъ теперь не знаю, радоваться вашимъ словамъ, иль навѣки отчаяться въ счастья и радости.

Дуня сгорѣла вся, не можетъ ничего сказать въ отвѣтъ Петру Степанычу. Но потомъ эти слова его во всю жизнь забыть не могла.

Немного оправясь отъ смущенья, повела она рѣчь о постороннемъ.

— Что вашъ раздѣлъ?—спросила она.

— Покончилъ, судомъ порѣшили насъ, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Прежде невеликую часть изъ дѣдушкина капитала у дяди просилъ я, а онъ заартачился, не хотѣлъ и мѣдной полушки давать. Дѣлать нечего—я къ суду. И присудили мнѣ цѣлую половину всего имѣнья—двѣсти тысячъ чистыми получилъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ Казани—не жить бы только съ дядей въ одномъ городѣ. Здѣсь рѣшился домикъ себѣ купить и какимъ-нибудь дѣломъ заняться. А не найду здѣсь счастья, въ Москву уѣду, либо въ Питеръ, а не то и дальше куда-нибудь... Двухъ сотъ тысячъ на жизнь хватитъ, а жить мнѣ недолго. Безъ счастья на свѣтѣ я не жилецъ.

— Ну, будетъ вамъ, Петръ Степанычъ, — сказала Аграфена Петровна. — Мировую сейчасъ, хоть ссоры межъ вами и не было. Такъ ли, Дунюшка!

— Какая же ссора!—молвила Дуня, обращаясь къ подругѣ. — И въ прошломъ году, и до сихъ поръ я Петра Степаныча вовсе почти и не знала; ни я передъ нимъ, ни онъ передо мной ни въ чемъ не виноваты. Въ Комаровъ отъ уѣхали вы тогда, такъ мнѣ то какое дѣло было до того? Петръ Степанычъ вольный казакъ—куда воля тянетъ, туда ему и дорога.

— Ну, будетъ, пойдемте, не то придетъ сюда кто-нибудь, — сказала Аграфена Петровна. — Ступайте прежде вы, Петръ Степанычъ, мы за вами.

Послушно, ни слова не сказавши, вышелъ Самоквасовъ. Когда ушелъ онъ, Аграфена Петровна тихонько сказала Дунѣ:

— На первый разъ пока довольно. А примѣтила ль ты, какой онъ робкій былъ передъ тобой, — молвила Аграфена Петровна. — Тебѣ словечка о томъ не промолвилъ, а мнѣ на этомъ мѣстѣ говорилъ, что ежели ты его оттолкнешь, такъ онъ на себя руки наложитъ. Помни это, Дунюшка... Ежели онъ надъ собой въ самомъ дѣлѣ что-нибудь сдѣлаетъ, это всю твою жизнь будетъ камнемъ лежать на душѣ твоей... А любить тебя, сама видишь, что любить. Однакожъ пойдемъ.

И пошли изъ гостиной въ столовую, гдѣ и хозяева, и гости сидѣли.

Патапъ Максимычъ дня четыре прожилъ у Колышкиныхъ, и каждый день съ утра до ночи тутъ бывалъ Самоквасовъ. Дуня поменьку стала съ нимъ разговаривать и онъ пересталъ робѣть. Зорко поглядывала на нихъ Аграфена Петровна и нарадоваться не могла, замѣтивъ однажды, что Дуня съ Петромъ Степанычемъ шутятъ и чему-то смѣются.

Передъ отъѣздомъ Аграфена Петровна сказала Самоквасову, чтобы день черезъ десять пріѣзжалъ онъ къ ней въ Вихорево.

Переправляясь черезъ Волгу, всѣ поѣхали къ Грунѣ въ Вихорево. Эта деревня ближе была къ городу, чѣмъ Осиповка. Патапъ Максимычъ не успѣлъ еще прибрать, какъ слѣдуетъ, для Дуни комнаты, потому и поторопился уѣхать домой съ Дарьей Сергѣвной. По совѣту ея и убрали комнату. Хотѣлось Патапу Максимычу, чтобы богатая наслѣдница Смолокурова жила у него, какъ можно лучше; для того и нанялъ плотни-

ковъ строить на усадѣ особенный домъ. Онъ долженъ былъ поспѣть къ Рождеству.

Не заставилъ себя ждать Петръ Степанычъ, на десятый день, какъ назначила ему Аграфена Петровна, онъ какъ снѣгъ на голову. Дуня была довольна его прїѣздомъ, хоть ничѣмъ того и не выказала. Но отъ Груни не укрылись ни ея радость, ни ея оживленье.

— Рада гостю?—спросила она Дуню вечеромъ, когда осталась вдвоемъ съ ней.

Дуня поалѣла, но ничего не отвѣтила.

— По глазамъ вижу, что радехонька. Меня не проведешь, — улыбаясь и пристально глядя на Дуню, сказала Аграфена Петровна.

— По мнѣ все одно, — молвила Дуня, облегчивъ трепетавшую грудь глубокимъ вздохомъ.

— Разводи бобы-то! Точно я двухлѣтній ребенокъ, ничего не вижу, ничего не понимаю, — съ усмѣшкой сказала Аграфена Петровна. — Лучше вотъ что скажи — неужто у тебя еще не вышли изъ памяти Луповицы, неужели въ самомъ дѣлѣ обрекла ты себя на дѣвичество?

— Про Луповицы не хочу и вспоминать. Еслибъ можно было совсѣмъ позабыть ихъ, была бы тому радехонька, — съ живостью вскрикнула Дуня.

— Только замужемъ совсѣмъ про нихъ забудешь, — сказала Аграфена Петровна.

— Это почему?—спросила Дуня.

— Да ужъ такъ, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Не тѣмъ будетъ голова занята. Думы о мужѣ, заботы о дѣтяхъ, домашнія хлопоты по хозяйству изведутъ вонъ изъ памяти воспоминанья о Луповицахъ. И не вспомнишь про тамошнихъ людей. А замужъ тебѣ пора. Теперь то возьми: теперь у тебя большіе достатки, какъ ты съ ними справишься? Правда, тятенька Патапъ Максимычъ вступился въ твое сиротство, но

все жъ онъ тебѣ чужанинъ, а сродниковъ нѣтъ у тебя ни души: да тятенька и въ отлучкахъ часто бываетъ, и лѣта его ужъ такія, что сохрани Богъ, отъ слова не сдѣлается — и съ нимъ то же можетъ приключиться, что съ твоимъ покойникомъ. На дядю надѣнешься? Такъ выйдетъ ли онъ изъ полону, нѣтъ ли, одному Богу извѣстно. А ежели и выйдетъ, что за дѣлецъ будетъ? Столько годовъ проживши въ рабствѣ у бурсурманъ, не то что отъ нашихъ дѣлъ отсталъ, а пожалуй и по-русски то говорить разучился. Къ тому жъ и онъ ужъ человѣкъ не молодой, и къ нему старость подошла. Онъ же не только тебя никогда не видывалъ, а даже не знаетъ, что и на свѣтѣ-то ты есть. Какъ ему сберечь твое добро, не зная русскихъ порядковъ! Правду-ль я говорю?

— Конечно, правду, — поникнувъ разгорѣвшимся личикомъ, сказала Дуня.

— Иное дѣло — замужество, — продолжала Аграфена Петровна. — Хоть худъ муженецъ, да за мужниной головой не будешь сиротой; жена мужу всего на свѣтѣ дороже.

Не отвѣчала Дуня, крѣпко призадумалась надъ рѣчами друга сердечнаго и противнаго слова не могла ей сказать.

— А что, Дунюшка, пошла бы ты за Петра Степаныча, еслибъ онъ къ тебѣ присватался? — спросила вдругъ у ней Аграфена Петровна.

Слезы выступили у Дуни.

— Не знаю, — она молвила.

— Его-то знаешь, — подхватила Аграфена Петровна. И то знаешь, что онъ по тебѣ безъ ума. Самъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ и просилъ меня поговорить съ тобой на счетъ этого... Самъ не смѣетъ. Прежде былъ отважный, удалой, а теперь тише забитаго ребенка.

Молчала Дуня, но Аграфена Петровна попрежнему приставала къ ней.

— Скажи, Дунюшка, скажи, моя милая. Ежели хочешь, словечка ему не вымолвлю. Пошла бы ты за него али нѣтъ?

По-прежнему Дуня ни слова.

— Не Сіонская ли горница тревожитъ тебя?... Не объ ней ли воспоминаешь! Не хочешь ли сдержать обѣщаніе вѣчнаго дѣвчества, что обманомъ взяли съ тебя?—сказала Аграфена Петровна.

Встрепенулась Дуня при этихъ словахъ

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскрикнула она.—Не поминай ты мнѣ про ихъ, не мути моего сердца. Богомъ прошу тебя... Они жизнь мою отравили, имъ, какъ теперь вижу, хотѣлось только деньгами моими завладѣть, все къ тому было ведено. У нихъ вѣдь что большія деньги, что малыя, все идетъ въ корабль.

— Да не въ томъ дѣло,—прервала ее Аграфена Петровна.—Пошла ли бы ты за Петра Степаныча? Вотъ о чемъ я тебя спрашиваю... Пожалѣй ты его... Онъ, бѣдняжка, теперь самъ не свой, отъ хлѣба даже отбился. Мученикъ, какъ есть мученикъ... Что жъ ты скажешь мнѣ?... Пошла бы?

Крѣпко прижалась Дуня лицомъ къ плечу подруги и чуть слышно прошептала ей:

— Что жъ нейти, коли есть на то воля Божія...

И сказавши громко зарыдала.

— Такъ я скажу ему. — Поскорѣй бы ужъ дѣлу конецъ... Что томить его понапрасну?—молвила Аграфена Петровна.

— Ахъ, нѣтъ, Груня, не говори, — вскрикнула Дуня.—Какъ это можно?

— Ежели станемъ молчать, ни до чего не домолчимся, — сказала Аграфена Петровна. — Непремѣнно

надо вамъ переговорить другъ съ другомъ, а тамъ — что будетъ Богу угодно.

— Ахъ, нѣтъ!... Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! У меня и словъ не останется, — вскрикнула Дуня.

— Такъ инъ вотъ что сдѣлаемъ, — сказала Аграфена Петровна... Такъ и быть, хоть я еще и молода, пойду въ свахи. Потолкую съ нимъ, а потомъ, и съ тобою слажу. Ладно ли будетъ?...

— Не знаю Дѣлай какъ лучше, — чуть слышно прошептала Дуня.

И всю ночь послѣ того глазъ не могла сомкнуть она, думы такъ и путались у ней на умѣ. А думы тѣ были все объ одномъ Петрѣ Степанычѣ, думы ясныя и свѣтлыя. Тутъ вполнѣ сознала Дуня, что она полюбила Самоквасова.

Заснула только подъ утро и во снѣ ей видѣлся только онъ одинъ.

Утромъ Аграфена Петровна передала Петру Степанычу, что Дуня не прочь за него идти. Онъ такъ обрадовался, что въ ноги молодой свахѣ поклонился, а потомъ заметался по горницѣ.

— Такъ и быть, сведу васъ, — сказала Аграфена Петровна, — только много съ ней не говорить и долго не оставаться. Вѣдь это не Фленушка. Робка моя Дуня и стыдлива. Испортите дѣло — пеняйте на себя. Сама при васъ буду — меня во всемъ извольте слушаться; скажу: «довольно» — уходите, скажу: «не говорите» — молчите.

Вечеромъ, когда Дуня съ Аграфеной Петровной сидѣли вдвоемъ, вошелъ къ нимъ Петръ Степанычъ. Не издавши цѣлый день Дуни, онъ низко ей поклонился, а она отвѣтила едва замѣтнымъ поклономъ.

Всѣ трое молчали

— Я, Петръ Степанычъ, по вашей просьбѣ, говорила съ Дуней насчетъ вашихъ намѣреній, — начала

Аграфена Петровна.—Вотъ она сама на лицо, извольте спрашивать, какъ она думаетъ.

Неровной, медленной поступью подошелъ Самоквасовъ къ Дунѣ. Хочетъ что-то сказать, да слова съ языка не сходятъ. Самъ на себя дивится Петръ Степанычъ—никогда этого съ нимъ не бывало. Нѣтъ видно здѣсь не Каменный Вражекъ, не Комаровскій перелѣсокъ.

— Да говорите же, —вскликнула съ нетерпѣньемъ Аграфена Петровна.

Оправившись отъ смущенья, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, склонивъ передъ Дуней голову, сказалъ онъ:

— Ежели не противенъ... не откажите... явите Божескую милость... Богомъ клянусь — мужемъ добрымъ буду, вѣрнымъ, хорошимъ.

У Дуни въ глазахъ помутилось, лицо вспыхнуло пламенемъ, губы судорожно задражали, а дѣвственная грудь высоко и грепетно стала подниматься, потомъ слезы хлынули изъ очей. Ни слова въ отвѣтъ она не сказала.

— Согласны ль будете выйти, Авдотья Марковна, за меня? — спустя немного промолвилъ Петръ Степанычъ.

Дуня черезъ силу прошептала:

— Да.

— Ну и слава Богу, —радостно вскликнула Аграфена Петровна. Домолчались до добраго слова!... Теперь, Петръ Степанычъ, извольте въ свое мѣсто идти, а я съ вашей невѣстой останусь. Видите, какая она—надо ей успоиться.

— На одну минутку, не помня себя отъ восторга, —вскликнулъ Самоквасовъ и вынулъ изъ кармана дорогое кольцо.—Такъ какъ васъ, Авдотья Марковна, Аграфена Петровна сейчасъ назвала моей невѣстой, и какъ

самъ я теперь васъ за невѣсту свою почитаю, то нижайше прошу принять этотъ подарочекъ.

Дуня не брала кольца.

— Возьми, Дунюшка, — молвила Аграфена Петровна. — Такъ водится.

Нерѣшительно и робко протянула Дуня руку. Петръ Степанычъ положилъ въ нее подарокъ.

— Теперь ступайте съ Богомъ, Петръ Степанычъ, оставьте насъ, — промолвила Аграфена Петровна.

Самоквасовъ молча повиновался.

На другой день рано поутру Аграфена Петровна послала нарочнаго съ письмомъ къ Патапу Максимычу. Она просила его, какъ можно скорѣй, пріѣхать въ Вихорево. Чапуринъ не заставилъ себя долго ждать — въ тотъ же день поздно вечеромъ сидѣлъ онъ съ Груней въ ея горницѣ.

— Что случилось? Зачѣмъ наспѣхъ меня требовала? — спрашивалъ онъ.

— Худаго, слава Богу, не случилось, а хорошенкаго довольно, — отвѣтила Груня. — Такъ какъ ты, тятенька, теперь и защитникъ, и покровитель сиротки нашей, почитаешь ее за дочку, такъ и позвала тебя на важный совѣтъ. Самой одной съ такимъ дѣломъ мнѣ не справиться, потому и послала за тобой.

— Въ чемъ дѣло-то? — спросилъ Чапуринъ. Что ты нешь? Скорѣй да прямѣй говори.

— Видишь ли, тятенька, дней пять тому назадъ пріѣхалъ къ намъ въ гости Самоквасовъ Петръ Степанычъ, — молвила Аграфена Петровна. — Дуня крѣпко ему приглянулась.

— Это я еще у Колышкиныхъ примѣтилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Еще что?

— А еще то, что вѣчоръ Дуня согласилась замужъ идти за него, — сказала Аграфена Петровна. — Покамѣстъ, объ этомъ мы только трое знаемъ: женихъ съ невѣстой да я. — Что ты на это скажешь?

— Что сказать-то? Дѣло доброе, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Дѣвица она умная, по всему хорошая, и его изъ хорошихъ людей не выкинешь. Заживутъ, Богъ дастъ, припѣваючи. Помнишь, я еще тогда, какъ только померъ Марко Данилычъ, говорилъ, что при ея положеніи надо ей скорѣе замужъ идти. Вѣдь одна, какъ перстъ.. Доброе дѣло затѣяно у васъ, доброе... Былъ онъ прежде забубеннымъ вѣтрогономъ, проказилъ на всѣ руки, теперь перемѣнился, чело-вѣка узнать нельзя. А какъ женится, еще лучше будетъ. Присватался бы какой-нибудь негодный парень къ Дунину миллиону, ну и мучься она съ нимъ до гробовой доски. Что тутъ хорошаго то? А пожалуй, и такой бы хахаль навернулся, что обобралъ бы ее до ниточки да и бросилъ; какъ вонъ Алешка Лохматый Марью Гавриловну обобралъ да бросилъ. Этотъ женится не на деньгахъ — у него двѣсти тысячъ въ карманѣ. Нѣтъ, вашего дѣла охаять нельзя, хорошее, очень даже хорошее дѣло. Одобряю.

— Ты съ ней, тятенька, покуда объ этомъ не говори, — сказала Аграфена Петровна. — Не вдругъ, значить, начинай. Она такая вѣдь пугливая да робкая. Нельзя покамѣстъ съ ней много говорить на счетъ этого. Скажу тебѣ, когда можно будетъ.

— А съ нимъ? — спросилъ Чапуринъ.

— Съ нимъ отчего жъ не поговорить, — отвѣчала Аграфена Петровна, — только бы она не знала объ этомъ. Съ недѣлку, пожалуй надо будетъ обождать, покамѣстъ они привыкнутъ другъ къ другу.

— А вѣдь я было на усадѣ хотѣлъ особый домъ

для нея ставить; теперь, значить не нужно?—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Когда свадьба-то?

— Объ этомъ не заводили еще рѣчей, да признаться и некогда было, — отвѣчала Аграфена Петровна. — А помоему бы такъ: до Филипповокъ съ приданымъ да съ тѣмъ и другимъ не управиться намъ; хотъ бы тотчасъ послѣ Крещенья свадьбу сыграть. Тѣмъ временемъ Степанычъ домъ купить и уберетъ его, какъ надобно. Это время Дуня у меня бы, аль у тебя погостила. А вѣнчаться имъ въ городѣ и лучше бы всего въ единовѣрческой, тамошній-то вѣнецъ покрѣпче сидитъ на головѣ. Опять же Петръ Степанычъ самъ говорилъ мнѣ, что при ихъ достаткахъ, ежели повѣнчаются они у проѣзжающаго священника, того и гляди доносы пойдутъ да суды. Съ Дуней объ этомъ я еще не говорила, а думаю, что и она будетъ не прочь обвѣнчаться въ единовѣрческой.

— И распрекрасное дѣло, — сказалъ Чапуринъ. — Что тамъ ни говори попы наши да скитскія келейницы, какъ ни расписывай они свою правоту, а правда-то на той сторонѣ, не на нашей.

Было ужъ поздно, наступала полночь, яркими, мерцающими звѣздами было усѣяно темносинее небо. Простившись съ Груней, Патапъ Максимычъ изъ душныхъ горницъ пошелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Видитъ — возлѣ дома Ивана Григорьевича сидитъ человѣкъ на завалинкѣ. Высоко онъ держитъ голову и глядитъ на небесные свѣточы. Поближе подошелъ къ нему Патапъ Максимычъ и узналъ Самоквасова.

— Наше вамъ почтеніе, — слегка приподнимая картузъ, сказалъ Чапуринъ.

— Ахъ здравствуйте!... здравствуйте, Патапъ Максимычъ, — вскочивъ съ завалины, съ живостью вос-

кликнулъ Самоквасовъ. — Слышалъ, слышалъ я о вашемъ пріѣздѣ, только свидѣться не удалось пока.

— У Груни я посидѣлъ, — отвѣтилъ Чапуринъ, — а теперь вышелъ на сонъ грядущій вольнымъ воздухомъ подышать. А вы здѣсь какими судьбами?

— Да вотъ вздумалось у Аграфены Петровны погостить, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Ивана-то Григорьича дома нѣтъ, а я не зналъ о томъ. Да наша хозяйшка такая ласковая, привѣтливая, хлѣбосольная, какъ и самъ Иванъ Григорьичъ.

— Дѣла что ли какія до него? — спросилъ Чапуринъ.

— Особенныхъ пока не заводилось. А кой о чемъ надо посовѣтоваться. Вотъ я и пріѣхалъ, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Валенымъ товаромъ что ли заняться? — съ усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Валенымъ товаромъ торговать я не стану, а надо же чѣмъ нибудь заняться, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Такъ ко мнѣ бы пріѣхалъ. Побольше Ивана Григорьича видовъ мы видали: по какой хочешь торговлѣ смыслимъ больше его, — сказалъ Чапуринъ.

— Къ вамъ-то я не посмѣлъ, — отозвался Самоквасовъ.

— А ты пустяковъ не плети, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сейчасъ съ Груней говорилъ и знаю, зачѣмъ ты пріѣхалъ. Не къ ней пожаловалъ и не къ Ивану Григорьичу, а къ кому-то другому.

— Какъ къ другому? — спросилъ смущенный Самоквасовъ.

— Невѣсту высватать пріѣхалъ. Что-жъ? Невѣста хорошая, — съ ясной улыбкой промолвилъ Чапуринъ. — Мало такихъ на свѣтѣ.

Примолкъ Петръ Степанычъ, молчалъ и Патапъ Максимычъ. Спустя немного времени, Чапуринъ сказалъ:

— Чего таиться-то? Дѣло задумано нехудое. Грунѣ я такъ и говорилъ: она вѣдь мнѣ все рассказала.

— Ежели Аграфена Петровна вамъ рассказала, такъ мнѣ таиться не приходится. Да, Патапъ Максимычъ, сдается мнѣ, что попалъ я на добрую стезю.

— Справедливо. Дай Богъ совѣтъ да любовь, а при нихъ и счастье приведетъ,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Какъ на счетъ свадьбы располагаешь? Когда думаете дѣломъ то совсѣмъ покончить?

— Хотѣлось бы тотчасъ послѣ Крещенья, только не знаю, управимся ли,—отвѣчалъ Петръ Степанычъ.— Домикъ въ городѣ присмотрѣлъ, надо купить его да убрать, какъ слѣдуетъ, запасы по хозяйству тоже надо сдѣлать, прислугу нанять, лошадей завести, экипажи купить. Мало ль сколько дѣла, а на все время требуется.

— Свадьбу-то гдѣ думаете играть? — помолчавъ немного, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ городѣ. Стану Сергѣя Андреича и Марѳу Михайловну просить, чтобъ они изъ своего дома нѣвѣсту къ вѣнцу отпустили,—сказалъ Петръ Степанычъ.

— Та-а-къ, — протянулъ Патапъ Максимычъ. — Ладно придумано, лучше не надо. Завтра поутру надо будетъ мнѣ съ Груней покалякать, а потомъ повидать нѣвѣсту. Хоть не родная, а все-таки не чужая. Долго ль здѣсь располагаешь прожить?

— Надо будетъ Ивана Григорьича дождаться,—отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Что ждать-то его? Не скоро воротится, до самаго Николы можетъ проѣздить, а тѣмъ временемъ дѣло-то у тебя будетъ ни взадъ, ни впередъ,—сказалъ Чапуринъ. По моему бы вотъ какъ: помилуйся денька три—четыре съ нѣвѣстой, да и поѣзжай за дѣла приниматься. Скучно станетъ, сюда дорога не запада, опять же и близко — хоть каждое воскресенье къ нѣвѣстѣ

пріѣзжай. Таковъ мой совѣтъ. Опять же и то надо сказать, что въ добрыхъ людяхъ не водится, чтобы женихъ съ невѣстой долго подъ одной кровлей жили. Видѣться, хотъ каждый Божій день видайтесь, а жить въ домѣ не приходится. Осудятъ, а попадешь кумушкамъ на язычекъ, того наплетутъ, что тошно станетъ и слушать-то.

Тяжело вздохнулъ Самоквасовъ, но согласился съ Патапомъ Максимычемъ. А ужъ какъ бы не хотѣлось ему разлучаться съ невѣстой. Весь бы день съ утра до вечера сидѣлъ съ ней да любовался на ея голубые глаза, стройный станъ и дѣвственные перси.

— Однако, парень, не пора ли спать? Пойдемъ-ка, другъ, опочивъ, держать, — сказалъ Чапуринъ, отходя къ воротамъ. Самоквасовъ слѣдомъ за нимъ пошелъ.

На другой день Патапъ Максимычъ долго бесѣдовалъ съ Аграфеной Петровной. Обо всемъ переговорили на счетъ Дуниной свадьбы. Груня согласилась на все, кромѣ одного только.

— Какъ это можно отпускать подъ вѣнецъ невѣсту отъ Сергѣя Андреича? — сказала она. — Конечно домъ у него большой, а все таки всѣмъ намъ не помѣститься. Смекни-ка, сколько на свадьбу-то найдетъ гостей. Стѣснимъ только Сергѣя Андреича.

— Какъ же быть-то? — въ раздумьи спросилъ Патапъ Максимычъ. — Ты вѣдь у меня разумница, скажи, какъ по-твоему это дѣло поглаже обладить.

— По моему, вотъ бы какъ, — отвѣтила Аграфена Петровна: — нанять въ городѣ большую, просторную квартиру на мѣсяцъ либо на два, и передъ свадьбой туда всѣмъ переѣхать. Оттуда отпустимъ и невѣсту.

— Ладно то оно ладно, — покачивая головой, сказалъ Чапуринъ. — Только по скорости врядъ ли такую квартиру найдешь. Да и сдерутъ же за нее.

— На счетъ денегъ нечего думать. Дуня за все

заплатить, — сказала Аграфена Петровна. — А ежели подходящей квартиры въ городѣ не найдется, въ гостиницѣ остановимся. Только заранѣе надо нанять, сколько надо, горницъ.

— И то правда, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь какъ на счетъ приданого?

— О приданомъ еще не говорила я съ Дуней, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Одна себѣ обсудила.

— Какъ же рѣшила ты, разумница? Это дѣло бабье, я тутъ ни при чемъ. Ни совѣтывать, ни отсовѣтывать не смогу, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Я вотъ какъ придумала, — молвила Аграфена Петровна: — вѣдь Дуня станетъ ходить по-городскому, по этому и я тутъ ни при чемъ; надо будетъ Марѳу Михайловну попросить, она въ этомъ знаетъ толкъ. Съѣзжу къ ней, попрошу, авось не откажетъ.

— Не откажетъ, объ этомъ нечего и говорить. Что только сумѣетъ, все сдѣлаетъ, — сказалъ Чапуринъ. — Она добрая, услужливая.

— Да особенныхъ-то хлопотъ, кажется, ей и не будетъ, — сказала Аграфена Петровна. — Вонъ у меня въ кладовой Дунины сундуки стоятъ, ломаются отъ приданого, что покойникъ Марко Данилычъ ей заготовилъ. Какъ собирались мы сюда, пособляла я укладываться. Чего только тамъ нѣтъ — бѣлья носильнаго и столоваго видимо невидимо, и все-то новенькое, ни разу ненадѣванное; три шубы чернобурой лисы, одну только что привезъ покойникъ съ ярманки; серебра пуда три, коли не больше, а шелковыхъ да шерстяныхъ матерій на платья — цѣлая пропасть... Бриллиантовъ также множество и другихъ разныхъ дорогихъ вещей. Марѳу Михайловну не очень затруднить приданое, потому и хочу просить ее

— Что жъ? дѣло хорошее, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Съѣди въ самомъ дѣлѣ, попроси. И отъ

меня попроси, она самымъ лучшимъ порядкомъ уладить все... Да что невѣста не кажется?.. Неужто до сей поры нѣжить въ постели бѣлое тѣло свое?

— Въ свѣтелкѣ наверху сидитъ. Сейчасъ кликну ее. Сама еще не видала сегодня ея,—сказала Аграфена Петровна, выходя изъ горницы.—Только будь ты съ ней, тятенька, осторожнѣй да опасливѣй, шуточки то не больно распускай. Она такая стыдливая, совѣстливая. И съ женихомъ даже стыдится словомъ перекинуться. Говорила я ей, что такъ нельзя—не слушается.

«Прыгаетъ видно дѣвка по козѣму, а какъ косу-то подъ повойникъ подберутъ, станетъ ходить сѣрой утицей, подумалъ Чапуринъ, когда вышла изъ горницы Аграфена Петровна. — Дѣвичьихъ прихотей не перечесть, и на дѣвкинъ норовъ нѣтъ угодника и не бывало».

Скоро воротилась Аграфена Петровна, а вмѣстѣ съ ней и Дуня пришла. Была она до крайности взволнована, лицо алымъ румянцемъ подернулось, отъ усиленнаго перерывчатаго дыханья высоко поднимались дѣвственныя ея груди. Съ потупленными взорами, несмѣлой поступью подошла она къ названному отцу и смутилась, ровно грѣхъ какой совершила, либо постыдный поступокъ.

— Здравствуй, дочка, подходи ближе,—весело и привѣтливо сказалъ, увидавши ее, Чапуринъ.

Подошла Дуня, поздоровалась съ нимъ.

— Сядь-ка рядкомъ, покалякаемъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ, указывая на стоявшій возлѣ стулъ.

Ни слова не молвивъ, Дуня сѣла возлѣ названнаго отца.

— Каково поживаешь? Не соскучилась ли? — немного помедливши, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ,—тихонько отвѣтила Дуня.

— Ну, и слава Богу. Это лучше всего. А ко мнѣ въ Осиповку когда сберешься?—спросилъ Чапуринъ.

— Не знаю, прошептала она.—Вотъ какъ Груня.

— А я было у себя на усадѣ домикъ для твоего житья хотѣлъ ставить, чтобы значить жить тебѣ на своей полной волѣ, отдѣльно отъ моей семьи. Да чуть ли не опоздалъ,—съ ласковой улыбкой проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Покорно благодарю васъ за ваши попеченія, тихо молвила Дуня.

— Какія тутъ благодарности?.. Что между нами за счеты?—вскликнулъ Патапъ Максимычъ.—Доброй волей, безъ твоей просьбы привелось мнѣ взять попечение о тебѣ и дѣлахъ твоихъ... На то была воля Божья. Такъ я рассуждаю. Какія жъ тутъ благодарности?.. А кстати оренбургскій татаринъ письмо прислалъ.

— Что жъ онъ пишетъ?—съ оживленьемъ спросила Дуня.—Есть ли надежда выручить дядюшку?

— Есть,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Обрадовался некрещенный лобъ другой тысячѣ, что ты обѣщала ему. Безпремѣнно, пишетъ, выкуплю, а не выкуплю такъ выкраду, и ежели только онъ въ живыхъ, къ лѣту вывезу его на русскую землю.

— Слава Богу, сказала Дуня.—Какъ только вспомню я, что у меня дядя родной въ полону, сердце кровью такъ и обольется... Поскорѣ бы ужъ вынесъ его Господь... Дарья Сергѣевна какъ у васъ поживаетъ?

— Ничего, здорова. Съ самаго пріѣзда въ Осиповку не выходитъ почти изъ моленной. Съ каноницей чередуется—службу править. Только скучаетъ, очень даже скучаетъ,—проговорилъ Чапуринъ.

— Жаль мнѣ ее,—молвила Дуня.—Вотъ я и молода еще, а куда тяжело мѣнять жизнь, а ей-то на старости лѣтъ каково?..

— Тебѣ то, Дунюшка, отъ перемѣны въ жизни тяготы не будетъ,—сказалъ улыбаясь Патапъ Максимычъ.—Да что жъ ты все молчишь, что не подѣлишься со мной своей радостью? Можно, что ли, поздравить тебя съ женихомъ?..

Вспыхнула вся Дуня и съ укоромъ взглянула на Аграфену Петровну. «Это она рассказала», подумала она.

— Чего еще таиться?—молвила Аграфена Петровна. — Еще не долго — и всѣ будутъ знать; какъ же тятенькѣ то напередъ не сказать?

Дуня молчала.

— Такъ можно, что ли, поздравить то? — ласково улыбаясь, спросилъ Чапуринъ.

— Можно,—чуть слышно промолвила Дуня.

Обнялъ ее Патапъ Максимычъ и трижды поцѣловалъ въ горѣвшія ланиты.

— Вмѣсто отца поздравляю, вмѣсто родителя цѣлую тебя, дочка,—сказалъ онъ. — Дай вамъ Богъ совѣтъ, любовь да с астье. Женихъ твой, видится, парень по вседу хорошій, и тебѣ будетъ хорошо жить за нимъ. Слава Богу!.. Такъ я радъ, такъ радъ, что даже и рассказать не стѣумѣю.

— Благословите меня за тятеньку покойника на новую жизнь,—со слезами на глазахъ сказала Дуня Патапу Максимычу.

— Изволь, милая, изволь. Благословлю съ великимъ моимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ.—Побудь здѣсь съ Дуней,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Аграфенѣ Петровнѣ,—а я въ твою образную схожу да икону тамъ выберу. Своей не привезъ, не зналъ. Не бойсь, Груня, твои благословенныя иконы знаю—ни одной не возьму.

И вышелъ вонъ изъ горницы.

Вскорѣ воротился Чапуринъ съ иконою въ позоло-

ченной ризѣ слѣдомъ за нимъ вошелъ Петръ Степанычъ.

— Надо будетъ намъ благословить и невѣсту, и жениха, для того я сюда и привелъ Петра Степаныча, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Отдѣльно cadaго станемъ передъ вѣнцомъ благословлять, а теперь это за рукобитье пойдетъ. Ты, Груня, будешь за мать; неси же хлѣба каравай, да соли, да чистое полотенце.

Аграфена Петровна вышла, а Чапуринъ сказалъ Петру Степанычу:

— Съ нареченной невѣстой!.. Поцѣлуемся. Смотри же, парень, люби ее да береги... Да что это вы, посмотрю я на васъ, упырями другъ на дружку глядите?.. Словечка межъ собой не перемолвите? Такъ вѣдь не водится.

Вошла Аграфена Петровна съ папушникомъ ¹⁾, покрыла стоявшій въ красномъ углу столъ скатертью, поставила на немъ принесенную Патапомъ Максимычемъ икону, затеплила свѣчку, положила возлѣ иконы хлѣбъ и покрыла его полотенцемъ.

Положили семипоклонный началъ, потомъ Патапъ Максимычъ съ Груней обычнымъ порядкомъ благословили жениха съ невѣстой.

— Ну, юнецъ молодецъ и ты красавица дѣвица, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Теперь, по дѣдовскому и прадѣдовскому завѣту, слѣдуетъ вамъ поцѣловаться на любовь, на совѣтъ, на долгую и согласную жизнь. Извольте цѣлованьемъ завершить Божіе благословеніе.

Самоквасовъ подошелъ къ Дунѣ. Ни жива, ни мертва стояла она и свѣту не взвидѣла, когда Петръ Степанычъ поцѣловалъ ее. Не видала она лица его, только чувствовала, какъ горячія, трепещущія уста крѣпко ее цѣловали. Нѣтъ, это не серафимскія лоб-

¹⁾ Папушникъ — пшеничный хлѣбъ домашняго приготовленія.

занья, что еще такъ недавно раздавала она каждому на радѣньяхъ людей Божіихъ.

— Теперь бы слѣдовало про здоровье нареченныхъ князя съ княгиней винца испить, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тащи-ка, Груня, что есть у тебя про запасъ. Эка досада, не зналъ, на что ѣду. Тебѣ бы, Груня, отписать, я бы холодненькаго прихватилъ съ собой. А у тебя, поди вѣдь, сантуринское либо церковное. Да ужъ дѣлать нечего, за недостатчей хорошаго, хлебнемъ и сантуринскаго. Тащи его сюда!

— Позвольте, Патапъ Максимычъ, вступился Петръ Степанычъ. Со мной есть маленькій запасецъ. Разсчитывалъ, что пригодится къ седми спящимъ отрокамъ¹⁾, къ именинамъ значить Ивана Григорьича. А теперь вотъ на мое счастье бутылки на другое понадобились.

И спѣшно выйдя изъ горницы, воротился бѣгомъ съ парой бутылокъ шампанскаго

Розлили вино, выпили, и Дуня маленько пригубила.

— Горько! — вскричалъ на всю горницу Чапуринъ.

— Горько! — сказала и Аграфена Петровна.

— Надо жениху съ невѣстой поцѣловаться, тогда и вино сладко будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Дѣлать нечего. Должна была Дуня еще разъ цѣловаться съ женихомъ. Теперь горячій поцѣлуй Петра Степаныча показался ей такимъ сладкимъ, такимъ пріятнымъ, что рада бы она была, ежели и еще и еще онъ цѣловалъ ее, да все бы чаще да чаще

— Надо теперь говорить про дѣло, — сказалъ Чапуринъ, когда бутылка была опростана. — Въ людяхъ водится, чтобы тотчасъ послѣ рукобитья и перваго благословенья судили рядили, когда свадьбѣ быть, а также насчетъ приданаго и другаго прочаго, какъ на

¹⁾ 22-го октября. Изъ семи отроковъ младшій назывался Іоанномъ.

первое время житье устроить молодымъ. Рукобитья у насъ не было, да некому и по рукамъ то бить—невѣста сирота да и женихъ все одно, что сирота. Зато было у насъ Божіе благословеніе, на вѣки вѣковъ нерушимое. А это первое дѣло, много важнѣй оно рукобитья. Станемте-жь теперь, женихъ съ невѣстой, толкомъ говорить, какъ привести ваше дѣло къ доброму совершенію.

Всѣ молчали

— На счетъ приданаго я не судья,—продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Въ этомъ на Груню надо положиться. Что сама сѣумѣетъ, все сдѣлаетъ; чего не сѣумѣетъ—у Марѣы Махайловны попросить совѣта. Ладно-ль придумано? Скажи, родная,—прибавилъ онъ,—обращаясь къ Дунѣ.

— Кому жь лучше Груни?..—сказала невѣста, потупивъ свои голубые глаза

— А ты что, Груня, скажешь?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По мнѣ, тятенька, не только въ этакоемъ случаѣ, а всегда, во всю жизнь мою, рада я для Дуни всякія хлопоты на себя принять, отвѣтила Аграфена Петровна.

Молча обняла ее Дуня.

— Марѣу Михайловну и я стану просить, не оставила бы насъ въ этомъ дѣлѣ; оно вѣдь ей за обычай,—сказалъ Самоквасовъ.—У меня въ городѣ домъ есть на примѣтѣ, хорошій, помѣстительный; надо его купить да убрать какъ слѣдуетъ. А хотѣлось бы убрать, какъ у Сергѣя Андреича—потому и его стану просить. Одному этого мнѣ не сдѣлать, не знаю, какъ и приступить, а ему обычно. А ежели въ городѣ чего нельзя достать, въ Москву спосылаемъ: у меня тамъ довольно знакомства.

— Покланяйся съ самымъ дѣлѣ Колышкинымъ: попроси—не откажутъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—

Только — чуръ, дѣлать все, какъ они посовѣтуютъ, а не по своему. Сергѣй Андреичъ лучше знаетъ, что и какъ надо: смолоду по господски живетъ, а мы передъ нимъ деревенщина. Твое дѣло взять, жить ты у дяди ровно въ муръѣ, только и свѣту у тебя было, что по скитамъ съ подайнями разѣзжать да тамъ загащиваться. Вотъ развѣ какъ въ Москвѣ да въ Питерѣ побывалъ, такъ можетъ наглядѣлся, какъ хорошіе люди живутъ. Одними деньгами тутъ ничего не возьмешь, тутъ нужны умѣнье да сноровка. Возьми къ примѣру Алешку Лохматаго — сколько денегъ онъ на домъ потратилъ, а все-таки вышло, шутъ его знаетъ, что — обои золотые, ковры персидскіе, а на окошкахъ замѣсто хорошихъ занавѣсокъ, пестрядинныя повѣшены. Не нами, дѣдами и прадѣдами сказано: «всяко дѣло мастера боится».

— Это такъ точно, Патапъ Максимычъ, это рѣчи справедливыя и согласныя, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Ежели бы Сергѣй Андреичъ согласился оказать мнѣ милость, какъ же бы я могъ дѣлать по своему? Не выступлю изъ его приказовъ.

— Проси же его, проси скорѣе, — сказалъ Чапуринъ, а я и самъ отпишу, чтобъ онъ для тебя постарался.

— Тѣмъ разговоръ и кончился, а женихъ съ невѣстой все-таки при людяхъ словечка не сказали, не смотря на старанья Патапа Максимыча и Аграфены Петровны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Трое сутокъ прогостилъ Чапуринъ у богоданной дочки. Собравшись въ Осиповку, сказалъ онъ Дунѣ:

— У Груни кладовая то деревянная, въ подклѣтѣхъ подъ домомъ, а строенье старое тѣсное. Долго ль

тутъ до бѣды? Ну, какъ, грѣхомъ, случится пожаръ? А у меня палатка каменная подъ сводами и строена на усадѣ вдалекѣ отъ жилаго строенья. Не перевезти ли до времени твои пожитки ко мнѣ?.. Страху будетъ меньше. Какъ думаешь?

И Аграфена Петровна со своей стороны прибавила, что въ Осиповкѣ Дунино приданое не въ примѣръ будетъ сохраннѣе.

— Вѣдь у тебя въ сундукахъ то добра больше, чѣмъ на сто тысячъ, Дунюшка, — сказала она — Шутка ли это? Подумай. Тятенька придумалъ хорошо. Ты какъ рѣшишь.

Дуня согласилась и благодарила Патапа Максимыча за его заботы.

Въ тотъ же день наняты были подводы и Дунины сундуки отправлены въ Осиповку подъ надзоромъ приказчика, заправлявшаго дѣлами Ивана Григорьича.

За обозомъ отправился и самъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ того Дуня чаще и чаще видалась съ женихомъ и стала съ нимъ разговорчивѣй и довѣрчивѣй. Раза по два да по три на дню бывали у нихъ и молчаливые тайные поцѣлуи—нравились они Дунѣ, а объ женихѣ и говорить нечего. Любила Дуня вспоминать съ нимъ про катанье въ косныхъ по Окѣ, и про то время, какъ видались они во время Макарьевской. Но кромѣ того, ни о чемъ изъ прошлаго Дуня рѣчей не заводила.

А онъ другое воспоминалъ.

— Знаете ли вы, съ коихъ поръ полюбилъ я васъ?—спросилъ однажды у Дуни.

— Не знаю,—съ самодовольной улыбкой отвѣчала она... — Съ той, можетъ статься, поры, какъ мы съ Дорониными въ косныхъ катались?

— Раньше, — сказалъ Самоквасовъ. — Полюбилъ я васъ не за красоту, не за пригожество, а за ваши

рѣчи добрыя и разумныя. Помните ли вы про Ивана царевича?

— Про какого Ивана царевича?—спросила Дуня.— Про сказку что ли говорите?

— Да, про сказку,—отвѣчалъ Петръ Степанычъ.— Помните, какъ въ Комаровѣ, при вашей тамъ бытности, на другой день послѣ Петрова, Дарья Никитишна, середѣ молодыхъ дѣвицъ сидючи, эту сказку рассказывала? Еще тогда Аграфена Петровна въ дѣвичьей бесѣдѣ сидѣла.

— Припоминаю теперь что-то,—молвила Дуня.

— А какъ кончила сказку Дарья Никитишна, всѣмъ дѣвицамъ она молвила: «сказывай по ряду одна за другой, какъ бы каждая изъ васъ жила въ замужествѣ, какъ бы съ мужемъ свою жизнь повела.» И стали дѣвицы открывать свои мысли и тайныя думы. Ни у одной не было хорошихъ, разумныхъ рѣчей, опричь той, что послѣ всѣхъ говорила. А говорила она вотъ что: «Замужъ пойду за того, кого люблю, и стану его любить до вѣку, до послѣдняго вздоха, только сыра земля остудитъ любовь мою. А что буду дѣлать я замужемъ, того не знаю, не вѣдаю. Одно знаю—гдѣ мужъ съ женой въ ладу да въ совѣтѣ живутъ, по добру да по правдѣ, въ той семьѣ самъ Богъ живетъ. Онъ и научитъ меня, какъ поступать».

Дуня зарумянилась.

— Помню, теперь помню,—промолвила она, — но какъ же вы все это знаете? Вы вѣдь отъ слова до слова мои рѣчи говорите? Груня, должно быть, рассказала вамъ.

— Не она, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Не вспомните ли, чѣмъ дѣвичья бесѣда кончилась?

— Чѣмъ кончилась? Посидѣли, поговорили да по своимъ мѣстамъ разошлись,—сказала Дуня.

— А забыли, что Аграфена Петровна послѣ ва-

шихъ словъ выглянула въ окошко и сказала: «а у насъ подъ окномъ, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ царевичъ сидитъ.»

— Что-то припоминаю,—сказала Дуня.

— Я Иваномъ царевичемъ былъ, я сидѣлъ на завалинкѣ и отъ слова до слова выслушивалъ дѣвичьи рѣчи,—сказалъ Петръ Степанычъ. — И съ того часу полюбилъ я васъ всей душой моей. А все-таки ни въ Комаровѣ, ни въ Нижнемъ потомъ на ярманкѣ, не смѣлъ къ вамъ и подступиться. Задумаешь словечко сказать, языкъ-отъ ровно замерзнетъ. Только бывало и счастья, только и радости, когда поглядишь на васъ. А безъ того тоска, скука и мука.

— Видно съ того ко Фленушкѣ въ Комаровъ вы и уѣхали?—съ хитрой улыбкой спросила его Дуня.

— Именно отъ того, — отвѣтилъ Самоквасовъ, — только Фленушки я и не видалъ почти тогда. Примѣ она постриглась. Теперь она ужъ не Фленушка, а мать Филагрія!.. Ну, да Господь съ ней. Прошу я васъ не помышляйте никогда о ней—было у насъ съ ней одно баловство, самое пустое дѣло, не стоитъ о немъ и вспоминать. По правдѣ говорю, по совѣсти.

Привыкала Дуня къ жениху, не стыдилась больше его и перестала отворачиваться, когда любуясь на свою красавицу, онъ страстно цѣловалъ ея подернутыя румянцемъ ланиты.

Черезъ недѣлю Петръ Степанычъ поѣхалъ къ Патапу Максимычу въ Осиповку, а потомъ въ городъ переговорить съ Колышкиными. Онъ обѣщалъ невѣстѣ каждый праздникъ пріѣзжать въ Вихорево.

Прощаясь съ женихомъ, Дуня, по настоянью Аграфены Петровны, сказала ему:

— Послушайте, что я скажу вамъ, Петръ Степанычъ. Въ прошломъ году, еще прежде того, какъ мы гостили въ Комаровѣ, великимъ постомъ мнѣ восьм-

надцать лѣтъ исполнилось. На мои именины покойникъ тятенька одарилъ меня разными вещами. Тутъ было и обручальное колечко. И сказалъ онъ мнѣ тогда: «восемнадцать лѣтъ тебѣ сегодня минуло — можетъ-статься, скоро замужъ пойдешь. Слушай же отца: наши родители ни меня, ни мать твою вѣнцомъ не неволили, и я не стану неволить тебя — вотъ кольцо, отдай его, кому знаешь, кто тебѣ по мыслямъ придется. Только смотри, помни отцовскій завѣтъ, чтобы это кольцо не распалось, значить, изволь съ мужемъ жить. до вѣку въ любви и совѣтѣ, какъ мы съ твоей матерью жили.» И заплакалъ онъ тутъ, горько заплакалъ, ровно зналъ, что въ кругломъ сиротствѣ придется мнѣ замужъ идти... Возьмите.

И со слезами на глазахъ подала ему кольцо.

Взволнованный Петръ Степанычъ сталъ цѣловать невесту. Слово у него не доставало, зато радостныя слезы красно говорили.

Поѣхалъ онъ. И только что съѣхалъ со двора, Душѣ стало тоскливо и скучно.

Когда Патапъ Максимычъ воротился въ Осиповку, у крыльца своего дома увидалъ онъ Василья Борисыча. Сидя на нижней ступенькѣ лѣстницы строгаля онъ какую-то палочку и вполголоса напѣвалъ тропарь наступавшему празднику Казанской Богородицы. Патапъ Максимычъ сказалъ зятю:

— Видно все еще настоящаго дѣла не нашелъ себѣ. Палочку строгаешь да напѣваешь что-то себѣ подъ носъ. Безпутный ты этакій!..

— Охъ, искушеніе! — съ глубокимъ вздохомъ вымолвилъ Василій Борисычъ, бросилъ палку и пошелъ вслѣдъ за тестемъ въ горницы. На полдорогѣ остановилъ его Чапуринъ:

— Кликни Пантелея.

Пантелей былъ на дворѣ, слышалъ приказъ и тотчасъ подошелъ къ хозяину.

— Здорово, Пантелеюшка, — ласково молвилъ ему Патапъ Максимычъ. — Все ли безъ меня было благополучно?

— Слава Богу, батюшка Патапъ Максимычъ, слава Богу, все было благополучно, — отвѣчалъ Пантелей. — Посуду красить зачали...

— А токарни что?

— Въ ходу, батюшка, всѣ до единой.

— Вотъ что, Пантелеюшка, — сказалъ Чапуринъ. — У тебя, что ли, ключи отъ каменной палатки?

— Надо быть, у Аксины Захаровны, — отвѣчалъ Пантелей.

— А что въ ней сложено?

— Да такъ, всякій хламъ. Разное старье, — отвѣчалъ Пантелей.

— Надо ее опростать, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сегодня подводы съ сундуками придутъ изъ Вихорева. Ихъ туда поставите.

— Не случилось ли чего у Ивана Григорьича? — тревожно спросилъ Пантелей.

Вспало на умъ старику, не пожаръ ли былъ въ Вихоревѣ и не къ себѣ ль перевозить Патапъ Максимычъ уцѣлѣвшіе пожитки погорѣвшаго кума.

— Ничего не случилось, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Смолокуровой Авдотьи Марковны пожитки привезутъ. Ради сохранности отъ пожарнаго случая хочу въ палаткѣ поставить ихъ. Надо сейчасъ же очистить ее отъ хлама.

Взойдя наверхъ, Патапъ Максимычъ прошелъ въ горенку Аксины Захаровны, въ ту самую горенку, гдѣ жила и померла покойница Настя. Василій Борисычъ туда же вошелъ и молча сталъ у притолки. У

Аксинья Захаровна сидѣли Параша и Дарья Сергѣвна.

— Что Захаровна? Какъ можешь, сударыня?—спросилъ Патапъ Максимычъ у жены, лежавшей въ постели.

— Такъ же все, Максимычъ, ни лучше, ни хуже, — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Съ мѣста подняться не могу, всѣ бока перележала. Одинъ бы ужъ конецъ, — а то и сама измаялась, и другихъ измучила.

— Чепуху не городи! Богъ дастъ, встанешь, справишься, и еще поживемъ съ тобой хоть не столько, сколько прожили, а все таки годы...—сказалъ Патапъ Максимычъ, садясь возлѣ больной.

— Ты наскажешь, тебя только послушай, — съ ясной, довольной улыбкой, тихимъ голосомъ промолвила Аксинья Захаровна.

— Вы каково, Дарья Сергѣевна, безъ меня поживали?—обратился къ ней Патапъ Максимычъ. — Авдотья Марковна вамъ кланяется и Груня также.

— Благодарю покорно, — молвила Дарья Сергѣвна. — Что Дунюшка то здорова ли сердечная?

— Слава Богу, здорова, — отвѣчалъ Чапуринъ.

— Не скучаетъ ли?—спросила Дарья Сергѣевна.

— Въ мою бытность не скучала, а скоро, надо думать, придется ей скучать, — съ загадочной улыбкой отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Захаровна, у тебя что ли ключи отъ каменной палатки?

— У меня, — сказала Аксинья Захаровна. — А что?

— Что тамъ лежитъ у тебя?—спросилъ Чапуринъ.

— Прежде приданое дочерей лежало, а теперь нѣтъ ничего, — отвѣтила Аксинья Захаровна. — Хламъ всякій наваленъ — старые хомуты, гнилыя кожи.

— Подай-ка мнѣ ключи, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

По приказу Аксины Захаровны, Параша вынула ключи и подала ихъ отцу.

— Авдотьи Макаровны сундуки хочу тамъ поставить. Груня говоритъ, что въ нихъ добра тысячъ на сотню,—сказалъ Чапуринъ.

— По моему, больше,—замѣтила Дарья Сергѣевна.

— Ну, вотъ видите! Груня поставила сундуки въ кладовой, да вѣдь строенье у кума Ивана Григорьевича тѣсное, случись грѣхъ — малости не вытащишь. Поэтому и рѣшилъ я сундуки то сюда перевезти да въ палаткѣ ихъ поставить. Не въ примѣръ сохраннѣе будутъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ,

— Конечно. сохраннѣе,—промолвила Аксины Захаровна.—Это ты хорошо вздумалъ, Максимычъ.

— Сама то скоро ли Дунюшка пріѣдетъ?—спросила Дарья Сергѣевна.

— Этого не знаю,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Покамѣстъ у Груни остается, а потомъ вмѣстѣ съ ней въ городъ поѣдетъ, къ Колышкинымъ. И не разъ еще придется ей до Рождества съѣздить туда.

— Затѣмъ же ей такъ разъѣзжать? — спросила Сергѣевна.

— Да самага то главнаго я вѣдь еще и не сказалъ,—молвилъ Патапъ Максимычъ. — Замужъ выходитъ Авдотья то Марковна. Послѣ Филиповокъ свадьба.

Всѣ удивились, особенно Дарья Сергѣевна. Аксины Захаровна перекрестилась и пожелала счастья Дунѣ, Прасковья Патаповна, по обычаю, равнодушно поковыряла въ носу, а Василій Борисычъ вздохнулъ и чуть слышно промолвилъ:

— Охъ, искушеніе!

«Такъ вотъ оно какое вышло положеніе-то!—думалъ онъ самъ про себя. Тогда на Китижѣ, какъ впервые ее увидалъ я, свѣтояѣнна была — очи голубыя, власы — янтарныя волны, уста—червленныя ленты,

ланиты — розовый шипокъ. Не то, что колода, Парашка. А въ Комаровѣ какова была! Ангеламъ подобна!.. Но вертоградъ для меня заключенъ, источникъ радостей запечатлѣнъ. Милліонъ, опричь приданаго во сто тысячъ!.. То-то бы зажили... Богъ суди Фленушку съ Самоквасовымъ да съ Сенькой Саратовцемъ — окрутили проклятые меня бѣднаго, — валандайся теперь вѣкъ свой съ этой дурищей Парашкой!»

Больше и больше зло разбирало бывшего посла рожскаго. Всѣхъ клялъ, всѣмъ просилъ помсты у Бога, кромѣ себя одного.

— За кого жь это выходитъ Дунюшка? — чуть слышно спросила у Патапа Максимыча Дарья Сергѣевна. — Неужто она въ лѣсахъ могла найти судьбу свою?

— Женихъ не лѣсной, а изъ города Казани. Теперь онъ съ большимъ наслѣдственнымъ капиталомъ въ Нижнемъ поселился. Да вы его знаете, у Колышкиныхъ каждый Божій день бывалъ, какъ мы у нихъ останавливались... Петръ Степанычъ Самоквасовъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ — Груня, кажись, и сватала ихъ.

— Не пара, не пара, — со слезами на глазахъ промолвила Дарья Сергѣевна.

— Чѣмъ же не пара? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— У Самоквасова на умѣ только смѣшки да шутки. Какой онъ мужъ Дунюшкѣ?.. — сказала Дарья Сергѣевна. — Въ прошломъ году въ одной гостиницѣ съ нимъ стояли. Наглядѣлась я на него тогда. Зубоскаль, сорванецъ и больше ничего, а она дѣвица строгая, кроткая. Того и гляди, что размотыритъ весь ея капиталъ. Нѣтъ не пара, не пара.

— Женится — переменится, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — А онъ ужъ и теперь совсѣмъ переменился.

Нельзя узнать супротивъ прошлаго года, какъ мы въ Комаровѣ съ нимъ пировали. Тогда у него, въ самомъ дѣлѣ, только проказы да озорство на умѣ были, а теперь парень совсѣмъ выравнялся... А чтобъ онъ же-нины деньги на вѣтеръ пустилъ, этому я въ жизнь не повѣрю. Сколько за нимъ ни примѣчалъ, видится, что изъ него выйдетъ добрый, хорошій хозяинъ, и не то, чтобъ сорить денежками, а станетъ беречь да копить ихъ

— Вашими бы устами да медъ пить, Патапъ Максимычъ,—грустно проговорила Дарья Сергѣевна. — А впрочемъ, мнѣ то что жъ? Въ ихнемъ семействѣ я буду лишняя, помѣхой буду, пожалуй. Люди они молодые, а я старуха. Черную рясу рѣшилась надѣть я. Слезно стану молить мать Манею, приняла бы меня во святую свою обитель, а по времени и ангело-подобнаго чина удостоила бы.

— Нынче, Дарья Сергѣевна, скитскія обители не то, что прежде,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Со дня на день выгонки ждутъ. Вонъ сестрица моя любезная, Манея то, цѣлу обитель въ городу себѣ построила, человѣкъ на семьдесятъ—туда до выгонки хочетъ переселяться. А какъ вы къ тому городу не приписаны, такъ вамъ, пожалуй, и не дозволятъ тамъ проживать. Всегда бывало такъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ старообрядскіе монастыри закрывали: на Иргизѣ такъ было, и въ Стародубѣ, и по другимъ мѣстамъ. Которыя были изъ другихъ мѣстовъ, тѣхъ высылали на родину, и велѣно было за ними смотрѣть, чтобъ оттоль никуда не отлучались. Такъ ежели у васъ есть твердое желаніе спастись въ какойнибудь изъ здѣшнихъ обителей, такъ повремените немногое время, обождите, чѣмъ ихнее дѣло кончится. А кончится оно, думать надо, въ скоромъ времени.

— Что-жъ! — молвила Дарья Сергѣевна. — До вре-

мѣни гостѣей у матушки Манеѣы поживу, чтобъ не попасть въ скитскіе списки. А настанетъ выгонка, куда-нибудь на время уѣду.

— У насъ живите, Дарья Сергѣвна, — тихо проговорила Аксиныя Захаровна. — При васъ мнѣ отраднѣй, не такъ скучно, вы со мной и поговорите, вы мнѣ и отъ божественнаго что-нибудь почитаете.

— А ко всему, что сказалъ я, прибавлю вамъ, Дарья Сергѣвна, еще, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь вѣдь Манеѣа игуменьей только по имени, на самомъ то дѣлѣ мать Филагрія всѣмъ заправляетъ — и хозяйствомъ, и службой, и переписку съ питерскими да съ московскими ведетъ. Чать, знаете ее? Манеѣина-то наперсница, взбалмошная, безшабашная Фленушка.

— Какъ мнѣ Фленушки не знать? — сказала Дарья Сергѣвна. — Довольно ее знаю, не мало вѣдь времени выжила я съ Дуней у матушки Манеѣы въ обители.

— Сумасбродъ была дѣвка! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Все бы ей какое-нибудь озорство. А теперь, говорятъ, хозяйство повела мастерски; вся, слышь, обитель въ такой у нея строгости, какой и при Манеѣѣ не бывало. И вамъ, сударыня Дарья Сергѣвна, стало-быть, волей-неволей придется изъ ея рукъ смотрѣть и все исполнить по ея приказамъ. Вы бы объ этомъ хоть поразсудили, не желаете у Дуни жить, найдется уголъ вамъ у меня въ дому: что есть — вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Подумайте хорошенько, матушка. Жалѣючи васъ, говорю. Вотъ и старуха моя говоритъ, что ей съ вами отраднѣе. Право, не лучше ли вамъ у насъ остаться. Вы хорошая хозяйка, я это замѣтилъ, живучи у васъ; а у меня хозяйка съ постели не сползаетъ. О Прасковѣѣ говорить нечего — сами видите, что умомъ не дошла — ей бы только сладко поѣсть да день деньской на кровати валяться. А за вами по хо-

зайству, я бы ровно за каменной стѣной былъ. Поразмыслите объ этомъ, ежели рѣшились у Дуни не жить.

Пошелъ Патапъ Максимычъ токарни осматривать.

Дарья Сергѣвна также вышла. Прошла она въ моленную, а тамъ наемная канонница за негасимой свѣчей стоитъ и *Псалтырь* читаетъ. Тамъ присѣла Дарья Сергѣвна на боковую лавочку и поникла головой. Дуня вспоминалась ей. «Съ дѣтства, ровно къ родной матери, была ко мнѣ привязана, ни одной, бывало, тайной думы отъ меня не скрывала, думала она. — А въ послѣднее время не такой стала. Полюбились ей мірскія книги; и стала она скучать божественными. Читаешь ей бывало изъ *Пролога* или *Торжественника* — не слушаетъ, зачнешь говорить о душеспасительномъ — и ухомъ не ведетъ. А тутъ на бѣду подвернулася окаянная Марья Ивановна. Совсѣмъ съ тѣхъ поръ перемѣнилась Дуня, стала нетерпѣлива, сумрачна и молчалива. Отъ зари до зари, бывало, сидитъ надъ какими-то еретическими видно книгами, путнаго слова тогда отъ нея, бывало, не добьешься. Не то что сомной, съ отцомъ говорить перестала. А какъ на Троицу принесло къ намъ въ домъ эту проклятую Марью Ивановну — еще хуже пошло... И какъ воротилась Дуня отъ нея изъ гостой къ больному отцу, словечка не сказала мнѣ про житье-бытье у Луповицкихъ, хоть я не разъ о томъ рѣчь заводила. О чемъ ни спрошу — молчить, ровно стѣна. И по-прежнему ко всему холодна, и по-прежнему ко всему безучастна. Какъ уѣхалъ отъ насъ Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, однѣ мы остались съ ней — извѣстное дѣло — скука, тоска въ одиночествѣ. Поведешь, бывало, съ ней разговоръ о душеспасительномъ — молчить, зачнешь читать что-нибудь отъ святыхъ отецъ — молчить, зѣваетъ, спать на нее охота найдетъ, замѣсто душевнаго-то умиленія. Я въ тягость ей была. Какъ

же жить мнѣ съ ней, какъ замужъ-то она выйдетъ? Мужъ еще, Богъ его знаетъ, каковъ человѣкъ, какъ еще поглядить на меня. Нѣтъ, не житье мнѣ у нихъ — и себѣ въ тягость, и имъ не на радость. У Патапа Максимыча остаться не слѣдъ: по всѣмъ замѣчаньямъ, Аксиныя Захаровна не жилища на свѣтѣ, а помретъ она, Параша будетъ хозяйкой, а какъ съ ней ужиться?... И разумомъ не вышла, и нравъ крутой, и паче мѣры привередлива; нѣтъ, съ ней жить нельзя... Стану кланяться матушкѣ Манеевѣ, призрѣла бы меня одинокую, поклонюсь до земли и матери Филатріи, не оставила бы меня Христа ради, дала бы кровъ и пищу. Откажутъ, въ иныхъ обителяхъ поищу благодѣтельница. Жить мнѣ недолго, собой никого не отягощу. Что есть въ тридцать лѣтъ накопленнаго, вкладомъ внесу за кусокъ хлѣба да за теплый уголь... А Дунюшка!... Дай ей, Господи, всякаго счастья!... Забыла меня — Богъ съ ней. Не поставь этого во грѣхъ ей, Господи!...

И залилась Дарья Сергѣвна слезами, сидя въ моленной на лавочкѣ.

Вслушивается—канонница дочитываетъ первую канонию. Когда кончила она ее, Дарья Сергѣвна подошла къ ней и сказала:

— Давай я вторую прочитаю.

Положивъ началъ, канонница, не говоря ни слова, отошла отъ наоя. Дарья Сергѣвна стала на ея мѣсто и начало протяжное чтеніе.

— *Возлюблю Тя, Господи, крѣпости моя. Господь утвержденіе мое и приближище мое и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на нѣ. Защититель мой и рогъ спасенія моего и заступникъ мой. Хваламъ призову Господа и отъ враговъ спасуся. Одержавша мя болѣзни смертныя и потоци беззаконія смутивша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя съти смертныя. И внигда скорбѣти призвахъ Господи и къ*

Богу моему возвахъ. Услыша отъ церкви святыхъ своея гласъ мой и вопль мой предъ Нимъ внидетъ предъ очима Его ¹⁾).

Возвышенные и душу возвышающія слова Царя-Псалмопѣвца подходили къ душевному состоянію Дарьи Сергѣевны и заставили ее забыть на время заботы и попеченья о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Въ благочестивомъ восторгѣ страстно увлеклась она чтеніемъ *Псалтыря*. Кончивъ вторую каѳизму, принялась за третью, за четвертую и читала до поздняго вечера, а наемная канонница храпѣла на всю моленную, прикурнувъ въ теплѣ на лавочкѣ за печкой.

Только что ушли отъ Аксины Захаровны Патапъ Максимычъ и Дарья Сергѣевна, ушла и Параша, сказавши матери, что надо ей покормить Захарушку. Покормить-то она его немножко покормила, но тотчасъ же завалилась спать, проснулась вечеромъ, плотно поужинала, потомъ опять на боковую. Стала звать къ себѣ мужа, кричала, шумѣла, но никто не зналъ, куда тотъ дѣвался.

Василій Борисычъ сейчасъ послѣ жены отъ тещи ушелъ; осталась больная одна-одиношенька. Хорошо, что Матрена пришла, а то бы недвижимой хозяйкѣ дома ни достать, ни отдать чего-нибудь было некому.

Съ тоски, что ни день ни ночь въ тестевомъ домѣ не покидала Василья Борисыча, вышелъ онъ на улицу и завернулъ въ токарни. Работники всегда бываютъ чутки къ хозяйскимъ дѣламъ, давно они ужъ замѣтили, что Патапъ Максимычъ зятя въ грошъ не ставитъ, на каждомъ шагу глумится надъ нимъ и считаетъ ни на

¹⁾ По дониконовскому переводу, что теперь въ обиходѣ у едино-вѣрцевъ и раскольниковъ

что негоднымъ. И отъ перваго до послѣдняго батрака, всѣ они не уважали Василія Борисыча, обходились съ нимъ за панибрата и въ глаза даже насмѣхались надъ нимъ. Пришлось рогожскому посланнику молчать да терпѣть. Года полтора передъ тѣмъ, былъ онъ славимъ по своему старообрядству, какъ свѣдущій въ уставахъ человѣкъ, былъ принимаемъ въ самыхъ богатыхъ домахъ «древляго благочестія», а теперь до того дошелъ, что послѣдній изъ тестевыхъ батраковъ смѣется надъ нимъ въ глаза безбоязно и безнаказанно!

Видя, что кончившіе работу токари и глядѣть на него не хотятъ, пошелъ онъ прогуляться на всполье. И луговая трава, и тощая озимъ ужъ поблекли отъ морозовъ, лиственные деревья оголѣли, только одинъ ельникъ сохранялъ зеленый свой цвѣтъ. Калужины, какъ стекломъ, подернуты были блестящимъ ледкомъ. Высоко на ясномъ небѣ плылъ полный мѣсяцъ, озаря блѣднымъ свѣтомъ замирающіе поля, лѣса и перелѣски. Стоялъ легкій морозецъ. Крѣпко кутаясь въ ватную чуйку, Василій Борисычъ шелъ все дальше и дальше, по дорогѣ къ смежной деревушкѣ Ежовой, что стояла въ верстахъ полуторахъ отъ Осиповки. Идетъ Василій Борисычъ, не спѣша и не медля, а самъ такія думы въ умѣ раскидываетъ.

«Вотъ оно положеніе то? Не чаялъ, въ умѣ даже никогда не держивалъ дойти до того, что стало со мной!.. Будь она проклятымъ проклятá ночь въ Улангерскомъ перелѣскѣ, гдѣ навернулась мнѣ постылая, ненавистная Парашка... А все Фленушка, все это мать Филагрія по нынѣшнему! Подурачиться ей вздумалось, вотъ и подурачилась. А ты вѣкъ свой страдай да мучься!.. Ни дна бы тебѣ, ни покрышки — первымъ бы кусомъ тебѣ подавиться! Она и Самоквасова съ Сенькой выкрасть меня изъ Комарова подпустила, а

потомъ окрутить съ этимъ бревномъ, паскудной Парашкой! Все ея дѣло. На первыхъ порахъ и Прасковья то же говорила... На что жъ я сталъ теперь похожъ? Отъ берега отсталъ, къ другому не пристасть. Съ Москвой, со всѣмъ старообрядствомъ дѣло въ конецъ расклеилось — клянуть меня за то, что женили здѣсь меня, да еще вѣнчали въ великороссійской. А развѣ на то моя была воля? Силкомъ вѣдь повѣнчали. Теперь изъ старообрядцевъ никто и ко двору меня не подпуститъ, а вѣдь я ими только и жилъ. Къ единовѣрцамъ тоже хода нѣтъ, а великороссійскіе и вниманья на меня не обратятъ. Допрыгался я, бѣдный, допрыгался безчастный въ этихъ скитахъ, до того допрыгался, что теперь хоть руки на себя наложи... Сытъ, обутъ, одѣтъ — не могу въ этомъ на тестя пожаловаться, зато жена то какая!.. Глупѣе барана, злѣе самого чорта. Рассказываетъ теперь тестъ, что самъ онъ нашу свадьбу состряпалъ. Кто ихъ разберетъ — онъ ли въ самомъ дѣлѣ или Самоквасовъ съ Сенькой Саратовцемъ».

А вотъ и Ежова. Первая съ краю изба освѣщена внутри и въ ней не лучина горитъ, а сальныя свѣчи. И на окошкахъ свѣчи стоятъ, и у воротъ фонарь съ зажженной свѣчкой повѣшенъ. Доносятся изъ избы веселые дѣвичьи клики, хохоть и громкія пѣсни. Въ той избѣ жила разбитная, бойкая вдова Акулина Мироновна, та самая, что когда то вѣрнѣй всѣхъ мужиковъ разгадала, для чего, ожидая въ гости Снѣжковыхъ, Чапуринъ, ни съ того, ни съ сего, вздумалъ большіе столы окольному народу ставить. По смерти ежовскаго десятника, осталась Акулина Мироновна бездѣтною. Сама женщина еще молодая, лѣтъ тридцати, любила она съ дѣвками да съ парнями возиться. Поэтому и завела у себя въ избѣ посидѣлки; сходилась къ ней вся ежовская молодежь, приходили повесе-

литься и изъ сосѣднихъ деревень. Весело было Акулинѣ Мироновнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодно.

Съ ранней осени до масленицы, по деревнямъ у такихъ вдовушекъ, какъ Акулина, посидѣлки или супрядки по нѣскольку разъ на недѣлѣ бывають. Въ назначенный день, только зачнетъ смеркаться, дѣвушки въ нарядныхъ платьяхъ съ гребнями и донцами, съ шитьемъ иль вышиваньемъ, собираются къ ней въ избу. Ласково каждую гостью встрѣчаетъ хозяйка. Собравшись, дѣвушки садятся по лавкамъ и заводятъ межъ собой разговоры про домашнія дѣла, наряды и рукодѣлья. Начинаются шутливыя насмѣшки надъ ожидаемыми парнями и надъ ихъ зазнобами. А между тѣмъ всѣ усердно работаютъ. Сначала работа спорится, особенно у тѣхъ, кому мать урокъ задала столько-то напрядь, столько-то нашить. Часовъ въ восемь, а иной разъ и въ девять, одинъ по одному, начинаютъ парни собираться; каждый приносить свѣчку, пряниковъ, стручковъ, маковниковъ, подсолнечныхъ зеренъ и другихъ деревенскихъ лакомствъ, а иной и пивца притащить, либо молодой осенней бражки, а пожалуй и штофъ зелена вина, а тѣмъ, кто не пьетъ, сантуринскаго. И закуски приносятъ съ собой: кто говядины, кто баранины, кто живыхъ куръ, либо утокъ. Ихъ сейчасъ рѣжутъ, хозяйка отпариваетъ, ощипываетъ, а потомъ изъ нихъ къ ужину похлебку варить. Другіе парни яицъ притащаютъ, масла, сметаны, творогу, а иной спроворить съ шестка каши горшокъ, либо щей, а попадетъ подъ руку — такъ и цѣльный каравай хлѣба. Отъ того матери и злобятся на посидѣлки, что, сколько ни копи, какъ ни стереги, а добро уходитъ да уходитъ на угощенье дѣвкамъ въ избѣ какой-нибудь Мироновны. Потому еще матери боятся супрядокъ, что дочери тамъ на шагъ отъ грѣха. Но должно быть, вспоминая свою молодость,

сквозь пальцы смотрятъ онѣ на дѣвичьи забавы и такія наставленья даютъ дочерямъ: «Любись съ дружкой, какъ знаешь, только чтобъ покору на честной родительскій домъ отъ того не было. Пуще всего берегись съ парнями грѣшить. Берегись этого пуще огня, пуще полымя. А ежели не устоишь, умѣй концы хоронить. Не то гульливой прозовутъ, опозоришь и себя, и насъ, подруги отшатнутся отъ тебя, и не будетъ тебѣ мѣста ни зимой на супрядкахъ, ни лѣтомъ въ хоровахъ, а что хуже всего,—замужъ никто не возьметъ.»

Собрались къ Акулинѣ дѣвки ежовскія, шишинскія и другихъ деревень. Двѣ пришли изъ Осиповки. Разговоры зачались у нихъ за рукодѣльемъ.

— Чапуринъ-отъ слышь, домой воротился?—спрашиваетъ Акулина у осиповскихъ дѣвокъ.

— Воротился,—отвѣчала одна изъ нихъ.

— Что привезъ?—спросила Акулина.

— Покамѣстъ ничего. Не знаю, что дальше будетъ,—сказала осиповская дѣвка. — Только женщину невѣдомо какую привезъ.

— Сиротку Смолокурову что ли?—спросила одна изъ ежовскихъ.

— Нѣтъ. Та, слышь, еще молоденькая, а эта старуха, свояченицей, слышь, доводилась она самому-то Смолокурову. Дарьей Сергѣвной зовутъ. Сколько-то лѣтъ тому назадъ, въ Комаровѣ жила она въ Манеиной обители. Смолокурова-то дочь обучалась вѣдь тамъ въ одно время съ дочерьми Патапа Максимыча.

— Вотъ какъ,—промолвила Акулина Мироновна.

— А сегодня передъ тѣмъ, какъ намъ сюда идти,—продолжала осиповская дѣвица,—страсть сколько сундуковъ къ Патапу Максимычу привезли, цѣлый обозъ. И говорили, что въ тѣхъ сундукахъ сложено приданое Смолокуровой. Не на одну, слышь, сотню тысячъ лежитъ

въ нихъ. Все въ каменну палатку поставили, отъ огня, значить, бережнѣе.

— Сто тысячъ?—вскликнула Акулина.—Вотъ гдѣ деньги-то! У купцовъ да у бояръ, а мы съ голоду помирай! Имъ тысячи плевое дѣло, а мы надъ каждой копѣйкой трясись да всю жизнь майся. А вѣдь, кажись, такіе же бы люди.

— А всего-то, говорятъ, богатства ей послѣ отца досталось больше милліона,—сказала осиповская.

— Что за милліонъ такой? Я дѣвки что-то про него не слыхивала,—сказала ершовская.

— Значить десять сотенъ тысячъ, тысяча тысячъ, пояснила одна изъ шишинскихъ, сколько-то времени обучавшаяся въ скитахъ.

— Господи Владыко!—на всю избу вскликнула Мироновна.—Да что-жъ это такое? Ни на что непохоже! У одной дѣвки такое богатство, а другіе съ голоду колѣй! Начальство то чего глядитъ?

— А вѣдь какъ я погляжу на тебя, тетка Акулина, такъ глаза-то у тебя не лучше поповскихъ, завидушіе,—сказала дѣвушка изъ ежовскихъ. Сродницей Акулинѣ она приходилась, но за сплетни не больно любила ее.

— А ты, дура, молчи, поколева цѣла,—крикнула на нее тетка Акулина.—Въ головѣ пустехонько, а тоже въ разговоры лѣзетъ. Не твоего ума дѣло. Придетъ Алешка, принесетъ гармонику, ну и валандайся съ нимъ, а въ дѣла, что выше твоего разума, не суйся.

Замолчала ежовская, примолкли и другія дѣвушки.

— Заводи зазывную!—вдругъ крикнула пряха изъ Шишинки.—Пора. Можетъ, парни давно у воротъ, да не слыша зазывной, на дворъ нейдутъ.

Зашурчали веретена, громко дѣвки запѣли. Тетка Акулина суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ по избѣ, прибирая въ ожиданьи гостей разбросанныя вещи.

— Заводи, заводите, красны дѣвицы,—говоритъ она.—Скликайте пареньковъ, собирайте молодцовъ. Поютъ дѣвицы зазывную: ¹⁾

Леталъ голубь, леталъ сизый,
Леталъ сизый по возгорю,
Искалъ голубь, искалъ сизый
Своей сизыя голубки.
Моя сизая голубка очень знакома:
Черезъ три пера рябенка, головка гладенька,
Руса коса до пояса, на косѣ лента ала,
Ала, ала, голубая, дѣвонюшка молодая.
Возвивалась голубушка высоко далеко,
Садилась голубушка на бѣль горючъ камень,
Умывалась голубушка водою морскою,
Утиралась голубушка шелковой травой,
Говорила голубушка съ холостымъ парнемъ:
«Ужь ты, парень паренекъ, глупенькій твой разумокъ—
Не по промыслу заводы ты заводишь,
Трехъ дѣвушекъ парень за одинъ разъ любишь:
Перву Машу во Казани,
Да Дуняшу въ Ярославлѣ,
А душеньку Ульяшеньку въ Нижнемъ городочкѣ;
Купилъ Машѣ ленту алау,
А Дунюшкѣ голубую,
А душенькѣ Ульяшенькѣ
Шелковое платье.
Ты носи, моя Ульяша, мною не хвалися;
Коли станешь выхваляться—
Намъ съ тобой не знаться,
А не станешь выхваляться—
Въ вѣкъ намъ не разстаться.»

А межъ тѣмъ одинокій и грустный, усталый и до костей продрогшій, переминаясь съ ноги на ногу, Василий Борисычъ стоитъ у воротъ Акулины Мироновны. Тянетъ его въ кругъ дѣвичій, но беретъ опаска—

¹⁾ Зазывною пѣснью зовется всякая, что первую поется на посидѣлкахъ.

неравно придетъ кто изъ Осиповскихъ да потомъ дома разблаговѣститъ, что хозяйскій зять у Мироновны на дѣвичьихъ посисѣдкахъ былъ. Дойдутъ до жены такія вѣсти—жизни не радъ будешь, да и тестъ по головкѣ не погладить: «Ты, дескать, законъ исполняй, а на чужихъ глаза пялить не смѣй.» Мимо токаренъ да красилень лучше тогда и не ходи—трунить, зубоскалить станутъ рабочіе, на смѣхъ поднимать...

А громкіе дѣвичьи голоса въ избѣ Мироновны такъ и заливаются. Дрожь пробираетъ Василья Борисыча; такъ бы и влетѣлъ въ избу козыремъ, облюбовалъ бы какую помоложе да попригожѣе и скороталъ бы съ ней вечерокъ въ тайной бесѣдѣ... Издавна на такія дѣла бывалъ онъ ловкимъ ходокомъ, теперь уже не то. Что было, то сплыло, а былое быльемъ порасло.

Не стерпѣлъ однако Василій Борисычъ, услыхавши зазывную: «Эхъ, была не была,—подумалъ онъ.—Авось не узнаютъ, а ежели и явятся праздные языки, можно ихъ закупить, на это денегъ хватитъ.»

И вошелъ въ бесѣду дѣвичью, парней никого еще не приходило. Всѣ диву дались, увидавши такого гостя.

Не знаетъ, не придумаетъ Акулина Мироновна, какъ принять, чѣмъ привѣтитъ Василья Борисыча. Рада приходу его—такіе гости съ пустыми руками не ходятъ; столько отсыплетъ Чапуринскій зятекъ, что, пожалуй, во всю зиму такихъ денегъ супрядками и не выручишь... И боязно шустрой вдовушкѣ: ну какъ провѣдаетъ Патапъ Максимычъ, что зять его у нея на посидѣлкахъ былъ, да взбредетъ ему на умъ, что я прилучила его, пропадай тогда головушка моя. Жить не дастъ! Доведетъ до большого начальства, что въ дому у меня корчемство, тогда бѣда неминуемая—въ одной рубахѣ отпустятъ. . Хоть шею тогда въ петлю, хоть въ омутъ головой!..

— Здравствуй, Мироновна!—переступая вдовинъ порогъ, громко воскликнулъ Василій Борисычъ,—здравствуйте, дѣвицы красавицы!.. Примите меня, голубоньки, во свой кругъ, во свое веселье дѣвичье, приглубьте меня словомъ сладкимъ, ласковымъ,—прибавилъ онъ, вѣшая шапку на колокъ.

— Милости просимъ,—въ одинъ голосъ отвѣчали дѣвушки, раздвигая на лавкахъ донца и опоражнивая мѣсто неожиданному, негаданному гостю.

Оглядѣлъ Василій Борисычъ дѣвокъ и вдругъ видитъ двухъ изъ Осиповки. Такъ его и обдало.—Теперь и невѣсть чего наболтаютъ эти паскуды,—подумалъ онъ, дойдетъ до тестя—прохода не будетъ, до жены дойдетъ—битому быть. Хорошенько ихъ надо угостить, чтобъ онѣ ни гугу про ночныя походы женатаго, не холостого.

Въ другой разъ оглядѣлъ Василій Борисычъ кругъ дѣвичій и видитъ — середь большой скамьи, что подъ окнами, сидитъ за шитьемъ миловидная, молоденькая дѣвушка. Сѣлъ онъ возлѣ нея, видитъ—бѣлоручка, сидитъ за бѣлошвейной работой. Спросилъ у ней:

— Какъ зовутъ, красавица?

— Какъ попъ крестилъ—Лизаветой звалъ,—вскидывая плутовскіе глаза на Василья Борисыча, бойко отвѣчала бѣлоручка и захохотала на всю избу. Другія дѣвушки тоже засмѣялись.

— А изъ коей будешь деревни?—спросилъ Василій Борисычъ, подвигаясь къ Лизаветѣ. Та отъ него не отодвигалась.

— Ты, Василій Борисычъ, человѣкъ поученый, книжный,—сказала она. — Тебѣ бы прежде спросить, какъ величаютъ меня по отчеству, а потомъ и пытаться, изъ какой я деревни.

— Такъ какъ же тебя звать, красавица, по отчеству?—спросилъ Василій Борисычъ

— Трофимовна,—отвѣчала она. — Отецкая дочь. ¹⁾ Тятенька Трофимъ Павлычъ не то что по нашей деревнѣ, а по всей здѣшней волости изъ первыхъ людей.

— А чѣмъ промышляетъ?—еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ, спросилъ Василій Борисычъ.

— Извѣстно, горянщиной. По всей нашей палестинѣ ²⁾ всѣ живутъ горянщиной,—отвѣчала отецкая дочь.

Смотритъ Василій Борисычъ на Лизавету Трофимовну—такая она бѣленькая, такая чистенькая и миловидная, что другія дѣвушки передъ ней уроды уродами. И пріемы у отецкой дочери не тѣ, что у тѣхъ, и все обхожденіе—съ перваго же взгляда видно, что не въ избѣ она росла, не въ деревнѣ заневѣстилась. Руки нѣжныя, не какъ у деревенскихъ чупахъ, тотчасъ видно, что никогда Лизаветины руки черной работой не были огрублены.

Бывшій рогожскій посолъ еще поближе подо двинулся къ Лизаветѣ, положилъ ей руку на плечо, и сталъ полегоньку трепать его, не говоря ни слова. Отецкая дочь не противилась. Съ веселой вызывающей улыбкой поглядывала она изподлобья и, когда Василій Борисычъ сталъ мѣшать ей шить, она взяла его за руку и крѣпко пожала ее. Сладострастно засверкали быстрые, маленькіе глазки бывшего посла архіерейскаго Гораздъ бывалъ онъ на любовныя похождения, навѣкъ имъ во время ближнихъ и дальнихъ разъѣздовъ по женскимъ скитамъ и обителямъ.

Въ это время Акулина Мироновна, изъ краснаго угла перетащивши столъ направо отъ входа въ избу.

¹⁾ Не сирота, а дочь, у которой живъ еще отецъ и притомъ чело-вѣкъ достаточный.

²⁾ Палестина—родныя мѣста, своя сторона.

покрыла его столешниками ¹⁾ и разставила тарелки съ пареной брюквой, солеными огурцами, моченымъ горохомъ, орѣхами, подсолнухами, городецкими пряниками, жомками, маковниками, избойной, сушеной черникой и другими деревенскими лакомствами. Тутъ же ставлены были ломтями наръзанная солонина, студень, рубцы, соленый судакъ, вареный картофель. Убирая столъ, Акулина подозвала Василья Борисыча и тихонько ему молвила:

— Угощай дѣвицъ, Василій Борисычъ, ежели на то есть у тебя желаніе... Можно и пивца достать, пожалуй даже и ренскаго, а тебѣ, ежели въ охоту, достану и водочки. Да вотъ что еще хочу сказать тебѣ, прибавила она шепотомъ на ухо Василью Борисычу:— ты къ Лизкѣ-то Скорохватовской не больно примазывайся. Придетъ Илюшка Пустобояровскій, да увидитъ твои шуры-муры съ ней, какъ разъ бока тебѣ намнетъ— ни на что не поглядитъ. У него съ Лизкой-то еще до Покрова лады зачались; передъ Масляной, надо быть, попъ вѣнцомъ ихъ окрутитъ. А Илюшка косая сажень, сила страшениѣйшая, кулачище хоть надолбы вколачивай. Такъ ты поопасся бы, Василій Борисычъ. До грѣха недолго. Парень же онъ такой задорный, что бѣда... Да и къ другимъ-то дѣвушкамъ не больно приставай, вѣдь каждая, почитай, изъ нихъ чья-нибудь зазноба. А вотъ какъ нагрянутъ парни на посидѣлки, угости ты ихъ всѣхъ какъ можно лучше, тогда и возись себѣ съ любой изъ дѣвушекъ. Тогда супротивничать тебѣ ужъ не стануть.

Покоробило немного Василья Борисыча, но ни слова онъ Акулинѣ не вымолвилъ. Подойдя къ дѣвушкамъ и по прежнему садясь возлѣ Лизаветы, сказалъ:

¹⁾ Полотенце, что кладутъ за столомъ двумъ, тремъ человѣкамъ вмѣсто салфетокъ.

— Угощайтесь, красны дѣвицы, берите что ни ставлено на столѣ Мироновны... А напередъ пѣсенку бы надобно спѣть да, глядите жъ у меня, развеселую, не тоскливую.

Улыбаясь дѣвушки стали словами перекидываться, о чемъ-то шепоткомъ посовѣтовались и наконецъ запѣли:

Ахъ, зачѣмъ меня мать пригожу родила,
 Больно счастливую, талантливую,
 Говорливую, забавливую,
 Что нельзя мнѣ и къ обѣднямъ ходить,
 Мнѣ нельзя Богу молиться,
 Добрымъ людямъ поклониться?
 Съ стороны-то люди галются, ¹⁾
 А попы служить мѣшаются,
 Пономарь звонить сбивается,
 Дьячекъ читать забывается.
 Поглядѣвъ на меня, дьячекъ мимо пошелъ
 Да нарочно мнѣ на ножку наступилъ,
 Больно на больно ее мнѣ отдалъ,
 Посулилъ онъ мнѣ просфирокъ рѣшето,
 Изъ сѣтечка ²⁾ сѣмечка,
 Крупы черепиночку ³⁾—
 Мнѣ всего того и хочется,
 Да гулять съ дьячкомъ не хочется.
 Увидалъ меня молоденькій попокъ,
 Посулилъ мнѣ въ полтора рубля платокъ—
 Мнѣ платочка-то и хочется.
 Да гулять съ попомъ не хочется.
 Увидалъ меня молоденькій купецъ,
 Посулилъ онъ мнѣ китаечки конецъ—
 Мнѣ китаечки-то хочется,
 Да гулять съ купцомъ не хочется.
 Увидалъ меня душа дворянинъ,
 Посулилъ онъ мнѣ мякинушки овинъ—
 Мнѣ мякины-то не хочется,
 Съ дворяниномъ гулять хочется.

¹⁾ *Галиться*—глаза пялить, глазѣть, дивоваться на что-нибудь, любоваться, засматриваться.

²⁾ *Сѣтево, сѣтечко* — лукошко съ зерновымъ хлѣбомъ, которое сѣвецъ носитъ черезъ плечо.

³⁾ *Уменьшительное отъ черепни* — глиняная посуда, въ которой запариваютъ толченое конопляное сѣмя для битья масла.

Показалось ли Василью Борисычу, что лучше всѣхъ спѣла пѣсню Лизавета Трофимовна, нарочно ль онъ это сказалъ, но, по обычаю посидѣлокъ, поцѣловалъ бойкую пѣвунью.

— А вы бы насъ пѣть поучили, Василій Борисычъ, какъ лѣтошній годъ обучали въ Комаровѣ дѣвицъ, — немножко погодя, сказала ему Лизавета Трофимовна.

— А какъ тебѣ извѣстно, что я обучалъ ихъ? — спросилъ онъ.

— Сами о ту пору мы въ Комаровѣ проживали, отвѣтила отецкая дочь. — У Глафириныхъ гостила. Хоша съ Манеѣиными наши не выдаются, а все-таки изда-лечка не одинъ разъ видала я васъ.

— Какъ же я-то не видалъ такой красоточки? — съ улыбочкой, еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ, ска-залъ Василій Борисычъ.

— Не до меня вамъ было тогда, — отвѣтила Лиза-вета. — И какая жъ я красотка?... Смѣетесь только надо мной! Устинья Московка не въ примѣръ меня краше, опять же Домнушку Улангерскую взять, али Грушеньку, что въ Оленевѣ, у матушки Маргариты въ келарнѣ живетъ.

— И тѣхъ знаешь? — сказалъ Василій Борисычъ.

— Хоша не больно знакомита, а много извѣстна про нихъ, — отвѣчала отецкая дочь.

— Ишь ты какая! всѣхъ знаетъ! — обнимая станъ Лизаветы, промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не къ лицу вамъ къ дѣвицамъ-то приставать.

— Это почему? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Жена есть у васъ, супруга, — отвѣтила Лиза-вета. — Теперь не прежняя пора — на чужихъ не слѣдъ вамъ и заглядываться! Это для васъ грѣшно.

— Двѣ шубы — тепло, двѣ хозяйки — добро, — прижи-маясь къ Лизаветѣ, молвилъ Василій Борисычъ.

— Хозяйкой отчего не быть, а въ подхозяйки ни-

кому неохотно идти, — сказала Лизавета, быстро взглянувши въ глаза послу архіерейскому

— Все едино — хозяйка ли, подхозяйка ли, любиться бы только, — промолвилъ Василій Борисычъ.

— Хорошо вамъ такъ говорить, а дѣвушкамъ и слушать такія рѣчи зазорно. И поминать про эти дѣла хорошей дѣвицѣ не годится, не то чтобы самой говорить, — сказала отецкая дочь.

— Экая ты сердитая! — вскрикнулъ Василій Борисычъ. — Перестань же серчать.

Въ это время не одинъ по одному, какъ водится, а гурьбой ввалило въ избу съ дюжину молодыхъ парней. Маленько запоздали они — были на гулянкѣ. Въ Пустобояровскомъ кабакѣ маленько загуляли, а угощаль Илюшка, угождавшій Лизаветѣ такъ, что никто другой и подходитъ къ ней не смѣлъ.

Когда распахнулись двери настежъ, первымъ изъ парней влетѣлъ въ избу Илюшка. Взглянулъ онъ на свою облюбованную, видитъ возлѣ нея какого-то чужаго, но одѣтаго чистенько и по всему похожаго больше на купца, чѣмъ на простого мужика. Злобой вспыхнуло лицо Илюшки, и кулаки у него сами сжались, когда увидалъ онъ, что Лизавета къ самымъ плечамъ подпустила Василья Борисыча. Грозно сдѣлалъ Илюшка два-три шага впередъ, но Акулина успѣла ему шепнуть, что съ зазнобой его сидитъ не кто другой, а зять Патапа Максимыча, человѣка сильнаго и властнаго по всей сторонѣ. И злобы у Ильи какъ не бывало, подошелъ онъ къ парочкѣ и шутливо молвилъ Василью Борисычу:

— И вы въ нашу бесѣду къ Мироновнѣ. Милости просимъ, напередъки будьте знакомы.

И сѣлъ по другую сторону возлюбленной. Начали пѣсни пѣть. Звонко пѣли дѣвки, громко подпѣвали парни. Пѣли сначала пѣсни семейныя, потомъ весе-

лая, дѣло дошло до плясовыхъ. На славу, ровно на показъ, ловчѣй и бойчѣй всѣхъ другихъ отплясывалъ Илья Пустобояровскій, всѣхъ величавѣй павой выступала, всѣхъ красивѣй плечами подергивала, задорнѣй и страстнѣй поводила глазами и платочкомъ помахивала отецкая дочь, Лизавета Трофимовна. Другія, что ступы, толкутся себѣ на мѣстѣ, полъ подъ ними трещить, чуть не ломится, а она легко и тихо порхаетъ ровно метель-порхунокъ ¹⁾. Хоть и выросла Лизавета въ благочестивыхъ скитахъ, хоть и обучалась у матери Глафиры божественному, а только что вышла изъ обители, скорехонько обыкла и къ мірскимъ пѣснямъ и къ той пляскѣ, что въ скитахъ зовется бѣсовскою.

Каждый пляшетъ, каждая голосить развеселую.— Пошла изба по горницѣ, сѣни по палатамъ—настоящій Содомъ. Одинъ Василій Борисычъ не пляшетъ, одинъ онъ не поетъ. Молча сидитъ онъ, облокотясь на подоконникъ, либо расплачивается съ Мироновной за все, что пьютъ и ѣдятъ парни и дѣвки. Раза три до-чиста они разбирали все, что ни ставила на столъ досужая хозяйка. Въ добавокъ къ сѣстному и къ лакомствамъ вынесла она изъ подполья четвертную бутылъ водки да дюжины три пива.

Для того за всѣхъ платилъ Василій Борисычъ, что боялся, не осерчали бы парни съ дѣвками, не рассказали бы въ Осиповкѣ, что были и пили вмѣстѣ съ нимъ у Мироновны.

Веселая гульба чуть не до свѣта шла. Не разъ порывался домой Василій Борисычъ, но парни его не пускали, обѣщаясь проводить до дому и дорогой беречь отъ волковъ, а при этомъ просили поставить на столъ кубышечку бальзамчику ²⁾.

¹⁾ Мотылекъ, ночная бабочка.

²⁾ Хлѣбное вино, перегнанное на душистыхъ смолистыхъ травахъ.

И бальзамчика Мироновна откуда-то вынесла. Опростили парни кубышку, еще попросили, но у Мироновны бальзама больше не было.

Грустно возвращался домой Василий Борисычъ, провожаемый хмѣльными парнями. И дорогой ни на минуту не сходили у него съ ума докучныя мысли, какъ-то онъ попадетъ въ домъ и гдѣ-то проведетъ остатокъ ночи. Къ женѣ идти и думать нельзя, подняться въ верхнія горницы—разбудишь когонибудь. И рѣшился онъ ночевать въ подклѣтѣ у старика Пантаеля. И вовсе почти не спалъ—то вспоминались ему злобныя, язвительныя тестевы насмѣшки и острые женины ногти, то раздавался въ ушахъ звонкій, переливчатый голосъ отечкой дочери, Лизаветы Трофимовны:

Лень, лень, лень, не дѣлень,
И посконь не таскань!

Не смотря на всѣ предосторожности, въ тотъ же день провѣдали въ Осиповкѣ про ночныя походы Василия Борисыча. Худыя вѣсти всегда опережаютъ. Тотчасъ послѣ обѣда, не только насмѣшки, но самыя крѣпкія ругательства и громкіе окрики привелось ему выслушать отъ Патапа Максимыча.

— Такъ ты вздумалъ и на сторонѣ шашни заводить,—кричалъ разъяренный тестюшка.—На супрядки по чужимъ деревнямъ къ дѣвкамъ ходить! Срамить честной мой домъ хочешь! Такъ помни, бабій угодникъ, что батраковъ у меня въ волю — велю баню задать — такъ вспорютъ тебя, что вспомнишь Сидорову козу. До смерти не забудешь, перестанешь бѣгать отъ жены!... Смѣй только еще разъ уйти на посидѣлки!

И выгналъ любезнаго зятя изъ горницы, а на прощанье еще тумака задалъ ему въ спину.

Какъ провѣдала про мужнины проказы Прасковья Патаповна, затряслась вся отъ злобной досады. Уви-

давши супруга, кинулась на него ровно бѣшеная. Василій Борисычъ тотчасъ закрылъ лицо ладонями, чтобъ милая женушка опять его не искровянила. И кричитъ она, и визжитъ, шумитъ какъ голикъ, брюзжитъ какъ осенняя муха, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и, взявши кожаную лѣстовку, принялась стегать муженька по чемъ ни попало. Мало этого показалось Прасковѣ Патаповнѣ, схватила попавшійся подъ руку желѣзный аршинъ, да и пошла утюжить имъ супруга. Едва вырвался Василій Борисычъ изъ рукъ разъяренной подружки жизни и опрометью бросился вонъ изъ тестева дома. Выбѣжавъ на улицу, сталъ на мѣстѣ и такъ разсуждалъ: «Что теперь дѣлать?... Куда идти, къ кому? Какъ въ темницѣ сижу, тяжелой цѣпью прикованъ. Нѣтъ исхода... Охъ, искушеніе! Удавиться ли, утопиться ли мнѣ?»

Съ самаго утра дулъ неустанный осенній вѣтеръ, а Василій Борисычъ былъ одѣтъ налегкѣ. Сразу насквозь его прохватило. Пошелъ въ подклѣтъ погрѣться и улегся тамъ на печи стараго Пантелея. А на умѣ все тѣ же мысли: «вотъ положеніе-то! куда пойду, куда дѣнусь?... Былъ въ славѣ, былъ въ почестяхъ, а пошелъ въ позоръ и поношеніе. Прежде всѣ мнѣ угождали, а теперь плюютъ, бьютъ да еще сѣчь собираются! Охъ, искушеніе!»

И сталъ Василій Борисычъ раздумывать, куда бы бѣжать изъ тестева дома, гдѣ бы найти хоть какое-нибудь пристанище. Думаетъ, думаетъ, ничего не можетъ придумать — запали ему всѣ пути, нѣтъ мѣста, гдѣ бы пріютиться.

Дня три шага не выступалъ онъ изъ Пантелеева подклѣта и обѣдать наверхъ не ходилъ, дрожмя дрожалъ отъ одного голоса жены, если бывало издали услышитъ его. Въ домѣ знали отъ старика Пантелея, что ему нездоровится, что день и ночь стонетъ онъ

и охаетъ, а самъ съ печки не слѣзаетъ. И въ самомъ дѣлѣ желѣзный аршинъ не по костямъ пришелся ему. Заходилъ въ подклѣтъ и самъ Патапъ Максимычъ. Хотѣлось ему навѣдаться, чѣмъ зять захворалъ, что за болѣсть ему приключилась. Пришелъ, Пантелея въ избѣ о ту пору не было, а Василій Борисычъ стоналъ на печи.

— Что, распѣвало? Аль ежовски посидѣлки отрыгаются?...— съ усмѣшкой спросилъ у него осиповскій тысячникъ.— Или тебя ужъ очень сокрушила Лизка Скорохватовская? Цѣлу, слышь, ночь у тебя съ ней были шолты-болты ¹⁾. Шутка сказать, на десять цѣлковыхъ прокормилъ да пропоилъ у этой наскуды Акулины! Станешь такъ широко мотать, не хватить тебѣ, дурова голова, и милліона. Акулькѣ радость—во всю, чать, зиму столько ей не выручить, сколько ты ей переплатилъ. Съ похмѣлья, что ли, хворается?

— Не съ похмѣлья у меня, батюшка, голова болитъ, не съ посѣдокъ мнѣ хворается,— охая отвѣчалъ Василій Борисычъ.— Болитъ головушка и все тѣло мое отъ злой жены. Истинно во святомъ писаніи сказано: «удобѣе человѣку со львомъ и скорпіемъ жити неже со злою женой.» Отъ дочки вашего степенства житья мнѣ нѣтъ. И теперь болѣю отъ любви ея да отъ ласки — полюбилось ей бить меня, желѣзнымъ аршиномъ приласкала меня! Въ трехъ мѣстахъ голова у меня прошиблена до кости, и весь я избитъ — живого мѣста не осталось на мнѣ.... Пожалѣйте меня хоть сколько нибудь, пожалѣйте по человѣчеству... со слезами молилъ тестя Василій Борисычъ.—Теперь дѣваться мнѣ некуда, свадьба съ Прасковьей Патаповной затворила мнѣ всѣ ходы къ прежнимъ моимъ благодѣтелямъ. Куда дѣнусь? сами посудите.

1) Шолты-болты—вздоръ, пустяки, дрянъ, негодныя вещи.

— Живи съ законной женой, да мамошекъ на сторонѣ не смѣй заводить.. Тогда все пойдетъ по доброму да по хорошему, — промолвилъ насупившись Патапъ Максимычъ,

— Нельзя съ такой глупой да злой женой жить по хорошему, — отозвался вполголоса Василій Борисычъ.

— А какой лѣшій толкалъ тебя въ Улангерскомъ лѣсу къ Паранькѣ?—также вполголоса съ язвительной насмѣшкой сказалъ осиповскій тысячникъ — Вѣдь я все знаю. И то знаю, какъ ты по Фленушкинымъ затѣямъ у Свибловскаго попа повѣнчался. Не знаю только, кто свадьбу твою сварганилъ, кто въ поѣзжаныхъ былъ... А то все, все до капельки знаю. А не вытурилъ я тебя тогда съ молодой женой изъ дому, да еще на друзей и для окольнаго народа пиръ задалъ и объявилъ, что свадьбу я самъ устрепалъ, такъ это для того только, чтобъ на мой честной домъ не наложить позору. Что Прасковья дура, про это я раньше тебя знаю; что зла она и бранчива, тоже давно вѣдаю. Да вѣдь не я ее тебѣ на шею вѣшалъ, не я тебя въ шею толкалъ. Тутъ я не причемъ. Самъ свою судьбу устраивалъ, самъ выбиралъ себѣ невѣсту, ну и живи съ ней. Терпи отъ нея попреки и побои, а мое дѣло тутъ сторона.

— Хоть бы уѣхать куда на недолгое время,—сказалъ Василій Борисычъ.

— А къ какому шайтану уѣдешь?—возразилъ Патапъ Максимычъ. Самъ же говоришь, что дѣваться тебѣ некуда. Вѣкъ тебѣ на моей шеѣ сидѣть, другого мѣста во всемъ свѣтѣ нѣтъ для тебя. Живи съ женой, терпи, а къ дѣвкамъ на посидѣлки и думать не смѣй ходить. Не то вспорю. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ, что вспорю безпремѣнно. Помни это, изъ головы не выкидывай.

Долго бранилъ Патапъ Максимычъ Василья Борисыча, а тотъ, лежа на печкѣ, только стонетъ да охаетъ отъ жениныхъ побоевъ, а самъ раздумываетъ что лучше: бѣжать иль на чердакѣ удавиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заходили по народу толки, будто Патапъ Максимычъ привезъ въ Осиповку несмѣтное богатство сироты Смолокуровой и что сложено оно у него въ его каменной палаткѣ. А пошли тѣ толки со словъ Осиповскихъ дѣвокъ, что пировали на посидѣлкахъ у Мироновны, и кромѣ нихъ привозъ сундуковъ видѣли батраки, работавшіе въ токарняхъ и въ красильняхъ. По ближнимъ и дальнимъ деревнямъ заговорили объ этомъ, и народная молва гласила уже, что привезено не приданое Смолокуровой, а несмѣтныя сокровища, какихъ ни у кого еще не бывало: сундуки, биткомъ набитые чистымъ золотомъ и другими драгоценностями. Толковали: «съ давнихъ лѣтъ многое множество богатыхъ кладовъ въ землѣ лежить, но ни въ одномъ нѣтъ столько добра, какъ теперь въ каменной палаткѣ у Чапурина. Притомъ же всѣ земляные клады, сколько ихъ ни есть, кладены съ зарокѣмъ, а бережетъ ихъ супротивная сила, а туда положено золото безо всякаго зарѣка, и до него нечистому нѣтъ никакого дѣла.» По этому самому никакой и вѣщбы тутъ не надо, ни тайнаго слова. И при такихъ разговорахъ много людей зарилось на Чапуринскую палатку.

Дѣнь черезъ десять послѣ того, какъ Василій Борисычъ былъ въ гостяхъ у тетки Мироновны, у нея опять были посидѣлки. Народу было множество, особливо парней. Тѣсно было во вдовьей избѣ, инымъ ни на лавкахъ, ни на скамьяхъ не доставало мѣста. — си-

дѣли на печи, лежали они на палатахъ. Пѣли пѣсни, плясали, пили, ѣли, прохлаждались, а веселая, довольная Мироновна, видя, какъ гости очищаютъ еястряпню, металась изъ стороны въ сторону, стараясь угодить каждому. Не одну пѣсню спѣли, не разъ поплясали, и тутъ у парней и дѣвокъ зачались межъ собой суды и пересуды. Судили, радили обо всѣхъ окольныхъ, про ближнихъ и дальнихъ, старухъ и стариковъ, про женатыхъ и холостыхъ, про красныхъ дѣвушекъ и молодыхъ молодушекъ: всѣмъ косточки перемыли, всѣмъ на калачи досталось,—извѣстное дѣло отъ пересудовъ, да напраслины, да сплетокъ ни пѣшкомъ не уйти, ни на конѣ не уѣхать.

Вспоминая Василья Борисыча, ровно по книгѣ рассказывали про его похождения, какъ не давалъ онъ въ скитахъ спуску ни одной бѣлицѣ, что была моложе да попригожѣй изъ себя. Осиповскія дѣвки рассказали, какъ ему за посидѣлки у Мироновны тестъ въ шею наклалъ, а женушка желѣзнымъ аршиномъ до костей пробила грѣшное его тѣло. И никого не нашлось изъ всей бесѣды, кто бы пожалѣлъ его; всѣ потѣшались, а пуще другихъ отецкая дочь, Лизавета Трофимовна. Перешла рѣчь на самого Патапа Максимыча. Сидѣли у Мироновны люди къ дѣламъ его непричастные, работъ и хлѣбовъ осиповскаго тысячника неискавшіе, и, по зависти къ богатству и домоводству его, готовые натворить ему всякихъ пакостей не только языкомъ, но и дѣломъ. И пошли они цыганить Патапа Максимыча, глумиться надъ нимъ, надо всей семьей его и надо всѣми къ нему близкими. Смѣха было въ волю, а всѣхъ больше насмѣхался надъ Чапуринымъ, пуще всѣхъ глумился надъ нимъ за то, что онъ тысячами врочаетъ, Илюшка Пустобояровскій. Усѣвшись на печку и колотя по ней задками сапоговъ, онъ мало говорилъ и то изрѣдка, но каждое слово его поднимало

не только веселый, но даже злобный хохот всей бесѣды, и отъ того хохота чуть не дрожали стѣны въ Акулининой избѣ. Зашла рѣчь и о приданомъ Смолокуровой. Мироновну та рѣчь затронула за живое, рассыпалась она въ ругательствахъ на Дуню за то, что у нея такое несчетное богатство, а ей не на что избенку проконопатить—со всѣхъ сторонъ дуетъ, углы промерзаютъ, житье въ ней мало лучше, чѣмъ въ иномъ сараѣ, либо на сѣнницѣ. И укоряла Бога вдовица, что несправедливо Онъ подѣлилъ межъ людей земныя богатства, и начальство бранила, что до сихъ поръ не додумается деньги поровну подѣлить между крещеными.

— А много ль денегъ, въ самомъ то дѣлѣ, поставилъ Чапуринъ въ палаткѣ?—спросилъ Миней Парамоновъ, мрачный, никогда не улыбавшійся парень изъ деревни Елховки, съ нахальнымъ взглядомъ посматривая на молодежь.

— Десять возовъ съ чистымъ золотомъ,—помолчавъ немного и подыгрывая на гармоникѣ, сказалъ тотъ самый Алешка, что ухаживалъ за Акулининой племянницей.

— Здорово же ты парень врешь,—крикнулъ на всю избу Миней. — Не въ подъемъ человѣку вранье твое. Какъ заврешься, подъ тобой парень и лавка не устоитъ, слышь, потрескиваетъ. Поберегись. Убавляй, не бойсь, много еще останется.

— Нѣтъ, точно десять возовъ привезено и въ палатку поставлено,—замѣтилъ одинъ изъ Осиповскихъ токарей, Асафъ Кондратьевъ, только что прогнанный Патапомъ Максимычемъ за воровство и пьянство. — Самъ своими глазами видѣлъ,—продолжалъ онъ.—Вотъ съ мѣста не сойти!

— И золото видѣлъ?—спросилъ Миней.

— Нѣтъ, врать не хочу, золота не видѣлъ, видѣлъ

только возы да сундуки, — отвѣтилъ Осиповскій токарь. — Сундуковъ, укладокъ и коробья пропасть.

— Надо думать, что лежать въ тѣхъ сундукахъ платья да шубы, да иное приданое, можетъ статься, есть тутъ и золото и серебро, а чтобы всѣ десять возовъ были полны чистымъ золотомъ — этому повѣрить нельзя, — насмѣшливо молвилъ Миней и переглянулся съ Илюшей Пустобояровскимъ.

Тотъ будто и не замѣтилъ, сидитъ себѣ на печи да ногами побалтываетъ.

— Что, Илюшка? — спросилъ у него, подходя къ печкѣ, Миней.

Илюшка молчалъ, но когда Миней, взгромоздясь на печь, сѣлъ съ нимъ рядомъ, сказалъ ему потихоньку:

— Лишнихъ бревенъ въ избѣ много, послѣ потолкуемъ, — прошепталъ Илья Пустобояровскій.

Межь тѣмъ Мироновна продолжала плакаться.

— Господи Іисусе! — причитала она, — и хлѣбъ отъ вздорожалъ, а къ мясному и приступу нѣтъ; на что ужъ дрова и тѣ въ нынѣшнее время стали въ сапожкахъ ходить. Бьемся, колотимся, а все ни сыты, ни голодны. Хуже самой смерти такая жизнь, просто сказать, мука одна, а богачи живутъ да живутъ въ полное свое удовольствіе. Не гребтится имъ, что будутъ завтра ѣсть; ни работы, ни заботы у нихъ нѣтъ, а бѣдному человѣку отъ недостатковъ хоть петлю на шею надѣвай. За что жъ это, Господи!

И до самага расхода съ посидѣлокъ, все на тотъ же голосъ, все такими же словами, жалобилась и причитала завидуя на чужое добро Акулина Мироновна. А дѣвушки пѣли пѣсню за пѣсней, добры молодцы подпѣвали имъ. Не одинъ разъ выносила Мироновна изъ подполья зелена вина, но питье было неширокое, нешибкое, въ карманахъ у парней было пустовато, а въ долгъ честная вдовица никому не давала.

— Что сегодня мало пьете, родимые? Нешто зареклись, голубчики?—ласково заискивающимъ голосомъ говорила она парнямъ.—Аль и у васъ, ребятушки, въ карманахъ то стало просторно. Не бывалъ вотъ Чапуринскій зять, то-то при немъ было веселье! Изломала, слышь, сердечнаго злая жена желѣзнымъ аршиномъ. Эхъ, ребятушки, мои голубчики! Раздобыться бы вамъ деньжонками, то-то бы радость была и веселье! Эй, дружки мои маленькіе, оглянитесь-ка, не лежитъ ли гдѣ золота казна, клада въ окольности поискать бы вамъ.

— Боязно, тетушка, да и грѣхъ великъ,—вступился Алешка, поглядывая на свою зазнобу, племянницу Мироновны.—Вѣдь при каждомъ кладѣ бѣсовская сила представлена, ни отбѣчь ¹⁾, ни отчураться отъ нея никакъ невозможно... Бѣда!

Вскинулась на него честная вдовица, обругала на чемъ свѣтъ стоитъ и подъ конецъ прибавила:

— Коли ты изъ заячьей породы, страховить да робокъ, лежи себѣ на палатахъ, разинь хайло-то ²⁾ да и жди, что богатство само тебѣ въ ротъ прилетитъ. Про бѣсовскіе клады по всей здѣшней палестинѣ и слыхомъ не слыхать, зато лежатъ иные, и ни лысаго бѣса къ нимъ не приставлено. Взять тѣ клады легко, все едино, что въ полоѣ ³⁾ рыбу ловить. Нужны только смѣлость да еще умѣнье.

Илюшка съ Минеемъ молча переглянулись межъ собой, когда Мироновна ругала Алешку.

Вдругъ Илюшка спрыгнулъ съ печи, сталъ среди избы, кликнулъ—гаркнулъ бесѣдѣ громкимъ голосомъ:

¹⁾ Отбѣжать.

²⁾ Горло, ротъ, зѣвъ, пасть.

³⁾ Заливное, поемное мѣсто берега или луга, пойма, займище, остатокъ весенняго разлива.

— Эй вы, дѣвушки красоточки! Пойте, лебедушки, развеселую, чтобы сердце заскребло, чтобы въ насъ, молодцахъ, всѣ суставчики ходенемъ пошли... Запѣвай, Лизавета, а вы, красны дѣвицы, подтягивайте. Пляши, молодцы! Разгула хочется. Плясать охота. Ну, дѣвки, зачинай!

И запѣли дѣвки развеселую, и вся бесѣда пошла плясать, не стерпѣла сама Мироновна. Размахивая полотенцемъ, замѣсто платочка, пошла она семенить вдоль и поперекъ по избѣ. Эхъ, былъ бы десятникъ живъ, уже какъ бы наcostылялъ онъ шею своей сожительницѣ, но теперь она вдова, значить мірской человѣкъ: ея поле—ея и воля.

А Илюшка Пустобояровскій, немного поплясавъ, сѣлъ среди шума и гама за красный столъ, подъ образами. Сидитъ, облокотясь на столъ, самъ ни слова. Не радуютъ его больше ни пѣсни, ни пляска. Подошла было къ нему Лизавета Трофимовна, стала было на пляску его звать, но возлюбленный ея, угрюмый и насупленный, ни слова не молвивши, оттолкнулъ ее отъ себя. Слезы навернулись на глазахъ отечкой дочери, однакожъ она смолчала, перенесла обиду.

И что-то всѣмъ стало невесело. Недолго гостили парни у Мироновны, ушли одинъ за другимъ, и пришлось дѣвушкамъ расходиться по домамъ безъ провожатыхъ; иныя, что жили подальше отъ Ежовой, боясь, чтобы не приключилось съ ними чего на дворѣ, остались ночевать у Мироновны, и за то на утро довелось имъ выслушивать брань матерей и даже принять колотушки: нехорошее дѣло ночевать дѣвкѣ тамъ, гдѣ бывають посидѣлки, грѣхи случаются, особливо если попьютъ бражки, пивца да виноградненькаго.

Минею Парамонову съ осиповскимъ токаремъ идти было по дорогѣ, но къ нимъ присталъ и дюжій Илья, хоть его деревня, Пустобоярова, была совсѣмъ въ

другой сторонѣ. Молча шли они, и когда вышли за Ежовскую околицу, вымолвилъ слово Илья.

— Что жь, други? Станемъ, что ли, кладъ-отъ вынимать?

— Какой кладъ? — спросилъ прогнанный Патапомъ Максимычемъ токарь. А звали его Асафомъ Кондратьичемъ.

— Эхъ, ты! — съ усмѣшкой сказалъ ему Илья въ отвѣтъ. — Самъ ходитъ вокругъ клада, каждый день видитъ его, а ему и невдомекъ, про какой кладъ ему сказываютъ.

— Я пойду, — молвилъ Миней Парамоновъ. — Чѣмъ съ бѣдности да съ недостатковъ чужія клѣти ломать, цапнуть сразу тысячу-другую да и закаяться потомъ.

— Да гдѣ же кладъ-отъ лежитъ? — спрашиваетъ недогадливый Асафъ. — И какой зарокъ на немъ?

— Никакого зарока нѣтъ, а лежитъ кладъ у тебя подъ носомъ, — молвилъ Илья Пустобояровскій. — Самъ же давеча сказывалъ, что на десяти возахъ къ Чапурину кладъ на дняхъ привезли.

— Такъ вѣдь онъ его въ каменну палатку сложилъ, — сказалъ Асафъ.

— А что жь изъ того? — спросилъ Илья.

— Ключи у самого, какъ безъ нихъ въ палатку войти? — молвилъ Асафъ Кондратьевъ.

— Не то что палатку, городовыя стѣны пробируютъ, — сказалъ Илья. — Были бы ломы поздоровѣй да ночь потемнѣе.

— А какъ услышать? — промолвилъ Асафъ.

— Надо такъ дѣлать, чтобы не слыхали, — отвѣчалъ Илья. — Ты Осиповскій, тебѣ придется сторожить. Ходи одалъ отъ палатки, и на задахъ ходи, и по улицѣ. Ты тамошній и кто тебя увидитъ, не заподозритъ — свой, значитъ, человѣкъ. А ежели что замѣтишь,

ясакъ ¹⁾ подавай, а какой будетъ у насъ ясакъ, уговоримся.

— Вѣдь десять возовъ — всего не унести, — замѣтилъ Асафъ.

— А кто тебѣ про все говоритъ? — сказалъ Илья. — Вѣстимо всего не унесешь. Возьмемъ, что подъ руку попадетъ; можетъ на наше счастье и самолучшее на нашу долю достанется. Ну что жъ, Асафъ Кондратьичъ, идешь съ нами, или нѣтъ?

— Въ отвѣтъ не быть бы... — колеблясь промолвилъ Асафъ.

— Какой тутъ отвѣтъ, когда только сторожемъ будешь, — возразилъ Миней Парамоновъ. — Да ты постой, погоди, ночные караулы бывають у васъ на деревнѣ?

— Исправникъ и становой не одинъ разъ наказывали, чтобы въ каждой деревнѣ карауламъ быть, только ихъ николи не бываетъ, — отвѣчалъ Асафъ. — Дойдетъ до тебя чередъ, съ вечера пройдешь взадъ да впередъ по улицѣ, постучишь палкой по клѣткамъ да по амбарамъ, да и въ избу на боковую. Нѣтъ, на этотъ счетъ у насъ слабовато.

— А у Чапурина есть свои караулы? — спросилъ Илья.

— Какъ ему безъ карауловъ быть? Нельзя, — отвѣчалъ Асафъ. — У токаренъ на рѣчкѣ караулъ, потому что токарни безъ малаго съ версту будутъ отъ жилья, а другой караулъ возлѣ Красиленъ. Эти совсѣмъ почти въ деревнѣ, шаговъ сто, полтора отъ жилья, не больше.

— А далеко-ль отъ палатки тѣ караулы? — спросилъ Миней Парамоновъ.

— Далеконько, — отвѣтилъ Асафъ, — токарни-то вѣдь по другую сторону отъ деревни.

¹⁾ Сторожевой кликъ или другой знакъ, непонятный постороннимъ.

— А за палаткой что? Назади-то ея, значить? — продолжалъ разспросы Миней.

— Да ничего, — отвѣчалъ Асафъ. Одно пустое мѣсто, мочажина, бототце гладкое, безъ кочекъ. А за мочажинной перелѣсокъ, можжевельникъ тамъ больше растеть, а за перелѣскомъ плохонькій лѣсишка вплоть до Спасскаго села.

— Такъ хочешь что-ли съ нами? — спросилъ Илья.

— Да я право не знаю, — нерѣшительно отвѣчалъ Асафъ. — Боязно, опасно, ежели провѣдаютъ. Въ острогѣ сгніешь.

— Коли что, такъ мы съ Ильюшкой въ отвѣтъ будемъ, — молвилъ Миней. — Твое дѣло вовсе почти сторона, станешь ходить по приказу начальства да по мірской волѣ. Твое дѣло только ясакъ подать, больше ничего отъ тебя и не требуется. А дуванъ станемъ дуванить, твоя доля такая жъ, какъ и наша.

— Вина тогда, Асафушка, будетъ у тебя въ волю. Въ городъ поѣдемъ, по трактирамъ станемъ угощаться. А какія, братецъ ты мой, тамъ есть любавушки, посмотрѣть только на нихъ, такъ сто рублей не жаль, не то что наши деревенскія дѣвки, — говорилъ Илья осиповскому токарю.

Асафъ долго колебался, наконецъ рѣшился. Очень ужъ прельстился онъ никогда до тѣхъ поръ невиданными городскими любавушками, что поютъ на всякіе голоса, ровно райскія птицы, а въ пляскѣ порхають, какъ ласточки, что обнимають дружка таково горячо, что инда духъ занимается. Зналъ Илья Пустобояровский, за какую струну взяться, зналъ онъ, что Асафъ черезчуръ ужъ падокъ до женскаго пола и что немножко брезговалъ деревенскими чупахами. Съ полчаса онъ расписывалъ ему про веселое житье въ городѣ и про тамошнихъ красавицъ, что на всѣ руки горазды и уже такъ ласковы и податливы, что и рассказать не

достанетъ словъ. Уговорились ломать палатку, только что настанутъ темныя ночи. Ежели будетъ сухо, нести добычу къ Илюшкѣ въ Пустобоярово, а если грязно, такъ нести сначала прямо въ лѣсъ по мочажинамъ, чтобы не было замѣтно слѣдовъ.

Подойдя къ Осиповкѣ, пріятели по указанію Асафа свернули въ сторону и пошли по задамъ деревни. Полный мѣсяцъ обливаль Чапуринскую палатку. Она ставлена была позади дома на усадѣ, и усадѣ былъ обнесенъ плетнемъ. Плетень какъ плетень, пихни ногой хорошенько,—онъ и съ мѣста долой. Плетня однакоже парни не тронули, слѣда бы не оставить послѣ себя, а перелѣзли черезъ него, благо ни души нигдѣ не было, обошли палатку кругомъ и видятъ, что безъ большого шума нельзя черезъ дверь въ нее попасть, дверь двойнаго желѣза, на три замка.

— Нѣтъ, про дверь и думать нечего, — молвилъ опытный въ воровскомъ дѣлѣ Миней Парамонычъ. Онъ два года въ острогѣ высидѣлъ, но по милостивому суду былъ оставленъ только въ подозрѣнны, а по мелкимъ кражамъ каждый разъ отдѣлывался тѣмъ, что ему накостиляютъ шею да и пустятъ съ Богомъ на новыя дѣла.

Поднялъ онъ валявшуюся неподалеку оглоблю и пошелъ вокругъ палатки, постукивая объ ея стѣны и чутко прислушиваясь къ звукамъ.

Обойдя кругомъ палатку, онъ подумалъ немножко и молвилъ товарищамъ:

— Стѣны-то никакъ въ два кирпича.

— Такъ точно,—подтвердилъ Асафъ. — Помню я, какъ Чапуринъ ее клалъ, я еще известку тогда ему мѣсилъ да кирпичи таскалъ. Точно въ два кирпича строена.

— Ну, айда по домамъ,—сказалъ Илья. — Да тише, черти, черезъ плетень-отъ перелѣзайте.

Перелѣзли и вышли на проселокъ, одалъ отъ деревни.

— Стѣну легче пробить, чѣмъ дверь сломать, — сказалъ тамъ Миней. — Ты, Илюха, добудь ломъ по-здоровѣй, а у меня есть наготовѣ, а ты, Асафъ, заранѣ оповѣсти насъ, когда придется тебѣ на караулъ быть.

Затѣмъ всѣ трое разошлись по своимъ мѣстамъ.

Въ Осиповку пріѣхалъ Никифоръ Захарычъ. Ъздилъ онъ на низъ, на половину покончилъ Смолокуровскія тамъ дѣла, но ихъ оставалось еще довольно, приводилось весной туда плыть, только-что рѣки вскроются. Возвращаясь, Никифоръ побывалъ у Чубалова, тамъ все шло хорошо, оттолѣ проѣхалъ въ Вихорево, рассказалъ Дунѣ все по порядку обо всемъ, что ни дѣлалъ онъ въ Низовыхъ мѣстахъ, и выложилъ кучу денегъ, вырученныхъ за продажу лодокъ, снастей ¹⁾ и бечевы. Дуня слушала, мало что понимая изъ рѣчей Никифора Захарыча, денегъ не взяла, а просила съѣздить въ Осиповку, обо всемъ рассказать Патапу Максимычу и деньги ему отдать. Никифоръ такъ и сдѣлалъ.

Выслушавъ шурина и принявши деньги, Чапуринъ сказалъ:

— До весны у меня оставайся, по зимѣ можетъ придется кой-куда послать тебя по моимъ дѣламъ, не по Смолокуровскимъ... Тамъ къ веснѣ-то свой хозяинъ будетъ, Авдотья Марковна замужъ, слышь, выходитъ собирается.

¹⁾ Снасти — сѣти, мережи, невода и другія, дѣлаемые изъ пряжи, орудія рыболовства.

— Слышалъ и я объ этомъ стороной, — отвѣтилъ Никифоръ, — только ни Груня, ни сама Авдотья Марковна мнѣ ни слова о томъ не сказали. Пріѣзжаю въ Вихорево, а тамъ Иванъ Григорьичъ въ отлучкѣ, и большая горница полнехонька дѣвокъ, семь ли восемь ли за бѣлошвейною работою сидятъ, а сами поютъ свадебныя пѣсни; спрашиваю: «Кому поете?».. Авдотья Марковна, сказываютъ, выходитъ замужъ за пріѣзжаго купца. Я Груню спросилъ, а она говоритъ: «немножко повремени, обо всемъ расскажу, а теперь не скажу». Такъ ничего я и не добился. А невѣсту такъ и не спрашивалъ, не мое, думаю, дѣло.

— Самоквасова Петра Степаныча знавалъ? Онъ еще каждое лѣто въ Комаровъ съ подаяніями отъ дяди изъ Казани пріѣзжалъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Слыхать слыхалъ, а видѣть не доводилось, — отвѣчалъ Никифоръ.

— За него выходитъ, — молвилъ Чапуринъ. — Хотя богатствомъ своимъ много уступить своей нареченной, а все-таки сотни съ двѣ тысячъ у него и своихъ наберется.

— Видно, что какъ листъ къ листу, такъ и деньги къ деньгамъ, — замѣтилъ Никифоръ Захарычъ.

— Видно, что такъ, — сказалъ на то Патапъ Максимычъ. — Опрічь капиталовъ, домовъ, земель и прочаго, одного приданаго у ней тысячъ на сто, ежели н больше. Побоялись мы въ Вихоревѣ его оставить, нее ровень случай, грѣшнымъ дѣломъ загорится, изъ Груниной кладовой ничего не вытащишь, а здѣсь въ каменной у меня палаткѣ будетъ сохраннѣе. Десять возовъ съ сундуками привезли. Шутка ли!

— А карауль-отъ у палатки ставится ли по ночамъ? — спросилъ Никифоръ.

— Не для чего, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Палатка не клѣтъ, ее не подломаешь, опять же на-

родъ близко, а на деревнѣ караулы; оно правда, эти караулы одна только слава, рѣдко когда и до полуночи караульные деревню обходятъ, а все-таки дубиной постукиваютъ. Какой ни будь храбрый воръ, все таки поопасится идти на свой промыселъ

— Оно точно. Справедливо сказано, — промолвилъ Никифоръ. — По себѣ хорошо знаю. Да вѣдь вотъ что надо говорить: «воръ воромъ, а крадено краденымъ» Въ деревенскую клѣть залѣзть нужна отвага, да не больно большая. Что взять съ полушубковъ да съ бабьихъ сарафановъ? Съ голодухи больше клѣти подламываютъ да еще ежели пить хочется, а въ карманѣ дыра... А тутъ вдругъ на сто тысячъ! При такомъ богатствѣ у всякаго вора прибудетъ отваги, и на самое опасное дѣло пойдетъ онъ на удалую: Богъ, молъ, не выдастъ, свинья не съѣстъ. Нѣтъ, во всякомъ разѣ, по моему, надо бы къ палаткѣ караулъ приставить, да не ночной только, а и денной, палатка то вѣдь почти на вспольѣ стоитъ, всякихъ людей вокругъ бываетъ не мало.

— Крѣпка, не проломаютъ, — самоувѣренно сказалъ на то Патапъ Максимычъ и повелъ совсѣмъ про другое рѣчь.

— Какъ озими на Узеняхъ? — спросилъ онъ у шурина.

— Озими хорошія, — отвѣчалъ Никифоръ. — Послѣ Покрова зажелтѣли было, потому что съ Семенова дня дождей не было ни капельки, погода сухая, а солнышко грѣло ровно лѣтомъ, ну, а какъ пошли дожди да подули сиверки, озимые опять зазеленѣли.

— У Зубкова какъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Хорошо, очень даже хорошо, — отвѣчалъ Никифоръ.

— А на моихъ хуторахъ, что переснялъ я у Зубковыхъ, случилось тебѣ быть? — спросилъ Чапуринъ.

— Какъ же. Нарочно два раза туда заѣзжалъ. Все осмотрѣлъ,—отвѣчалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну, что же?

— Да ничего, все слава Богу,—сказалъ Никифоръ.— Озимы тоже зазеленѣли, скоть въ тѣлѣ, овса, сѣна, яровой соломы и всякаго другаго корма до будущаго хлѣба съ залишкомъ будетъ, приказчики на хуторахъ радивые, рабочій народъ всѣмъ доволенъ, сосѣдскіе, слышь, завидуютъ ихней жизни.

— Весной, дастъ Богъ, самъ сплыву, кстати же надо будетъ съ казной новыя условія писать, прежнимъ-то къ осени предбудущаго года сроки минуть. Безпремѣнно поѣду, коли живъ буду,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Ступай, повидай сестру-то,—прибавилъ онъ.—Плохо, братъ, ея дѣло, больно плохо... Не знаю что и будетъ, какую волю Господь сотворитъ надъ ней. А сохрани Богъ, не станетъ Захаровны, стинетъ домъ и пропадетъ моя головушка!.. Какъ жить съ этой дурищей Прасковьей, да съ ея мужемъ бездѣльникомъ?.. Мука будетъ одна... Да повидай внученка, Захарушку-то, что наша дурища принесла... Пойдемъ, Никифоръ, пойдемъ, любезный ты мой, къ Захаровнѣ.

У изголовья Аксины Захаровны сидѣла Дарья Сергѣевна и читала ей изъ *Пролога* житіе преподобномучениковъ Галактіона и Епистеміи, память ихъ на другой день ¹⁾, приходилась. Жадно слушала болящая мирное, протяжное чтеніе Дарьи Сергѣевны; съ благочестивымъ упоеніемъ, не пророня ни словечка, слушала она про лютыя мученія, коимъ подвергали нечестивые вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, и ровно свѣточа горѣли на ея безжизненномъ неподвижномъ лицѣ. Тутъ же, тыкаясь носомъ, дремала въ углу Прасковья Патаповна, едва держа у груди заснувшаго Захарушку, того и гля-

1) Ноября 5.

ди — заботливая матушка брякнетъ объ полъ своего первенца. Никифоръ благоговѣйно вступилъ въ горницу, гдѣ умирающая Настя прощальными рѣчами преобразила душу его и возвела падшаго изъ грѣховной гибели. Навернулись у него слезы, когда клалъ онъ поклоны передъ святыми. Обратясь потомъ къ сестрѣ, онъ низко поклонился ей и спросилъ про здоровье.

Аксинья Захаровна ненавидѣла брата, когда проводилъ онъ безпутную жизнь, проклинала его всякими клятвами, называла кровнымъ врагомъ своимъ и въ разговорахъ съ мужемъ нерѣдко желала Никифору сгибнуть гдѣ-нибудь подъ оврагомъ. Но теперь она перемѣнилась. Не вдругъ измѣнила она объ немъ свои мысли, не сразу повѣрила братнину исправленію, думала, что все это у него одно притворство, но мало-по-малу увѣрилась, что онъ на добрую стезю напалъ. И тогда возвратила она прежнюю любовь къ нему, такую же почти любовь, какую питала, будучи уже большенькой дѣвочкой, когда нянчила маленькаго своего братишку. Его дѣльные и всегда удачныя распоряженія по даваемымъ ему Патапомъ Максимычемъ порученіямъ убѣдили Аксинью Захаровну, что Никифоръ человекъ — золото: за что ни возьмется, дѣло у него такъ и кипитъ. И сталъ онъ ей дорогъ и любимъ, и, кромѣ мужа, кажется, она его любила больше всѣхъ. Груня, что ни говори, все-таки чужая, а къ дочери и зятю сердце ея вовсе не лежало.

— Ну что? Какъ тебя Богъ милуетъ? — спросилъ Никифоръ, подойдя къ сестрѣ.

— Все также, Микешенька, все также, родной. Ни лучше, ни хуже, измаялась я совсѣмъ, — отвѣчала со стономъ Аксинья Захаровна, и съ ясной улыбкой глядя на брата. — Ты гдѣ леталъ, гдѣ былъ побывалъ? — ласково она промолвила.

— На низъ ѣздилъ, да вотъ маленько и замѣшкался,

отвѣчалъ Никифоръ.—Туда-то по Волгѣ сплылъ и скорехонько и безъ хлопотъ, а назадъ ѣхалъ на коняхъ, для того, что по водѣ-то стало опасно, черезъ недѣлю, много черезъ полторы Волга совсѣмъ станетъ.

— Пора ужъ, пора, Микеша, вѣдь Михайловъ день на дворѣ,—замѣтила Аксиныя Захаровна.—По Смолокуровскимъ дѣламъ что ли ѣздилъ-то?

— И по Смолокуровскимъ, и по вашимъ. Все, Богъ подалъ, управилъ, теперь до весны придется на печи лежать,—сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, проговорила Аксиныя Захаровна и смолкла. Тяжело было много ей говорить.

— Вы какъ поживаете, сударыня Дарья Сергѣевна? спросилъ у нея Никифоръ Захарычъ. Какъ только вошелъ онъ въ комнату больной, она сложила *Прологъ*, положила его на столъ и, опустя голову, недвижно сидѣла у изголовья Аксиныи Захаровны.

— Живу, пока Богъ грѣхамъ терпитъ,—тихо промолвила Дарья Сергѣевна.—Вы какъ въ своемъ здоровьѣ, Никифоръ Захарычъ?—прибавила она.

— Ничего,—отвѣчалъ Никифоръ.—Вотъ только теперь дорогой маленько порастрясло меня. Студено, дорога промерзла, ѣзда бѣдовая, а мнѣ довелось безъ малаго двѣ тысячи верстъ по такой дорогѣ промучиться.

Въ это время одалъ стоявшій Патапъ Максимычъ быстро подскочилъ къ дремавшей дочери и схватилъ Захарушку, совсѣмъ уже почти скатившагося съ колѣнъ матери.

Очнулась Прасковья Патаповна, зѣвнула во всю сласть, и впросонкахъ, тупымъ взглядомъ обвела всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ.

— Ахъ ты, дурафья безумная!—вскрикнулъ на нее Патапъ Максимычъ.—Даже рожденья своего не жалѣетъ! У скотовъ даже этого не бываетъ, и у нихъ мать дѣтеныша бережетъ... Не тебѣ бы, дура, мужа

бить да стегать, ему бы слѣдовало тебѣ хорошую выволочку задать! Плохъ больно онъ у тебя, и на то даже умомъ не вышелъ, чтобы жену учить!

Затѣмъ, подойдя къ Никифору и показывая ему глядѣвшаго синенькими глазками и улыбавагося младенца, сказалъ ему:

— Гляди, помилуйся на внучка-то. Переживешь насъ со старухой, береги ты его, Никифоръ, одного только его береги. Вскорми, воспитай, уму-разуму научи. На отца надежда плоха, о Прасковѣ нечего и поминать. А я все, что ни есть у меня, вотъ этому малышу послѣ себя отдамъ, все добро мое пойдетъ внуку моему любезному, Захарушкѣ. Дура Парашка и мужъ ея, московскій распѣвало, хоть подъ оконьемъ шатайся. Захарушка бы только счастливъ былъ... Эхъ, Настя, Настя! Была бы жива ты,—прибавилъ онъ надорваннымъ отъ горя голосомъ.—Все съ собой унесла, бѣлая моя ласточка!

— Все,—едва сдерживаясь отъ рыданій, молвилъ Никифоръ.—Все, унесла все!

Еще при первыхъ словахъ отца, Прасковья Патаповна молча вышла изъ горницы больной матери. Пришла къ себѣ и прямо на постель. Раскидалась, разметалась на ней дочь осиповскаго тысячника, закрыла глаза, а сама думаетъ: «хоть бы Васька пришелъ, каковъ ни есть, а все-таки мужъ!»

А Никифоръ пошелъ отдохнуть послѣ труднаго и долгаго пути въ подклѣтъ, надавно облюбованное имъ мѣсто, въ боковушу, рядомъ съ Пантелеемъ. Сколько ни уговаривалъ его Патапъ Максимычъ—выбрать жилье гдѣ-нибудь наверху, Никифоръ не соглашался.

Проходя въ свою боковушу чрезъ Пантелееву избу, онъ слышалъ стоны, взглянулъ на печь, тамъ Василій Борисычъ лежалъ.

— Что, другъ, лежишь? Аль неможется? — спросилъ у него Никифоръ.

— Ужь такъ не можетъ, Никифоръ Захарычъ, что и рассказать тебѣ не могу, — тихо и жалобно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Трясучка ¹⁾ что-ль одолѣла? Много теперь народу трясучкой болѣетъ, — сказалъ Никифоръ. — А коли такъ, для чего здѣсь на печи валяешься, зачѣмъ въ горницы къ женѣ нейдешь?

— Скорѣй въ лѣсъ на съѣденіе волкамъ пойду, чѣмъ въ горницу твоей племянницы, Никифоръ Захарычъ, — оживляясь понемножку сказалъ Василій Борисычъ. — Сынъ Сираховъ гласитъ: «лучше жити со львомъ и зміемъ, неже съ женой лукавою. Всяка злоба мала противу злобы женской». ²⁾ А какова Прасковья умомъ вышла, самъ не хуже моего знаешь. Отъ нея болѣю, отъ нея горькіе мои недуги. Чуть ли не изломала желѣзный аршинъ объ меня. Ума и разсудливости у нея съ накопыльникъ ³⁾ нѣтъ, а дурости и злобы горы преввысокія. Хоть руки на себя наложить, вотъ она меня до чего довела.

— Человѣкъ я не книжный, — сказалъ на то Никифоръ Захарычъ, — силы писанія не разумѣю, а скажу, что отъ старыхъ людей слыхалъ: «не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нетопыръ, не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не мужъ въ мужьяхъ тотъ, кѣмъ жена владѣетъ». И у меня, голубчикъ, бывала жена Мавра, не знаю померла, аль въ живыхъ еще. Не честью мы съ ней были вѣнчаны, похмѣльнымъ окрутили меня. Борзая баба была, однакожь я и ее въ еже-

¹⁾ Лихорадка.

²⁾ Іисуса сына Сирахова XXV—18, 21.

³⁾ Поперечный брусокъ у саней, для связки верхнихъ концовъ копылемъ.

выхъ рукавицахъ держалъ, покамѣстъ на сторону она не сбѣжала. А потачки ей не давалъ, знала бы, что мужъ есть глава... А ты что? Фалалей, больше ничего

— Да, попробуйка-ка пальцемъ тронуть Прасковью Патаповну, — охая промолвилъ Василій Борисычъ. — Жизни не радъ будешь. Хоть бы уѣхать куда, пущай ее поживетъ безъ мужа-то, пущай попробуетъ, не бойсь и теперь каждый вечеръ почти шлетъ за мной: шелъ бы къ ней въ горницу. А я безъ рукъ, безъ ногъ куда пойду, съ печки даже слѣзть не могу. Нѣтъ ужъ, уѣхать бы куда-нибудь хоть бы на самое короткое время, отдохнуть бы хоть скольконибудь.

— Что жъ не попросишься у Патапа Максимыча? У него всякихъ дѣловъ по разнымъ мѣстамъ довольно. Попросись-ка ты, — молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— Не пошлетъ онъ меня, ни въ какомъ разѣ не пошлетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — И думать объ этомъ нечего

— Да, — нѣсколько подумавши, молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Не разъ онъ и мнѣ говаривалъ, что считаетъ тебя ни на какія дѣла непригоднымъ. Когда, говаривалъ, у Насти покойницы онъ на сорочинахъ былъ, говорилъ онъ таково умно, что мнѣ онъ полюбился. Таково хорошо да умно рассказывалъ про разныя страны, въ коихъ быть тебѣ доводилось, и про всякіе промысла, отъ коихъ народъ Божій кормится. И почелъ онъ тебя тогда человѣкомъ во всемъ достаточнымъ и сталъ онъ раздумывать, какъ бы тебѣ на Прасковѣ жениться, а потомъ послать на Горы промысла тамъ заводить. Жениться то, ты женился, а ни на какое дѣло не сгодился, говорилъ онъ послѣ. Отъ того отъ самаго у него и довѣрія къ тебѣ никакого нѣтъ. Точно, что онъ ни къ какому дѣлу тебя низа-

что не приставить и одного тебя ни за какимъ дѣломъ не пошлетъ.

— А зачѣмъ же меня силой женили? Хотѣлъ развѣ я жениться на этой колодѣ, сватался что ли? Обманомъ да силой изъ Комарова меня выкрали, вѣнчали супротивъ моей воли... А потомъ говорилъ онъ, что все это вотъ было его рукъ дѣло. А теперь отлынивать сталъ, намедни здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ говорилъ, что онъ дѣлу тому непричастенъ, — съ озлобленьемъ сказалъ Василій Борисычъ и, поворотясь, застоналъ и заохалъ.

— Ишь ты! Отлыниваетъ! — молвилъ Никифоръ Захарычъ и въ сильномъ раздумьи покачалъ головой. — А прежде точно, что не тѣ слова говорилъ онъ.

— Во всемъ я у него виноватъ, — горько промолвилъ Василій Борисычъ. — Съ тоски погулять пойдешь, на людей поглядѣть, и тутъ шуму да гаму не оберешься. Наплетутъ не вѣсть чего, чего никогда и не бывало. Просто до того я дошелъ, дядюшка Никифоръ Захарычъ, что хоть руки на себя наложить, такъ въ ту же пору.

— Ну, а ты ужъ не больно, — сказалъ Никифоръ. — Обожди, Богъ дастъ, перемелется — все мука будетъ. То ли еще я терпѣлъ по своей глупости, такіе ли мы виды видали, а вотъ по милости Господней все обошлось, какъ не надо лучше... И ты, другъ, потерпи и будетъ хорошо. А главное дѣло — примись-ка за какую ни на есть работу, пусть бы тестъ увидалъ, что ты не бездѣльничаешь, да пустяковиной больше не занимаешься. Себя въ примѣръ приведу: чать, и самъ ты слыхалъ, что былъ я совсѣмъ послѣднимъ человѣкомъ. Во хмѣлю жизнь проводилъ, воровалъ, когда не на что стало пить. Здѣсь у Патапа Максимыча и мѣста мнѣ не было, сестра не велѣла и къ дому близко подходить. А вотъ, какъ видишь, теперь не на ту стать

пошло. А отъ чего? Питъ бросилъ, за дѣло принялся, такъ и ты, другъ, принимайся помаленьку за какое-нибудь дѣло да полно день и ночь стихеры да псалмы распѣвать. Оно хотъ и божественное, а все-таки надоѣло всѣмъ.

— Одному этому я, дядюшка, и обыкъ, — молвилъ на то Василій Борисычъ. — Съ молоду ни къ какой работѣ не былъ приученъ.

— Человѣкъ ты еще не старый, Василій Борисычъ, ко всякому дѣлу могъ бы еще приобыкнуть, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Попробуй. Хочешь, я насчетъ этого поговорю съ Патапомъ Максимычемъ?

Василій Борисычъ ни слова не отвѣтилъ на это.

— Мнѣ бы въ Москву, — сказалъ онъ немного по-времени. — Хотъ и лишился я тамъ благодѣтелей, а все же своя родная сторона. Хотъ мірскимъ подаяньемъ питаться, только бы тамъ быть.

— Пустое выдумалъ, — молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Отъ добра добра не ищутъ, а у тебя добро подъ руками, только приневоль себя на первый разъ, работай хотъ въ токарнѣ, хотъ въ красильнѣ. Вѣдь, другъ, мѣсяца не пройдетъ, какъ Патапъ Максимычъ станетъ на тебя ласковымъ окомъ глядѣть. Поговорить, что-ли, мнѣ съ нимъ?

— Ни въ токарню, ни въ красильню ни за что на свѣтѣ не пойду — очень ужъ обидно будетъ передъ батраками, — сказалъ Василій Борисычъ. — Да къ тому же за эти дѣла я и взяться не съумѣю. Нѣтъ, ужъ лучше петлю на шею, одинъ, по крайней мѣрѣ, конецъ. А ужъ если такая милость, дядюшка, будетъ отъ тебя, такъ похлопочи, чтобы меня при тебѣ онъ послалъ. У тебя на чужой сторонѣ буду радъ-радехонекъ даже на побѣгушкахъ быть, опять же по письменной части во всякое время могу услужить. Мнѣ бы только отъ Парашки куда-нибудь подальше.

А у самого не то на умѣ. «Если бы только изъ заволжскихъ лѣсовъ выбратся, уѣхалъ бы къ старымъ своимъ благодѣтелямъ, авось бы и поладили какъ нибудь.»

— Ладно, молвлю ему, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Можетъ статья, и согласится, только, другъ, на согласье его я не больно уповаю. По себѣ сужу: когда пришла ко мнѣ Божья благодать и надъ гробомъ моей бѣлой голубушки, Настеньки покойницы, почувствовался и заклятье самъ себѣ далъ бросить непутную жизнь, не сразу онъ повѣрилъ мнѣ, не тотчасъ даже сталъ говорить со мной о чемъ-нибудь дѣльномъ. Съ полгода, а можетъ быть и подольше было такъ, и только тогда, какъ увѣрился онъ во мнѣ, сталъ дѣла довѣрять. Такъ, думаю, и теперь, что, не выдавши твоей работы и усердія, не отпуститъ онъ тебя изъ Осиповки, хотя бы и со мной. И то опять возьми, станешь ты отлучаться, станешь впрохолость¹⁾ жить, а Прасковья бабенка молодая и, хоть дебелая и толстая, а по всему видится, что горячая она и запальчивая, хоть правду сказать, умомъ и не вышла. Хоть Патапъ и самъ Прасковью не больно жалуетъ, но не будетъ согласенъ, ежели она безъ мужа по грѣхамъ пойдетъ. Нѣтъ, другъ, по моему надо тебѣ напередъ дома какимъ ни на есть дѣломъ хорошенько заняться, а жену вовремя ублаготворить, послѣ того онъ, пожалуй, и пуститъ тебя на сторону.

— Охъ, искушеніе! Да вѣдь солдати мужей и дольше ждуть, — тихонько пробормоталъ Василій Борисычъ.

— То солдати, — замѣтилъ Никифоръ, — а эта — отецкая дочь. Патапъ Максимычъ не дозволитъ, а ежели бы ты и лыжки куда наострилъ, такъ отъ

¹⁾ Житье по временамъ не вмѣстѣ съ женой.

него, другъ, не уйдешь: со дна морского достанетъ. Однако меня дорогой-то порядкомъ изломало. Пойти бы отдохнуть.

И съ этимъ словомъ пошелъ въ свою боковушку.

Приходилось Асафу караулить деревню подъ самый Михайловъ день, и о томъ повѣстилъ онъ друзей своихъ пріятелей. Ночи стояли безлунныя, а темная ночка во-рамъ, что матушка. Ждали они полной удачи въ задуманномъ дѣлѣ. Слѣдовъ не видно будетъ. Но съ утра Михайлова кануна погода вдругъ измѣнилась, сначала по небу пошли бѣловатыя косички, потомъ морозъ сталъ быстро спадать, а тутъ подулъ вѣтерокъ изъ гнилаго угла¹⁾. Мало-по-малу надвигалась на небо-склонъ снѣжная туча и скоро весь его заволокла. Посыпалъ снѣгъ, вѣтеръ стихъ. Чѣмъ дольше идетъ время, тѣмъ гуще и сильнѣй снѣгъ валить, и къ вечеру всю землю покрылъ. Сельщина-деревеньщина была рада ему, какъ дорогому гостю, не радовались только Илья, Миней да Асафъ. Того и гляди пороша помѣшаетъ ихней затѣѣ, по первому снѣжку увидятъ слѣды, придется отъ палатки лѣсомъ утекать, а лѣсомъ столько добра на себѣ не сволочешь, сколько можно его по дорогѣ стащить. Отъ дѣла однако всѣ трое были не прочь, задумано-затѣяно, когда Илья да Миней, одинъ послѣ другого, пришли въ избенку Асафа. Невзрачная была та изба, сквозь прогнившую тесовую крышу текли ручьи, сама изба скривилась на-бокъ, а ставней на окнахъ давнымъ-давно уже не было. Въ эту совсѣмъ почти заброшенную Асафову избу пришли воровскіе друзья его, а пришли врознь и въ разное время, одинъ пришелъ съ одной стороны Осиповки, другой съ другой, чтобы въ случаѣ коли бы накрыли, не замѣтили бы по слѣду, что двое заразъ

¹⁾ Юго-западъ.

изъ одного мѣста приходили къ Асафу. А ломы были уже наготовѣ, дня за три пріятели принесли ужъ ихъ въ Осиповку.

Къ вечеру вѣтеръ потянулъ съ полночи. Съ каждымъ часомъ онъ больше и больше усиливался, а свѣженькій, только-что выпавшій снѣжокъ струйками понесся по полямъ. Выше и выше поднимались съ земли эти струйки, повалилъ пухлый густой снѣгъ, замела метелица, поднялась пурга: завылъ полуночникъ¹⁾, воетъ онъ въ деревенскихъ печныхъ трубахъ, хлопаетъ, неприпертыми калитками и дверьми, шелеститъ въ сѣломѣ на овинахъ. Зикутавшись въ шубу либо въ армякъ, крестьянинъ, лежа въ избѣ, не на радуется. «Пришелъ и къ намъ Господь съ великой своей милостью, принесъ и намъ грѣшнымъ зиму-первопутку, отдохнетъ теперь Божій народъ на новой, гладенькой дорожкѣ, отдохнуть и наши лошадушки. Слава тебѣ Господи, всякихъ благъ подателю!»

А въ избѣ у Асафа не тому радуются. Вьюга всѣ слѣды замететъ, никто не примѣтитъ ихъ. Вьюга да непогода ворами первая подмога.

По всей деревнѣ потухли огни, потухли они и у работниковъ, теплились только лампадки предъ иконами въ домѣ Патапа Максимыча. Все заснуло, все притихло, только вѣтеръ сильнѣй и громче завываетъ въ дымовыхъ трубахъ. Ни на одномъ дворѣ собака не влаетъ. Только-что смерклось, Асафъ разбросалъ знакомымъ исамъ маленькой деревушки куски говядины съ какимъ-то зельемъ, принесеннымъ Минеемъ. Свернувшись въ клубокъ, собаки лежатъ по дворамъ и не чуютъ чужого.

Ясакъ свой сказалъ Асафъ пріятелямъ. Самъ будетъ тихо ходить, а увидитъ иль услушитъ что не-

¹⁾ Сѣверный вѣтеръ.

доброе — станетъ по клѣтѣмъ и заборамъ дубиной изъ всей силы поколачивать. Тогда хорони концы, береги хвосты, бѣги на утекъ, куда кто знаетъ.

И пошли Илья да Миней съ ломами къ палаткѣ. Окольнымъ путемъ шли они вкругъ деревни. Перелѣзли черезъ заборъ въ усадь Патапа Максимыча, подошли къ палаткѣ, слегка постукали по стѣнамъ ея ломами и, выбравъ болѣе другихъ способное для пролома мѣсто, принялись за работу. Асафъ между тѣмъ тихо похаживалъ по деревнѣ, прислушиваясь ко всякому шороху.

Въ эти дни у Василья Борисыча женины побой немного зажили, и началъ онъ ходить не только по избѣ въ подклѣти, но и по двору, выходя однако наружу только по ночамъ, чтобы грѣхомъ съ женой не столкнуться гдѣ. Ненависть къ ней сильно накопила въ немъ. Дни проводилъ онъ въ разговорахъ со старикомъ Пантелеемъ да съ Никифоромъ Захарычемъ, либо вполголоса напѣвалъ себѣ духовныя пѣсни да псалмы, а ночи просиживалъ на крылечкѣ подклѣти. Въ ночь на Михайловъ день и Никифоръ въ своей боковушкѣ, и старый Пантелей спали крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, а Василью Борисычу съ тоски не спалось. Въ избѣ было жарко и душно, и онъ вышелъ на крыльцо освѣжиться. Вьюга мететъ и крутитъ, но онъ сидитъ себѣ у входа въ подклѣть, вѣтромъ его тутъ не знобитъ, снѣгомъ не заноситъ. И раздумался Василій Борисычъ про житье-бытье свое, и какъ вспомнится ему, въ какую бѣду попалъ онъ, женившись на Прасковѣ, сердце такъ и замретъ, а на душѣ станетъ тоскливо и сумрачно.

Вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ стоялъ усадь Патапа Максимыча и палатка. Василій Борисычъ вдругъ услыхалъ какіе-то странные, глухіе удары; сначала подумалъ, что это ему показалось, но прислушиваясь,

яснѣй и яснѣй слышитъ удары. Раздумываетъ, чтобъ это такое было, и не можетъ сообразить хорошенько. Наконецъ вспало ему на умъ, ужъ не къ палаткѣ ли гости съ ломами да съ пешнями подѣхали. Сильнѣй сталъ онъ прислушиваться къ стуку. Точно палатку взламываютъ. Самъ идти будучи не въ силахъ, сталъ онъ Пантелея да Никифора Захарыча будить, но добудился нескоро, очень уже разоспались и тотъ и другой. Очнувшись, не вдругъ смекнули они, что говорить Василій Борисычъ, а когда поняли, пошли всѣ втроемъ на крыльцо послушать. Слушаютъ, — точно идетъ воровская работа ломомъ да еще не однимъ. Прислушиваясь къ звукамъ, Никифоръ замѣтилъ, что ломаютъ палатку въ два лома, одинъ побольше, другой поменьше.

Тутъ старый Пантелей, не тревожа народъ въ деревнѣ, пошелъ въ работныя избы людей поднимать, чтобъ они на воровъ осторожнѣй облаву сдѣлали и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, руками перехватили бы. На счастье вышло такъ, что, когда онъ переходилъ улицу, Асафъ былъ на другомъ концѣ Осиповки и при разыгравшейся вьюгѣ не замѣтилъ вдали человека. Немало нужно было времени, чтобы поднять на ноги токарей и красильщиковъ, не сразу они одѣлись. Наконецъ, человекъ до сорока работниковъ, на всякій случай съ дубинками и рогатинами, двинулись на воровъ. Тутъ подоспѣлъ Никифоръ Захарычъ, тоже незамѣченный караульщикомъ. Онъ распорядился, по скольку и куда отправляться рабочимъ. Сначала они все дальше и дальше отходили въ сторону отъ деревни, потомъ вдали другъ отъ друга пошли къ палаткѣ, чтобы густою толпой сразу окружить воровъ. Немного времени спустя, когда по расчету Пантелея облава приближалась уже къ палаткѣ, ступая тихо и осторожно и не говоря ни одного слова, одинъ по

одному рабочіе, до поры до времени остававшіеся въ въ своихъ избахъ, стали входить въ деревню. Было ихъ всего человѣкъ двадцать, у воротъ cadaго дома въ Осиповкѣ стало по человѣку, у кого дубина въ рукахъ, у кого веревка! Увидалъ ихъ Асафъ и тотчасъ смекнулъ, что дѣло Ильи съ Минеемъ выходитъ дрянъ. Немедля подалъ онъ изо всей мочи ясакъ и зачалъ колотить въ ворота своей избы, стоявшей на краю деревни. Между его избой и палаткой Чапурина никакихъ не было строеній, стало быть Ильѣ да Минею хорошо былъ слышенъ ясакъ. Они всполошились, побросали ломы и хотѣли было бѣжать, но работниковъ Патапа Максимыча набиралось на улицѣ больше и больше, и кромѣ ставшихъ у cadaго двора ихъ пришло еще по двое и по трое со двора, они стали въ каждомъ проулкѣ между крестьянскими усадьбами, да кромѣ того на Чапуринскій дворъ пришло не мало батраковъ, а оттуда на усадъ, стали по его окраинѣ, а сами впередъ ни шагу. Такими распорядками Никифора да Пантелея воры со всѣхъ сторонъ были окружены и некуда было выскочить, ни Ильѣ, ни Минею. Завидя работниковъ, приходившихъ другъ за другомъ въ деревню, Асафъ уже безъ счету сталъ колотить въ свои ворота, ровно всполохъ бить.

— Чего колотишь? — сурово сказалъ ему ставшій по близости красильщикъ.

— Караулю, — кутаясь въ шубенку, отвѣчалъ Асафъ.

— Коего лѣшаго караулишь? — закричалъ почти на него рабочій. — Кто тебя ставилъ на караулъ?

— Міромъ положено, — отвѣчалъ Асафъ, — а сегодня мой чередъ.

Въ это время слышались неистовые крики на усадѣ Чапурина. Они становились громче и громче. Раздались отчаянные вопли и стоны. Къ облавѣ побѣждали работники, что оставались на деревенской улицѣ,

шумъ поднялся еще больше, весь народъ въ Осиповкѣ до послѣдняго ребенка проснулся. Проснулись и самъ Патапъ Максимычъ и домашніе его. Онъ выбѣжалъ на улицу и увидалъ, что впереди работники ведутъ со связанными руками Илью да Минея, а за ними трехъ рабочихъ, всѣхъ въ крови отъ ударовъ ломами. Воры, не зная, что на нихъ собралась цѣлая облава, ударили работниковъ, что прежде другихъ прибѣжали къ палаткѣ, но потомъ, видя, что народа набѣжало пропасть, перестали защищаться и молча сдались. По приказу Патапа Максимыча заперли ихъ покамѣсть въ пустомъ амбарѣ, а только что разсвѣло, отправили въ станovou квартиру.

Когда все успокоилось, Патапъ Максимычъ сѣлъ въ верхнихъ горницахъ за самоваромъ вмѣстѣ съ Никифоромъ. Позвали чай пить и старика Пантелея, а Василій Борисычъ въ подклѣтѣ на печкѣ остался. Спать онъ не спалъ, а лежа свои думы раздумывалъ. Между тѣмъ Чапуринъ, расспрашивая, какъ узнали о подломѣ палатки при самомъ началѣ дѣла, подивился, что стукъ ломовъ первый услыхалъ Василій Борисычъ. Не сказалъ на то ни слова Патапъ Максимычъ, но по лицу его видно было, что онъ доволенъ.

— Да что онъ въ подклѣтѣ-то у васъ дѣлаетъ?— погода немного, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да ничего не дѣлаетъ, — сказалъ Пантелей. — Теперь вотъ дня съ три ему полегчало, такъ по днямъ больше читаетъ, а по ночамъ сидитъ на крыльцѣ, да что-то потихоньку попѣваетъ.

— Гм!—отозвался Патапъ Максимычъ и задумался, барабана по столу пальцами.

Прошло нѣсколько времени, Никифоръ Захарычъ прервалъ общее молчанье.

— Можно ли мнѣ попросить тебя на счетъ его, Патапъ Максимычъ?— сказалъ онъ вполголоса.

— О чемъ это?—быстро спросилъ у шурина Чапуринъ, но не гнѣвно, не сурово, какъ прежде бывало, когда про Василя Борисыча рѣчь заходила.

— Живетъ онъ у тебя безо всякаго дѣла, — сказалъ Никифоръ Захарычъ.— Ну, извѣстно, что каждый человѣкъ безъ дѣла, во всякое время можетъ съ ума спятить. По себѣ сужу, самъ отъ бездѣлья до того, бывало, доходилъ, что сталъ по всему нашему заволжью самымъ послѣднимъ человѣкомъ, знаться со мной никто не хотѣлъ, ребяташки даже походя надо мной смѣялись да надругивались, сколько имъ хотѣлось. Вывелъ меня Господь на добрую дорогу, и самъ ты не одинъ разъ говаривалъ, что дѣло у меня изъ рукъ не валится. Тяжело мнѣ было на доброй путь становиться, да видно молитвы Настеньки, нашей голубушки, до Бога доходны, вѣдь у смертнаго одра ея Богъ послалъ мнѣ перемѣну въ жизни. Слушая послѣднія слова ея, рѣшился я перемѣнить жизнь. Она, моя радость...

И не могъ больше говорить, залился слезами, склонясь на столъ и крѣпко обхвативъ голову руками.

— Полно, Микеша, полно, родной ты мой, — съ наворачувшимися слезами молвилъ Патапъ Максимычъ...—Не поминай! Было время, да ужъ нѣтъ его, была у меня любимая доченька, въ могилѣ теперь лежитъ, голубушка... Не воротись дней прошлыхъ, Микеша... Полно ты меня сокрушать. Богъ все къ хорошему въ здѣшнемъ свѣтѣ строить, ни коему человѣку не понять благодѣльныхъ путей Его. Про него-то что хотѣлъ говорить ты? Про пѣвуна-то нашего, про посланника архіерейскаго?

— То хотѣлъ я сказать про него и о томъ тебя просить: не вводи ты его во грѣхъ и напастъ. Дай

ты ему какое нибудь дѣло,—молящимъ голосомъ сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Много было у меня на него, безпутнаго, надежды, — нѣсколько нахмурясь, сказалъ Патапъ Максимычъ.—И никакого толку изъ него не вышло. Къ чему ни приставлялъ его для-ради надзора за работами, куда ни посылалъ его, никакого толка не выходило. Нѣтъ, ужъ такой онъ безпутный, что на добрую стезю его не направишь. Да еще что на дняхъ вздумалъ—ты еще не прѣзжалъ тогда: худа ли хороша ли у него жена, а все-таки однакожъ, жена, а онъ къ дѣвкамъ на посидѣлки повадился. Путное ли это дѣло, самъ посуди, вѣдь это всему дому моему зазоръ. Такъ или нѣтъ?

— Не мнѣ судить объ этомъ, Патапъ Максимычъ,—сказалъ Никифоръ Захарычъ, — самъ былъ я во сто кратъ его хуже,—промолвилъ онъ, опустя голову.—А вѣдь ты отпустилъ же мнѣ мое безпутство и прегрѣшенія, а имъ вѣдь и числа нѣтъ. Отъ чего жъ бы тебѣ не постараться зятя на истинный путь наставить? Вѣдь не чужой тебѣ...

— Наставишь его! какъ же! — молвилъ Чапуринъ.

Задумался Патапъ Максимычъ и сказалъ потомъ.

— Развѣ вотъ что: поѣдешь куда, возьми его, чтобъ онъ во всемъ изъ твоихъ рукъ смотрѣлъ.

— Что жъ, я ото всей души радъ и на него надѣюсь,—отвѣчалъ Никифоръ Захарычъ.

— Такъ вотъ, надо мнѣ послать тебя въ Красну Рамень, на мельницы,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Возьми ты его съ собой, только чуръ глядѣть за нимъ въ оба, да чтобы не балбѣсничалъ, а занимался дѣломъ, какое ему поручишь. Да чтобы мамошекъ тамъ не заводилъ—не въ мѣру до нихъ онъ охочъ. Хоть и плохенькій, взглянуть кажется бы не на что, а такой

ходокъ по части женскаго пола, что другого такого не вдругъ сыскать

— Да ужъ я постараюсь, чтобы пустяками-то онъ не занимался,—сказалъ Никифоръ Захарычъ.—Добраго слова онъ завсегда послушается, а бранью да насмѣшками... только пуще его раздражишь. Узналъ я его хорошо и сдается мнѣ, что можно исправить его и приспособить ко всякому дѣлу

— Такъ бери его въ Красну Рамень, поглядимъ, что выйdetъ. Поговори сегодня же съ нимъ, а ежели еще подсыплеть снѣжку, поѣзжайте съ Богомъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.— А теперь немножко и соснуть успѣемъ. Эхъ, они проклятые, какъ у насъ всю ночь перебулгачили. А ты, Пантелеюшка, наряжай каждую ночь къ палаткѣ караулъ: кто ихъ, мошениковъ, знаетъ, можетъ статья не эти двое, а цѣлая шайка стакнулася разграбить ее. Узнали, значитъ, окаянные, что не пустая стоитъ. Оборони Господи отъ бѣды, вѣдь добро-то въ ней не свое, а чужое положено... Да вотъ еще, Пантелеюшка: молви заутро стряпкамъ, чтобы работникамъ пироговъ напекли, да надо будетъ въ Захлыстино за виномъ да мировомъ съѣздить.

Послѣ того всѣ по своимъ мѣстамъ разошлись.

Съ большою охотой, даже съ радостью выслушалъ Василій Борисычъ отъ Никифора, что тотъ хочетъ взять его съ собой въ Красну Рамень. Хоть и не на долгое время, а все-таки подальше отъ постылой жены. Тамъ на мельницахъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ слушать ни приставацій, ни ругани ея, ни тестевой брани, ни насмѣшекъ работныхъ людей.

Выѣхали изъ Осиповки недѣли черезъ полторы послѣ подлома палатки. На прощанье строго наказывалъ Па-

тапъ Максимычъ зятю, чтобъ онъ во всемъ слушался Никифора, и безъ его спроса шага не ступилъ бы, промолвивъ, что ежели на мельницахъ будетъ онъ полезенъ и о томъ Никифоръ скажетъ по возвратѣ домой, тогда Василью Борисычу будетъ житье совсѣмъ не такое, какое до той поры было. Простился съ зятемъ Чапуринъ по доброму, по хорошему, ласково простилась съ нимъ и теща, а Прасковья Патаповна злобно завывала въ источникъ голосъ, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ не одинъ разъ битаго ею мужа.

— Да на что жь это похоже, да что жь это такое?— на весь домъ голосила она.—Нешто на то онъ женился, чтобы надолго покидать молодую жену? И то недѣли двѣ онъ ко мнѣ не прихаживалъ!.. Хоть бы простился съ женой въ ея горницѣ, какъ быть слѣдуетъ всякому мужу съ женой. И того не смыслить, шутъ этакій.

Молчалъ Василій Борисычъ, ровно воды въ ротъ набралъ

Пристала къ отцу Прасковья Патаповна, требуетъ, чтобъ оставилъ онъ дома Василья Борисыча.

Молчалъ сначала Патапъ Максимычъ, но когда любезная дочка надоѣла ему просьбами и воплями, строго прикрикнулъ на нее:

— Замолчишь ли, дурища ты этакая! Хоть бы стѣнъ-то постыдилась, безстыжая. Молчать у меня! Не то плетки попробуешь. Давно она по тебѣ тоскуетъ.

Прасковья Патаповна вдругъ присмирѣла, услыхавъ родительскую угрозу. Сухо простилась она съ мужемъ, а тотъ ей хоть бы единое слово промолвилъ.

Не задолго до сумерокъ тронулись изъ Осиповки Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ. Никифоръ правилъ парой добрыхъ лошадокъ, хорошо зналъ онъ въ лѣсахъ всѣ пути и дороги, въ прежнее пьяное время они были имъ исхожены. Василій Борисычъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ въ легонькихъ санкахъ-казанкахъ. Когда

поѣхали, стала подувать непогода: синее небо потускло, и полный почти мѣсяцъ заволокло ровно пухлыми бѣлыми тучами, повалили хлопья снѣга и забушевала метель. Ничего не стало видно въ пяти шагахъ, дорогу замело, а на бѣду ѣхали чаще, ни деревца, ни кустика, и все, что было на виду, сплошь теперь покрыто было снѣгомъ. Никифоръ Захарычъ убѣдился, что онъ сбился съ дороги и не можетъ опознаться, въ какія мѣста заѣхалъ, а казалось ему, что отъѣхали они уже верстъ пятнадцать, если не больше. Деревни въ той сторонѣ частыя, не больше версты или въ полтора другъ отъ дружки стоятъ, но вотъ ихъ какъ на бѣду ни одной не попадается. А волки такъ и прядаютъ возлѣ санокъ, еще хорошо, что колокольчикъ былъ навязанъ на дугѣ, звѣрь, сколь ни силенъ, сколько ни золь, все-таки его побаивается. Со страха робкій Василій Борисычъ дрожмя дрожалъ; ему казалось, что теперь такая опасность наступила, предъ коей почти ничего не значила даже скачка, сломя голову, по пылающему лѣсу на другой день послѣ перваго сближенья съ постылою теперь и ненавистною женой.

— А вѣдь мы сбились съ дороги то, — сказалъ, наконецъ, Никифоръ Захарычъ.

— Полно ты! — въ ужасѣ вскрикнулъ Василій Борисычъ.

— Ей-богу сбились, — молвилъ Никифоръ. — Судя по времени, надо бы давно намъ Зименки проѣхать, а вотъ теперь ни ихъ и никакого другаго жилья не видать. Бѣда, просто бѣда!

— Охъ, искушеніе! — въ отчаяніи проговорилъ Василій Борисычъ. — Этакъ пожалуй замерзнемъ, либо волки насъ съѣдятъ.

— Мудренаго нѣтъ, — равнодушно отозвался Никифоръ.

А лошади пріустили межъ тѣмъ и едва двигаются

по сугробамъ, а вьюга разыгрывается все пуще да пуще.

— Что жъ намъ теперь дѣлать? — слезнымъ голо-
сомъ спросилъ немного погодя Василій Борисычъ.

— На волю Божью положиться! Что пошлетъ Богъ,
то и будетъ,—отвѣтилъ Никифоръ. — Ежели кони со-
всѣмъ стануть, надо будетъ въ снѣгъ зарываться. Ска-
зываютъ, такъ не замерзнешь.

— Охъ, искушеніе! Господи, Господи! Царица
небесная, спаси и помилуй, — вскрикнулъ Василій Бо-
рисычъ и сталъ читать одну молитву за другою.

А давно ли, кажется, натерпѣвшись жениныхъ по-
боевъ и наслушавшись брани тестя, раздумывалъ онъ,
какъ рѣшить съ самимъ собой, утопиться либо уда-
виться.

Никифоръ Захарычъ опустилъ вожжи и далъ лоша-
дямъ волю итти, куда знаютъ. Только изрѣдка похле-
стывалъ ихъ, чтобы не стали. Долго путали они, на-
конецъ, вдалекѣ слышались лай и вой нѣсколькихъ
собакъ, волковъ, значитъ, почуяли. Никифоръ сталъ
править лошадей на доносившійся лай.

— Ну теперь, Богъ дастъ, куда-нибудь пріѣдемъ,—
сказалъ онъ, и Василій Борисычъ началъ читать бла-
годарныя молитвы за спасеніе отъ напрасной смерти.

Собачій лай становился все громче и громче, стало
видимо, что путники подъѣзжаютъ къ какой-то де-
ревнѣ. Вотъ, наконецъ, и прясла околицы, виднѣется
и строенье. Въ крайней, большой, но запущенной
избѣ виднѣнъ огонь. Къ той избѣ и подъѣхали. Ни-
кифоръ постучалъ въ ворота и громкимъ голосомъ
крикнулъ:

— Эй вы, крещеные! Не дайте людямъ напрасно
погибнуть, укройте отъ непогоды.

Въ избѣ пошелъ какой-то неясный говоръ, и черезъ
нѣсколько времени слышался старческій голосъ:

— Постоите маленько, родимые, сейчас отомкнемся Наталья, подь отпори добрымъ людямъ.

Вскорѣ растворилась калитка. Предъ прїѣзжими стояла женщина, сколько можно было замѣтить, еще молодая.

— Ведите подъ навѣсъ коней,—сказала она,—а въ избу-те вотъ направо будетъ крыльцо. Ужь не поропщите на насъ, съ лучиной-то на дворѣ ходить въ такую непогодь опасаемся, а фонарика по недостаткамъ у насъ не случилось.

Поставивъ лошадей, Никифоръ съ Василиемъ Борисычемъ вошли въ избу. Не приборна она была, и сразу замѣтно, что запущена лишь въ послѣднее время, но все же таки въ ней было тепло, а для прїѣзжихъ это было всего дороже.

— Какъ ваша деревня прозывается, старинушка?—спросилъ Никифоръ Захарычъ, войдя въ избу и снимая съ себя промерзшую дубленку. Онъ позамѣшкалъ немного, убирая лошадей. Василий Борисычъ въ это время успѣлъ ужъ скинуть шубу и залѣзъ въ теплое мѣстечко, на полати.

— Деревня Поромово, милый человѣкъ, деревня Поромово,—отвѣчалъ старикъ-хозяинъ.

— А далеко-ль отъ васъ будетъ Осиповка?—спросилъ удивленный Никифоръ.

— Да какъ тебѣ сказать, не то пять, не то шесть верстъ, близехонько.

— Проплутали же мы!—молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Я думалъ, что мы верстъ пятнадцать отѣхали, а всего-то пять проплутали. Да и попали не въ ту сторону, куда надобно.

— А въ кое мѣсто путь держите?—спросилъ старикъ.

— Въ Красну Рамень,—отвѣчалъ Никифоръ.

— И впрямь заѣхали не по дорогѣ,—молвилъ ста-

рикъ.—Да что за мудрость сбиться путемъ въ такую вьюгу. Вѣдь свѣту Божьяго не видно. Долго ли тутъ до бѣды!...

Запасливый Никифоръ Захарычъ захватилъ изъ Осиповки небольшой самоварчикъ. Надрогшись отъ стужи, захотѣлъ онъ чайку испить. Василій Борисычъ тоже былъ не прочь отъ чая. Никифоръ принесть изъ саней самоваръ и погребецъ съ посудой, а хозяинъ кликнулъ въ сѣни:

— Наталья, подь-ка сюда!

Немного повременя, вошла въ избу молодая дѣвушка, какъ видно, сильная и работающая, но лицо было у нея истощенное, ровно изношенное, блѣдное, вѣки красныя, глаза масляные, нахальные, безстыжіе; съ перваго взгляда видно было, что пожила она и потѣшилась.

— Поставь гостямъ самоварчикъ. А что Параньки все еще нѣтъ?

— Еще не приходила,—молвила Наталья.

— Опять на всю ночь загуляла,—сказалъ старикъ.— Ну, а ты ставь самоваръ-отъ.

И Наталья скорымъ дѣломъ принялась за самоваръ.

— Изъ Осиповки ѣдете, честные господа, аль подалѣ откуда?—сидя на передней скамьѣ, спросилъ хозяинъ у Никифора, тоже залѣзшаго на полати поразогрѣть себя послѣ такой вьюги.

— Изъ Осиповки,—отвѣтилъ тотъ.

— Не отъ Патапа ли Максимыча ѣдете? — опять спросилъ старикъ

— Отъ него отъ самага, — отвѣтилъ Никифоръ. — Въ Красну Рамень на мельницы послалъ насъ.

— Довольно извѣстны про Патапа Максимыча,—сказалъ старикъ. — Оно и дѣло-то сосѣдское, и близехонько отъ него живемъ. Опять же въ красные дни мои много я милостей отъ него видалъ.

— А какъ звать-то тебя, старина? — очнувшись отъ дремоты, спросилъ Василій Борисычъ.

— Трифонъ Михайлычъ буду, по прозванію Лохматый, — молвилъ старикъ.

Всѣмъ тѣломъ дрогнулъ Никифоръ Захарычъ. Вотъ куда занесла его вьюга, ко отцу ненавистнаго Алешки. Никогда не могъ онъ простить ему Настинѣ смерти. Никифоръ все зналъ, а чего не зналъ, о томъ давно догадался.

Замолчалъ онъ, не говоритъ ни слова и Василій Борисычъ. Между тѣмъ Наталья поставила самоваръ на столъ, поставила умѣлою рукой и разставила вынутую изъ погребца посуду. Видно было, что въ прежнее время не жила она въ такихъ недостаткахъ, какіе теперь довелось ей испытывать.

Слѣзли съ палатей Никифоръ Захарычъ и Василій Борисычъ и, усѣвшись на скамѣ, предложили чай-сахаръ и хозяину, и ставившей самоваръ Натальѣ. За чаемъ пошла рѣчь про Патапа Максимыча. Заговорилъ Трифонъ Лохматый.

— Благодарѣтель онъ бывалъ намъ въ прежнее время. То-есть не самому мнѣ, а большому сыну моему, Алексѣю. А Алексѣй въ тѣ поры Бога еще не забывалъ, родителямъ былъ покоренъ и деньги, что давалъ ему своею щедрою рукой Патапъ Максимычъ, въ домъ приносилъ. Былъ тогда я человѣкомъ зажиточнымъ, да напасть нашла на меня, токарня сгорѣла. И послалъ я тогда Алексѣя сколько-нибудь заработать, чтобы справиться, а былъ онъ самый первый токарь по всей сторонѣ и полюбился Патапу Максимычу и тотъ ему безпримѣрныя милости дѣлалъ. Да вы, господа честные, не свои ли будете Патапу Максимычу?

— Да, — сказалъ Никифоръ, — я ему шуринь, а это зять, на дочери его женатъ...

— Довольно слыхали, дѣло вѣдь недалекое, — ска-

залъ Трифонъ Лохматый. — Самъ-отъ я хотъ отъ роду не бывалъ у Патапа Максимыча, а знаю все, народъ-отъ вѣдь говорливъ и ротъ у него не зашить, — прибавилъ онъ.

— Какъ же это при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ никогда ты не бывалъ у Патапа Максимыча, онъ вѣдь въ здѣшней сторонѣ человѣкъ на виду, — молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— И больно даже на виду, — сказалъ Лохматый. — Первый человѣкъ по всему, да дѣла-то никогда у меня такого не доводилось, чтобы у него въ домѣ быть. Когда Господь меня еще миловалъ, когда еще Онъ, Праведный, не смирялъ моей гордыни, ни до кого мнѣ не было дѣла, ни до коего человѣка. Опрічь себя да семейныхъ своихъ и знать бывало не хотѣлъ... А когда дошелъ я до бѣдности, стыдно и совѣстно стало водиться съ такими людьми, какъ Патапъ Максимычъ. Еще, пожалуй, придетъ ему на мысль, думаю я себѣ, не за милостью ли какой пришелъ я, и вотъ я къ нему ни ногой. Ежели я видалъ отъ него большія милости, такъ онѣ были дѣланы сыну моему за его усердіе. Патапъ-отъ Максимычъ возлюбилъ его, какъ родного сына, ничего для него не жалѣлъ, ну, а я иное дѣло... Что ему до меня? Поди и не знаетъ, каковъ есть на свѣтѣ человѣкъ Трифонъ Лохматый. Большому кораблю большое и плаваніе, а мы что? У меня въ послѣдне-то время и мыши въ амбарѣ перевелись съ голодухи. Потому, по самому въ дружбѣ да въ пріятельствѣ мнѣ съ Патапомъ Максимычемъ быть не доводится, а кланяться ему да всячески подслуживаться не хочу... Умирать стану съ голоду, а никому не поклонюсь; во всю жизнь одному только богачу поклонился я. Христомъ Богомъ просилъ помощи моей старости, помощи родной семьѣ, и то ничего не выпросилъ. И тотъ богачъ былъ свой чело-

вѣкъ. Послѣ того какъ я чужому богачу руку протяну, какъ я ему стану про бѣдность свою рассказывать? Нельзя, никакъ нельзя.

Рому бутылку изъ погребца вынулъ Никифоръ Захарычъ и пуншикъ сдѣлалъ. Три стаканчика опорожнилъ съ гостями Трифонъ Лохматый и пуще прежняго разговорился.

— Да, Никифоръ Захарычъ, — такъ началъ онъ, — да, любезный ты мой, надо всякимъ человѣкомъ Господня сила. Но кто знаетъ, какъ ее снесетъ? Не въ судъ и не въ осужденіе будь тебѣ сказано, самъ ты каковъ прежде былъ человѣкъ? По всей сторонѣ додольно про то вѣдаютъ. А какъ возсіяла надъ душой твоей сила Господня, сталъ ты теперь совсѣмъ иной. Былъ ты никуда негодящимъ человѣкомъ и плохо бывало тебѣ. А теперь, какъ послушу, мало на свѣтѣ такихъ умныхъ, хорошихъ людей, какъ ты. А ежели отъ кого отступить сила Господня, тутъ сейчасъ врагъ. И какъ только онъ проклятую свою силу возыметъ надъ какимъ ни на есть человѣкомъ, будь онъ самый добрый, самый хорошій, станетъ злымъ и отъявленнымъ врагомъ всего добраго. По своимъ знаю, вѣдаю, какова бываетъ сила бѣсовская, ежели она поведетъ хорошаго добраго человѣка подъ себя...

— Это правда, — молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Какъ только начнетъ человѣкъ жить не по хорошему, нечистый тотчасъ въ его душу, и Господня благодать его покинетъ... По себѣ знаю, Трифонъ Михайлычъ.

— Былъ у меня Алексѣй, — послѣ недолгаго молчанія продолжалъ Лохматый. — Парень былъ разумный, смирный такой, разсудительный. А изъ себя красота, всѣмъ взялъ, и лицомъ, и ростомъ, и дородствомъ. И на всякую работу по дому только его взять, во всякомъ крестьянскомъ обиходѣ бывало его только взять. Смышленный по всему парень былъ, любоваться

бывало только на него. А по токарной части до того дошелъ, что не было ему еще полныхъ двадцати лѣтъ, какъ первымъ, самымъ то есть самолучшимъ токаремъ по всей здѣшной сторонѣ славился. По всему хорошій былъ парень, къ отцу, къ матери почтительный, о братишкѣ да объ сестрахъ заботливый, по дому во всемъ старатель. Спать бывало не ляжетъ, не при-смотрѣвши всего во дворѣ. хоть за день-отъ совсѣмъ истомится въ токарнѣ. Бывало, мы съ женой покойницей не наладуемся на своего разумника. Подросточекъ мой Савушка тоже было по братнимъ стопамъ пошелъ, дочери были ракодѣльницы хорошія, помощницы моей Абрамовны. Добрая она у меня была хозяйка, вотъ только еще двадцать недѣль какъ померла. Жили мы въ довольствѣ, жили да Бога благодарили... Вдругъ иные дни наступили, посѣтилъ насъ Господь испытаніями, токарня сгорѣла, лихіе люди позавиствовали,—подожгли. А по скорости и въ клѣти похозяйничали, все почти добро повытаскали. Коней пару угнали невѣдомо куда. И съ той поры по бѣдамъ я пошелъ. Послалъ я тогда большаго сына въ работу къ Патапу Максимычу, и возлюбилъ его Патапъ Максимычъ паче всякой мѣры, деньгами пожаловалъ, такъ что мы и токарню новую поставили, и животиной обзавелись, только ужъ такой спорыньи по хозяйству, какъ прежде была у меня, не стало. Не на кого было всѣмъ дѣломъ положиться, большой сынъ на сторонѣ въ работѣ, Савушка еще не дospelъ, однакожъ и его я послалъ ложкарить — ловкій ложкарь изъ нашего мальчика вышелъ. Взяться не кѣмъ, самому не подъ силу была работа, къ седьмому десятку тогда ужъ подходило, ну и захирѣло все по дому. Полугода не прошло, какъ куда-то послалъ Патапъ Максимычъ Алексѣя по своимъ дѣламъ и наградилъ его не по заслугамъ. Ну, тутъ бы еще ничего: въ домъ деньги отдалъ,

а тутъ по скорости пали къ намъ слухи, что женился онъ на богатой вдовѣ, а женился безъ родительскаго благословенія. А домъ у меня все падалъ да падалъ, бѣды пришли великія, дочери нехорошими дѣлами стали заниматься и тѣмъ мою Абрамовну въ могилу свели. Саввушка тоже не добрымъ путемъ жизнь повелъ, въ солдаты нанялся, гдѣ теперь онъ, сердечный, не знаю, не вѣдаю: угнали куда-то въ дальнія мѣста голубчика. Такъ вотъ и остался я бобыль бобылемъ, въ тоскѣ, слова не съ кѣмъ сказать, а я человѣкъ старый и немощный, вотъ скоро семьдесятъ лѣтъ исполнится, а вѣдь и въ Божьемъ писаніи сказано: «что больше того, одинъ трудъ и болѣзнь».

Подъ это слово старика Наталья принесла сковороду съ яичницей и, низко поклонясь гостямъ, вышла вонъ.

— Покушайте, гости дорогіе, — сказалъ Трифонъ Лохматый, придвигая сковороду къ нимъ. — Не постѣтуйте, что лучше чего нибудь не поставилъ. Было бы прежнее время, не такъ бы я васъ угостилъ, а теперь дѣлать нечего — недостатки и безхозяйство.

— Нечего беспокоиться, не для чего было и глазунью на столъ ставить, — молвилъ Никифоръ Захарычъ. — За одно тепло тебѣ большое спасибо, ишь выюга то какъ разыгралась, такъ и завываетъ. Безъ твоего крова да безъ твоей доброты совсѣмъ бы намъ пришлось замерзнуть.

— Такъ вотъ, гости мои дорогіе, — немного погодя продолжалъ свой рассказъ Трифонъ Лохматый, — сынокъ у меня тысячами ворочаетъ, кажись бы могъ помочь отцу при его крайности, анъ нѣтъ, не туда оно пошло, не тѣмъ пахнетъ, женины деньги и все ея имѣнье мой Алексѣй къ своимъ рукамъ подобралъ, и она, несчастная, теперь сама безъ копѣйки сидитъ. Отцу тоже ничего не даетъ, забылъ хлѣбъ соль роди-

тельскую, забылъ родимый домъ и брата забылъ и сестеръ, всю свою семью. Не о томъ теперь у него думы, не обо мнѣ попеченье. Былъ я у него, какъ онъ еще въ нашемъ городу проживалъ, теперь, слышь, на Низъ куда-то уѣхалъ и тамъ въ Самарѣ другимъ домомъ обзавелся, а прежній продалъ. Прихожу я къ нему въ домъ, настоящій дворецъ, мало такихъ въ городѣ. Насилу до него допустили. Увидались однако, такъ онъ хотъ бы бровью повелъ послѣ долгой разлуки, хотъ бы кусокъ черстваго хлѣба, хотъ бы чашку чая подалъ отцу-то. Поговорилъ я съ нимъ, сказалъ про свои нужды, такъ онъ хотъ бы словечко какое-нибудь вымолвилъ, а на прощанье отъ такого богатства далъ пятирублевую, «отвяжись, дескать, ты отъ меня» Такъ вотъ какія нынче дѣтки-то бываютъ: ты ихъ пой, корми, вырасти, а послѣ того они и знать тебя не захотятъ.

— Давно я его знаю, — нахмурившись и злобно глядя въ сторону, сказалъ Никифоръ Захарычъ: — всегда былъ безпутнымъ, всегда умѣлъ за добро зломъ платить.

Вьюга не переставала, и Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ остались ночевать у Лохматаго. Къ утру стихла погода, и они собрались въ путь, но Лохматый, какъ они ни отговаривались, не пустилъ ихъ, не угостивши на прощанье блинами да яичницей.

На мельницахъ-крупчаткахъ въ Красной Рамени Никифоръ тотчасъ по пріѣздѣ принялся за дѣло, и оно у него закипѣло, принялся за него и Василій Борисычъ, сначала горячо, а потомъ съ каждымъ днемъ охлаждѣвалъ къ работѣ, потомъ совсѣмъ облѣнился, опустился и все время проводилъ въ постели, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и только распѣвая стихеры. Скука была для него непомѣрная, а потомъ напала тоска. Напрасно Никифоръ Захарычъ уговаривалъ его

приняться за работу, просилъ и молилъ его, ничто не помогало. Попрежнему Василій Борисычъ валялся на постели да попѣвалъ стихеры. А у самого только и на умѣ: «Куда бы дѣваться, чтобы не видаться съ противною женой. Ни за что на свѣтѣ не ворочусь къ ней въ Осиповку. О, Господи, ежели бѣ Ты ее развязалъ со мной! Отъ нея отъ одной такое вышло мнѣ положеніе. Безъ нея могъ бы я къ своимъ воротиться, а при ней сдѣлать того никакъ невозможно, вѣнчанная жена да еще вѣнчана-то въ великороссійской!—Вотъ оно искушеніе-то!»

Ровно услышана была молитва Василья Борисыча: за недѣлю до Рождества получилъ онъ отъ тестя коротенькую записочку: «Пріѣзжай сколь возможно скорѣе. Параша лежитъ при смерти»

И лошади были присланы. Нимало не медля, Василій Борисычъ собрался въ путь и поѣхалъ въ Осиповку. Дорогой работникъ рассказалъ ему все, что зналъ про болѣзнь Прасковьи Патаповны. Недѣли полторы тому, какъ она въ банѣ парилась, а оттуда домой пошла очень уже налегкѣ да, говорятъ еще, на босу ногу, а на дворѣ-то было вьюжно и морозно. Босыми-то ногами, слышь, въ сугробъ попала, ну и слегла на другой день. Много ли такой надо? Самъ знаешь, какая она тѣломъ нѣжная, не то, что у насъ, простыхъ людей, бабы бывають, той ни вьюга, ни сугробъ ни почемъ.

— Что жь, она въ памяти?—спросилъ Василій Борисычъ.

— Въ памяти-то, слышь, еще покуда въ памяти, а сказываютъ, начала заговариваться, — отвѣчалъ работникъ.

— Что жь? за лѣкаремъ въ городъ посылали или нѣтъ, — продолжалъ свои разспросы Василій Борисычъ.

— Какъ же не посылать, посылали, — отвѣчалъ работникъ.

— Что же онъ говоритъ?

— Что говоритъ, — про то я не знаю. Знаю только, что пробылъ онъ у Патапа Максимыча не очень долго и только что уѣхалъ, меня за тобой послали, а другого работника Селиверста въ Городецъ за попомъ.

Встрепенулось сердце у Василья Борисыча — «Авось не отлежится, авось не встанетъ! Охъ, искушеніе!» подумалъ онъ.

Онъ засталъ жену безъ языка. Такъ и не пришлось ему двухъ словъ сказать. На похоронахъ онъ громко подпѣвалъ городецкимъ дьячкамъ, — скитницы не пожаловали пѣть къ Патапу Максимычу, очень уже сердилась на брата мать Манеѳа, — и сама не поѣхала, и другимъ не велѣла ѣздить. Всѣ ея словъ послушались, никто изъ собирательницъ не пріѣхалъ въ Осиповку.

Спустя недѣли полторы послѣ похоронъ, Патапъ Максимычъ позвалъ зятя къ себѣ въ горницу и сказалъ:

— Вижу я, Василій Борисычъ, что изъ тебя никакого толку не будетъ. Зачѣмъ же вмѣстѣ намъ жить, быть въ тягость другъ другу? Разойдемся-ка мирно, по доброму, по хорошему. Не поминай меня и домъ мой лихомъ. О сынѣ своемъ, о Захарушкѣ, заботы не имѣй, теперь онъ на рукахъ у Дарьи Сергѣвны, а будетъ у Груни, какъ ей станетъ посвободнѣй и ежели Дарья Сергѣвна хозяйкой въ домѣ останется. А по времени, если будетъ Богу угодно, всѣ мои достатки ему съ Груней пополамъ отдамъ. А на Аксиныю Захаровну разсчитывать нечего, и съ радостью бы понянчилась

со внучкомъ, да сама на ладанъ дышитъ. Лекаря къ Парашѣ привозили, поглядѣлъ онъ на Захаровну и сказалъ, что не жилища она на свѣтѣ, до весны ни въ коемъ разѣ не проживетъ. Такъ разойдемся-ка лучше, Василій Борисычъ: у тебя своя дорога, у меня своя, не будемъ мѣшать другъ другу. Знаю, что тебѣ въ люди дѣваться некуда, такъ вотъ на обзаведенье да на прожитокъ. Пиши, чтобы знать, гдѣ находишься, по силѣ возможности стану тебѣ каждый годъ присылать на житье. Прощай. Дарю тебѣ пару лошадокъ да санки, поѣзжай, куда знаешь. А это возьми.

И подалъ ему увѣсистый бумажникъ.

Молча принялъ Василій Борисычъ подарокъ тестя и низко ему поклонился.

Такъ и разстались. Ни съ той, ни съ другой стороны на разставаньѣ сожалѣній не было. Василій Борисычъ радостно уѣхалъ изъ тестева дома.

Кинулся онъ въ одинъ скитъ, кинулся въ другой, нигдѣ не принимаютъ. Тогда поѣхалъ на старое пепелище въ Москву. Тамъ была такая же встрѣча отъ Рогожскихъ. Кланяться даже никто съ нимъ не кланялся, Гудой предатемъ всѣ обзывали. Купилъ тогда Василій Борисычъ на одной изъ московскихъ окраинъ небольшой деревянный домикъ и поселился тамъ. И вѣчно одинъ, а безъ людей жить нельзя, — обуяетъ тоска одиночества, самая мучительная тоска, какая только есть на свѣтѣ. Отвернулся Василій Борисычъ отъ Рогожскихъ и съ другими людьми знакомство повелъ. Мало-по-малу пересталъ онъ и думать объ архіереяхъ, хотя такъ недавно еще служилъ имъ вѣрой и правдой. Какъ человѣкъ, много видавшій и много изъ старообрядской жизни знающій, онъ для многихъ былъ занимателенъ. И скоро нашелъ не мало близкихъ пріятелей, добрыхъ людей изъ православныхъ. А на Рогожское ни шага.

Груня съ Марѳой Михайловной усердно хлопотали надъ изготовленьемъ приданаго, и все сдѣланное ими было такъ хорошо, что всё, кто ни видѣлъ его, не могъ налюбоваться. Все было сдѣлано и богато, и съ большимъ умѣньемъ. Петръ Степанычъ купилъ большой помѣстительный домъ. По совѣтамъ и указаньямъ на каждую мелочь Сергѣя Андреича, онъ устроилъ свой домъ на славу. Съ нетерпѣньемъ ждалъ Самоквасовъ Крещеньева дня, чтобы сыграть свадьбу, но пришлось помедлить: около Крещенья умерла Прасковья Патаповна; нельзя было Патапу Максимычу прямо съ похоронъ на свадьбу ѣхать, а безъ него Дуня никакъ не хотѣла выходить замужъ, — «онъ въ горькіе мои дни замѣсто отца мнѣ былъ, — говорила она, — заботился обо мнѣ все одно, какъ объ родной дочери, какъ же можно мнѣ безъ его бытности, безъ его благословенія вѣнецъ принять». Рѣшились повременить, а какъ въ томъ году мясоѣдъ былъ короткій, то списавшись съ Патапомъ Максимычемъ, положили обвѣнчаться предъ масляницей. Хотя не очень-то нравилось это Петру Степанычу, но дѣлать нечего, надо было согласиться.

Такъ какъ Самоквасовъ еще никакихъ торговыхъ дѣлъ не заводилъ, то и наперсникъ его, Семень Петровичъ, саратовецъ, жилъ пока у прежняго хозяина Ермолая Васильича. Понадобилось ему по какому-то дѣлу Семена въ Москву послать, а кстати свезти на Керженецъ ежегодное подаяніе, чтобы потомъ лѣтомъ въ другой разъ туда не посылать. Саратовецъ по дорогѣ заѣхалъ къ Самоквасову и засталъ его въ большихъ хлопотахъ по отдѣлкѣ новокупленного дома. Не надивится Семень Петровичъ убранству, какимъ украшалъ домъ его пріятель, а когда узналъ, что у него скоро свадьба съ богатѣйшею дочерью покойника Смолокурова, которую видалъ онъ въ Комаровѣ, такъ только руками развелъ отъ удивленья. Замѣтилъ онъ

тутъ, что Петръ Степанычъ неохотно говоритъ про скиты и про былыя тамъ проказы, что вмѣстѣ они тамъ выкидывали

Поѣхалъ Семень Петровичъ въ Комаровъ и тамъ по обыкновенію присталъ у Таисеи, въ обители Бояркиныхъ. Не бывавъ тамъ года полтора, съ тѣхъ поръ какъ увезли Василья Борисыча да Прасковью Патаповну, много новаго узналъ онъ отъ Таисеи, узналъ, что мать Манеѣа совсѣмъ разошлась съ братомъ, а сама чуть не въ затворъ затворилась, передавъ управленіе обительскими дѣлами Фленушкѣ, для чего та постриглась въ иночество и теперь стала матерью Филагріей.

— Увидите и не узнаете прежнюю Фленушку, — говорила Таисея. — Ровно восемь мѣсяцевъ, какъ она уже въ инокиняхъ. Все подъ руку подобрала, никто въ обители безъ позволенія ея шагу сдѣлать не можетъ. Строга была Манеѣа, а эта еще строже, какъ самъ знаешь, первая была проказница и заводчица всѣхъ проказъ, а теперь совсѣмъ другая стала; теперь вздумай-ка бѣлица мірскую пѣсню запѣть, тотчасъ ее подъ началъ, да еще пожалуй въ чуланъ. Всѣ у нея ходятъ какъ линь по дну. Ты когда идти къ ней собираешься?

— Да завтра думаю, — отвѣтилъ Семень Петровичъ.

— Иди пораньше, — молвила Таисея. — Скоро-то она до себя никого не допускаетъ, особливо ежели кто изъ постороннихъ, не изъ скитскихъ, значить. А о прежнихъ проказахъ лучше и не поминай, вонъ выгонитъ.

— Ну, ужъ и выгонитъ? — голосомъ сомнѣнія сказалъ Семень Петровичъ.

— Вотъ увидишь. Попробуй только, — молвила Таисея. — Да еще и твоему хозяину напишетъ, чтобы

ни впредь, ни послѣ онъ тебя въ скиты не посылалъ.

— Не можетъ быть того, — отвѣтилъ Семень Петровичъ. — Вѣдь мы старые съ ней знакомые.

— Что было, то былью поросло, благодѣтель. Говорю тебѣ, стала она совсѣмъ другой человѣкъ.

Не очень-то довѣрялъ словамъ Таисеи Семень Петровичъ и знакомымъ путемъ пошелъ къ кельямъ Манеѣы. И путь не тотъ былъ, какъ прежде. Тогда по зеленой луговинѣ пролегала узенькая тропинка и вела отъ одной къ другой, а теперь была едва проходима дорожка, съ обѣихъ сторонъ занесенная высокими снѣжными сугробами, чуть не въ ростъ человѣка. Отряхиваясь отъ снѣга, налипшаго на сапоги и самое платье, пошелъ саратовецъ на крыльцо Манеѣы, и вдругъ увидалъ, что предъ нимъ по сѣнямъ идетъ съ какою-то посудой Марьюшка.

— Тебя откуда принесло, непутнаго? — не то съ робостью, не то съ радостью спросила она, увидя его.

— Изъ города Саратова, голубушка, ты моя Марьюшка, Ермолай Васильевичъ прислалъ съ падаяніемъ. Ну здравствуй, моя дорогая. Что отворачиваешься? Поздороваемся попрежнему, обними покрѣпче, поцѣлуй горячѣй, — началъ было Семень Петровичъ, но Марьюшка руками на него замахала.

— Тише, — сказала она, — тише, услышитъ матушка, бѣда будетъ мнѣ, да и тебѣ наладно! Нынче у насъ такія строгости пошли, что и рассказать нельзя, слова громко не смѣй сказать, улыбнуться не смѣй, какъ разъ матушка на поклоны поставитъ. Ты ступай покамѣстъ вотъ въ эту келью, обожди тамъ, пока она позоветъ тебя. Обожди, не поскучай, такіе ужъ нонѣ порядки.

— И всѣ эти строгости завела Фленушка? А я было совсѣмъ иного чаялъ. Помнишь?

— Молчи, — сказала Варьюшка и, затворивши дверь кельи, скрылась въ переходахъ игуменской стаи.

Долго взадъ и впередъ ходилъ по кельѣ Семень Петровичъ. Это была та самая келья, гдѣ въ прежнее время жила Фленушка. Сколько проказъ тутъ бывало, сколько хохота и веселья, а теперь все стало могилой, съ самихъ стѣнъ, казалось, вѣяло какою-то скукой. Порядочно-таки прошло времени, какъ вошла въ келью молодая, пригожая, но угрюмая и сумрачная бѣлица. Ея никогда не видывалъ саратовецъ, бывая прежде въ Комаровѣ.

Мать Филагрія сидѣла за столомъ, когда вошелъ Семень Петровичъ и внимательно перебирала письма и другія бумаги. Положивъ уставной началъ, низко поклонился онъ матери-игуменѣ. Тутъ только взглянула на него Филагрія и поспѣшно опустила на глаза флеровую наметку.

— Какими это судьбами не въ урочное время пожаловалъ къ нашему убожеству? — тихо промолвила мать Филагрія. — Въ прежніе годы лѣтомъ всегда пріѣзжалъ, а теперь вдругъ передъ масляницей. Ужъ здоровы ли всѣ, Ермолай Васильчъ и домашніе его?

— Слава Богу, и Ермолай Васильчъ, и всѣ его домашніе здравствуютъ и вамъ кланяться наказывали, — отвѣчалъ Семень Петровичъ. — А такъ какъ довелось мнѣ по хозяйскому дѣлу въ Москву ѣхать, такъ Ермолай Васильчъ и заблагоразсудилъ, чтобы я теперь же заѣхалъ къ вамъ въ Комаровъ съ ежегоднымъ подаеніемъ, какое каждый разъ отъ него посылагается.

— Спаси Господи и помилуй своими богатыми милостями благодѣтеля нашего Ермолая и всѣхъ присныхъ его, — вставъ съ мѣста и кладя малый началъ, величаво сказала Филагрія. — Клавдюша! — кликнула она незнакомую Семену Петровичу послушницу, что у новой игуменьи въ ключахъ ходилъ

Неслышными шагами вошла та и смиренно стала у притолки.

— Поставь, Клавдеюшка, самоваръ да сberi намъ чайку поскорѣе,—сказала мать Филагрія.—Да закусокъ поставь закусить, водочки, мадерцы, еще что тамъ есть.

— Слушаю матушка, — съ низкимъ поклономъ отвѣтила послушница и торопливо вышла вонъ изъ кельи.

— Что матушка Манеѳа, какъ ея спасеніе?—спросилъ, немножко помолчавъ, Семень Петровичъ.

— Что матушка Манеѳа? Стара, дряхла, но духомъ бодра, плотью же немощна, — отвѣчала Филагрія. — Всего больше по хилости своей да по слабости тѣлесныхъ силъ и поставила она меня на свое мѣсто въ начальницы обители. А это дѣло не легкое. Особенно трудно ладить съ окольными мужиками, каждому стащить бы что со скита, Бога не боятся и совѣсти нѣтъ въ глазахъ. Ну да Богъ дастъ, ежели оставятъ насъ на старыхъ мѣстахъ, уладимся съ ними, теперь они все нашей выгонки ждуть и надѣются, что обительскія строенія имъ достанутся. Тяжело съ ними ладить, охъ, какъ тяжело, Семень Петровичъ! Скажите Ермолаю Васильичу — не оставилъ бы насъ убогихъ при теперешнихъ нашихъ тѣсныхъ обстояніяхъ своими благодѣянiями... Привезли ли что-нибудь?

— Какъ же, привезъ, матушка, — отвѣчалъ саратовскій прикащикъ.—Только Ермолай Васильевичъ наказывалъ отдать изъ рукъ въ руки матушкѣ Манеѳѣ. Должно-быть, не знаетъ о перемѣнѣ у васъ въ обители.

— Матушка Манеѳа ни въ какія дѣла теперь не вступаетъ, всѣ дѣла по обителямъ мнѣ препоручила, — сказала мать Филагрія. — Теперь она здѣсь, въ Комаровѣ, пріѣхала сюда на короткое время, а живетъ больше въ городѣ, въ тѣхъ кельяхъ, что накупила на

случай выгонки. Цѣлая обитель у нея тамъ, а я здѣшними дѣлами заправляю, насколько подаетъ Господь силы и крѣпости. Отдайте мнѣ, это все одно и то же. И прежде вѣдь матушка Манеѳа принимала, а расписки всѣмъ я писала. Ермолаю Васильичу рука моя известна.

— А матушку Манеѳу можно видѣть?—спросилъ Семень Петровичъ.

— Никакъ нельзя,—отвѣчала Филагрія. — Еле бродитъ, врядъ ли до весны дотянетъ.

Семень Петровичъ передалъ письмо и деньги матери Филагріи. Та, прочитавши письмо, молча и низко поклонилась, потомъ сосчитала деньги и написала расписку.

— Долго ли здѣсь прогостишь?—спросила она его.

— Гостить долго мнѣ не приходится, — отвѣтилъ Семень Петровичъ. — Въ Москву спѣшу по хозяйскимъ дѣламъ. Завтра бы утромъ, пожалуй, и выѣхалъ.

— А здѣсь-то у кого присталъ? — спросила Филагрія.

— Да все на старомъ, насиженномъ мѣстѣ, у матушки Таисеи въ обители, — сказалъ Семень Петровичъ.

— Напрасно, не совѣтовала бы я, — молвила на то мать Филагрія — И Таисея напрасно приняла тебя. Время теперь опасное, хоть до лѣта по письмамъ нашихъ петербургскихъ благодѣтелей ничего и не предвидится, а все-таки на грѣхъ могутъ нагрѣнуть. И вдругъ въ женской обители посторонняго мужчину найдутъ, и Богъ знаетъ, что изъ этого выведутъ! Нонѣ сторонніе, что въ Комаровъ пріѣзжаютъ, у иконника, у Ермилы Матвѣича, пристають. Вотъ бы тебѣ тамъ и остановиться, а ты попрежнему прямо въ святую обитель. И Таисея-то дура набитая, что пустила

тебя... Ну, да одинъ-отъ день еще, пожалуй, ничего, авось Богъ милостивъ, а ежели дольше останешься въ Комаровѣ, къ Ермилу Матвѣичу переходи, тамъ дѣло безопаснѣе.

Подъ это слово послушница Клавдеюшка внесла самоваръ и принялась уставлять столъ чайнымъ приборомъ и другой разными закусками и напитками.

— Подкрѣпитесь-ка напередъ водочкой либо винцомъ какимъ-нибудь, а послѣ того и за чаекъ примемся,—молвила мать Филагрія.

Семень Петровичъ не заставилъ долго просить себя, выпилъ и закусилъ.

За самоваромъ мать Филагрія протолжала рассказъ свой о тяжести обительскихъ хлопотъ, что такъ неожиданно легли на ея плечи, жаловалась на судьбу, но обо всемъ говорила строго, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— И по всей обители хлопотать и по всемъ другимъ скитамъ,—говорила мать Филагрія.—Къ намъ попрежнему, какъ при матушкѣ Манеѣ, всѣ благодѣтели имѣютъ довѣріе и на наше имя высылаютъ подаянія. И отовсюду, особенно изъ Петербурга и Москвы, письма къ намъ только пишутъ, а въ нихъ пишется все, что и до другихъ скитовъ касается. Отъ одного отъ этого голова иной разъ кругомъ пойдетъ. А тутъ еще разбирай иной разъ ихнія свары да ссоры. Тяжеленько, Семень Петровичъ, иной разъ очень тяжело приходится. Вы скажите обо всемъ объ этомъ Ермолаю Васильичу, пожалѣлъ бы хоть сколько-нибудь насъ смиренныхъ. Водочки-то другую рюмочку искушали бы,—прибавила она, указывая гостю на столикъ съ напитками и закусками.—Осетринки кусочекъ возьмите, отмѣнная осетрина, мало бываетъ такой, въ продажѣ и вовсе нѣтъ. Отъ Смолокуровыхъ, отъ Дарьи Сергѣевны на поминъ души Марка Данилыча прислана.

— Захлопоталась сама-то, должно быть, — замѣтилъ Семень Петровичъ. — Вѣдь въ скорости послѣ родительскихъ похоронъ была просватана за Петра Степаныча.

Бровью даже не повела мать Филагрія при словахъ Семена Петровича. Хоть иноческая наметка была у нея совсѣмъ назадъ закинута, но въ лицѣ ея не замѣтно было ни малѣйшаго волненія, какъ будто разговоръ касался людей, совершенно ей чуждыхъ.

— Что же? — твердымъ и спокойнымъ голосомъ, помолчавъ немного, проговорила она. — Оба они люди мірскіе, иночества на нихъ не возложено. Еще въ земномъ раю, насажденномъ на востокѣ, Господь Богъ сказалъ: «Не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощника.» Не обрѣтется такового, и Господь создалъ Адаму жену. И апостолъ сказалъ «лучше жениться, чѣмъ разжигаться.» ¹⁾ Самоквасовъ сказываютъ, отъ дяди большое богатство получилъ, а у нея въ шесть, либо въ семь разъ того больше. Слава Богу, есть чѣмъ жить, есть чѣмъ хозяйство управить. А хозяйство самое первое дѣло, какъ у богатыхъ, такъ и у неимущихъ. Ее разумомъ и добрымъ нравомъ Господь не обидѣлъ, и, если удастся ей забрать мужа въ руки, у нихъ въ дому самымъ лучшимъ порядкомъ пойдетъ, и хозяйство и все, а если онъ станетъ всѣмъ въ дому верховодить, рано ли, поздно ли, ихнее богатство прахомъ пойдетъ. Кланыйтесь, Семень Петровичъ, имъ отъ меня — и ему, и ей; скажите, старица-молъ, Филагрія, добраго здоровья и отъ Бога счастья желаетъ имъ.

И съ этими словами опустила на лицо наметку изъ двойного флера.

— Мадерцы хоть рюмочку искушали бы, — величаво

¹⁾ 1 къ Коринѳянамъ VII, 9.

промолвила она.—Вино хорошее, изъ Москвы благодѣтелями прислано.

На этотъ разъ твердый голосъ ея будто немного дрогнулъ и какъ ни укрыто было лицо ея подъ двойною наметкой, Семену Петровичу показалось, будто слеза блеснула на очахъ матери Филагріи. Но тотчасъ же все исчезло, и предъ нимъ попрежнему стояла спокойная, ничѣмъ невозмутимая мать игуменья.

— Еще маленькую калишку, Семень Петровичъ, извольте выкушать.—На дорожку посошокъ,—сказала она, слегка улыбаясь.

— Прощайте, Семень Петровичъ, — сказала ему она.—Ермолаю Васильичу и всѣмъ домашнимъ его поклонитесь отъ меня и ото всей нашей обители. Скажите имъ, что мы всегдашніе ихъ молитвенники. А отвѣтъ сегодня же вамъ пришлю. Только на счетъ будущаго времени, прошу я васъ, у матери Таисеи и ни въ какой другой обители не останавливайтесь, а случится пріѣхать въ нашъ скитъ, взѣзжайте къ Ермилу Матвѣичу иконнику. Строго объ этомъ накажу и матери Таисеи и прочимъ игуменьямъ. Прощайте, Семень Петровичъ, всякаго вамъ благополучія.

Величаво, спокойно и безъ малѣйшаго смущенія, простилась мать Филагрія съ заѣзжимъ саратовцемъ, не разъ бывшимъ свидѣтелемъ затѣйныхъ проказъ ея.

Стояла она предъ нимъ, ровно совсѣмъ другой челоуѣкъ, чѣмъ полгода тому назадъ, когда они собирали къ вѣнцу Василья Борисыча.

Нѣсколько времени въ глубокомъ раздумьѣ простояла она среди кельи. Потомъ, будто оправившись и придя въ себя, громко кликнула:

— Клавдеюшка!

Послушница ровно изъ земли выросла: ожидая приказаній игуменьи, она стояла на мѣстѣ, низко опустя голову.

— Прибери здѣсь все. Поскорѣе, — сказала Филагрія.

Тотчасъ все было прибрано, и самоваръ, и водка съ московской мадерой, и закуски. А когда совсѣмъ прибралась, Филагрія сказала ей:

— Кто бы, по какому бы дѣлу ко мнѣ ни пришелъ, никого не допускай. Всѣмъ говори: письма, молъ, къ благодѣтелямъ пишетъ.

Вышла послушница изъ кельи, и Филагрія заперлась изнутри. Потомъ пошла въ боковушу и тамъ ринулась на кровать. Спрятавъ голову въ подушки, судорожно она зарыдала. Но ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго знака внутренней тревоги бывшей Фленушки

Настало, наконецъ, давно ожидаемое всѣми близкими время Дуниной свадьбы. Вѣнчались они въ послѣднюю пятницу предъ масленицей, послѣ того, по церковному уставу, девять недѣль вѣнчать было нельзя. Дня за четыре до свадьбы Дуня съ Груней и съ женихомъ поѣхали поклониться гробамъ родителей. Предъ вступленіемъ въ новую жизнь Дуня считала сердечною необходимостью, по старому обычаю, помолиться надъ ними. Чубаловъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ въ Смолокуровскомъ домѣ и устроилъ такіе же почти обѣды и ужины, какіе бывали при жизни Марка Данилыча. Поклонившись родителямъ, Дуня спѣшно стала собираться обратно и звала Герасима Силыча къ себѣ на свадьбу. Чубаловъ, оставивъ Иванушку домовничать, поѣхалъ вмѣстѣ съ ней.

Только-что вошла Дуня въ отцовскій домъ, письма ей подали. Они только-что получены были Герасимомъ Силычемъ, и онъ, съ часу-на-часъ ожидая хозяйку, удержалъ ихъ у себя. Оба письма были изъ Луповицъ: одно отъ отца Прохора, другое отъ Вареньки.

Радостно отецъ Прохоръ приносилъ Дунѣ поздравленія со вступленіемъ въ супружескую жизнь и благодарилъ ее за новую, совсѣмъ неожиданную присылку, съ просьбой помолиться объ ней и объ ея женихѣ въ тотъ день, когда предположили они вѣнчаться. «А особенно утѣшили вы меня тѣмъ, писалъ отецъ Прохоръ, что свадьбу желаете справить въ единовѣрческой церкви и потомъ остаться въ оной навсегда, а зловредный расколъ всесовершенно откинуть и, ограждая истинною вѣрой, до смертнаго часа пребывать отчужденною отъ душепагубнаго раскола. Хотя и не мало соболѣзную я тому, что не вошли вы прямо во спасительную ограду святой церкви, но и тому несказанно радъ, что вошли, такъ-сказать, въ церковное средостѣніе. Несказанно ото всей души моею радуюсь, что вы находитесь теперь подъ церковною сѣнію; подай вамъ, Боже, скорѣй и совершенно душевнаго исцѣленія отъ пагубныя язвы раскола. Молюсь и непрестанно, дондеже есмь, буду творить о васъ и о будущемъ вашемъ супругѣ молитвы и моленія о вашемъ благочестномъ житіи, мирѣ въ вашемъ семействѣ и о божественной благодати, которую да ниспошлетъ Владыка міра на домъ вашъ. Молю же васъ и слезно прошу подвизаться въ дѣлахъ христіанскаго милосердія и украшать душу свою посильною милостынею и иными плодами любви евангельской; паче же всего хранить чистоту душевную и тѣлесную. При семъ не умолчу и о здѣшнихъ происшествіяхъ, въ послѣднее время бывшихъ. Николай Александрычъ взятъ и невѣдомо куда отвезенъ, такъ что въ Луповицахъ теперь остались только Андрей Александрычъ съ супругой и съ дочкой, къ имѣнію же приставлена опека, и опекунъ ни на самое короткое время изъ Луповицъ не выѣзжаетъ. О Марьѣ Ивановнѣ имѣются самыя достовѣрныя свѣдѣнія: якобы и она взята и неизвѣстно

гдѣ заключена; сказываютъ, въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ-то очень далеко; слышалъ я о томъ въ консисторіи, а тамъ сіи вѣсти идутъ отъ самого владыки, стало-быть совершенно вѣрны. Изъ простого народа также не мало забрано, даже духовнаго званія, въ томъ числѣ извѣстный вамъ заштатный дьяконъ Мемнонъ Ляпидаріевъ. Вообще идетъ переборка пребогшая не токмо въ нашей епархіи, но и въ сосѣднихъ открываютъ множество фармазоновъ, по преимуществу изъ благородныхъ. Премного радуюсь, что отъ васъ не было никакихъ писемъ или посылокъ ни къ господамъ Луповицкимъ, ни къ Марьѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ открывшихся нынѣ фармазоновъ. А то теперь такое время, что за малѣйшее съ ними сношеніе всякаго привлекаютъ къ суду и законной отвѣтственности. Взяты, рассказываютъ, даже два архимандрита, единственно по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ фармазонами, не говоря ужъ о свѣтскихъ людяхъ. Затѣмъ, прекратя сіе писаніе, вновь приношу наичувствительнѣйшую и глубочайшую нашу благодарность ото всего нашего семейства за ваше неоставленіе въ бѣдной нашей долѣ, паче же всего отъ всей души моей и отъ всего сердца молю и просить не престану прещедраго и неистощимаго въ своихъ милостяхъ Господа Бога, да изліетъ на супружескую жизнь вашу всякія блага и милости къ вамъ. Да пошлетъ Онъ, Всесвятый, свое благословеніе на новую жизнь, въ кою намѣреваетесь вступить, да пошлетъ вамъ съ супругомъ отъ горнаго престола своего премногія свои милости.»

Напротивъ того, безотрадно и отчаянно было письмо Вареньки. «Господь тебѣ судья, что ты не захотѣла раздѣлить съ нами плачевной участи, насъ постигшей,—писала она.— Впрочемъ, кто жъ не старается избѣжать земного горя, кто не стремится къ избѣжанію житейскихъ печалей? Много ли найдется на свѣтѣ

такихъ, кто бы были безпечальными и радостно пошли бы на земныя мученія? По истинѣ только одни избранные и носящіе на себѣ горнее помазаніе, свыше даруемое. А у насъ несчастія великія: дядю Николая Александрыча и тетеньку Марію Ивановну взяли жандармы и невѣдомо куда увезли, полагають, что въ Петербургъ; думаютъ и то, что оба они заключены въ неизвѣстно какихъ монастыряхъ. Много взято и другихъ разнаго званія людей, бывавшихъ у насъ на собраніяхъ въ Луповицахъ. А тетеньку забрали въ ея новомъ имѣніи въ Фатьянкѣ. Это въ вашей губерніи, невдалекѣ отъ того города, гдѣ ты живешь. Неужели ты и этого не знала, а зная, не помогла отъ великаго твоего богатства нужною суммой для освобожденія столь много любящей тебя тетеньки? Говорятъ, что это сдѣлать было очень легко, да и денегъ требовалось бы не Богъ знаетъ сколько, такъ что при теперешнихъ твоихъ достаткахъ освободить тетеньку было бы дѣломъ пустяшнымъ. Сама я этихъ дѣлъ не понимаю, но наши всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что ежели бы ты захотѣла ее выручить, то было бы легко и для тебя безобидно. Очень на тебя сѣтуютъ и нехорошо отзываются, но я много короче ихъ знаю тебя и доброе твое къ каждому человѣку сострадательное сердце, чтобы вѣрить такимъ навѣтамъ. Скорѣй такъ полагаю, что ты вовсе ничего не знала о нашемъ несчастіи, не знала и о положеніи нашихъ дѣлъ. Развѣ что не знала, какъ и къ кому обратиться? Такъ у тебя, конечно, есть довѣренныя люди, которымъ безъ страха и опасенія можно было поручить это дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ ты совершенно неожиданно скрылась изъ Луповицъ, кромѣ того, что батюшка твой скончался и ты стала владѣть милліонами, мы о тебѣ никакой вѣсточки не имѣемъ. Обѣщала тетенька по пріѣздѣ въ Фатьянку разузнать о тебѣ и

увѣдомить насъ, но отъ нея писемъ не получали, потому что меньше чѣмъ черезъ недѣлю ее взяли, а также иныхъ изъ фатьянскихъ, которыхъ она вывезла изъ симбирскаго имѣнія. Потому я и думаю, что когда тетеньку взяли, ты о такихъ нашихъ несчастіяхъ и не знала, а въ противномъ случаѣ непременно бы могла отъ своихъ великихъ достатковъ. Иначе и думать нельзя, особенно мнѣ, когда знаю твою доброту и то, сколь много любила ты тетеньку: вѣдь она тебѣ вмѣсто матери была и первая озарила тебя навечернимъ свѣтомъ истины. Подай намъ о себѣ вѣсточку, добрая, милая моя Дуня, какъ ты поживаешь въ новомъ своемъ положеніи, а главное, останешься ли вѣрна тому, куда была приведена безграничною къ тебѣ любовью тетеньки Марьи Ивановны. Пожалѣй ее несчастную, пролей слезу отъ сердечнаго участія къ печальной ея судьбѣ. А мы и сами находимся въ ежедневномъ страхѣ, ожидая дней скорби и печалей. Дѣло, какъ надобно полагать, еще не кончено, берутъ то того, то другого изъ бывавшихъ у насъ, и другихъ совершенно неизвѣстныхъ намъ людей, мужчинъ и женщинъ, и при томъ изъ такихъ городовъ и селеній, которыхъ никто изъ нашихъ никогда и не знавалъ. Вѣрно дѣло идетъ большое, до всѣхъ добираются, говорятъ, что даже самые архимандриты призваны къ отвѣту и лишены своихъ мѣстъ, не упоминаю ужъ о попахъ, монахахъ и прочаго званія духовныхъ людяхъ. Есть слухъ о нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ, что одни взяты, а другіе отданы подъ надзоръ полиціи. Мы всѣ, а также иные изъ нашихъ дворовыхъ и крестьянъ, тоже находимся подъ полицейскимъ надзоромъ, недѣли не проходитъ, чтобы кто-нибудь не наѣзжалъ въ Луповицы, исправникъ либо становой приставъ. Впрочемъ ихъ надзоръ легкій, весь состоитъ изъ угощенія, и батюшка чѣмъ

можетъ, не оставляетъ ихъ. А приставленный отъ полиціи солдатъ живетъ въ Луповицахъ безвыходно, но отъ него никакого безпокойства не видимъ. Вотъ каковы печальныя наши обстоятельства, милая Дунюшка, пожалѣй насъ въ несчастіи. Вспомни нашу дружбу, нашу съ тобой дружбу и любовь, и не забывай Луповицъ и всего, что тамъ узнала и чему научилась.»

Прочтя письмо Вареньки, Дуня бросила его въ топившуюся печку, а письмо отца Прохора положила въ шкатулку, гдѣ лежали разныя бумаги ея и документы. Это письмо прочитала она потомъ жениху.

— Вотъ какъ! — выслушавъ письмо отъ Прохора, молвилъ Петръ Степанычъ. — Съ никоніанскими попами въ перепискѣ.

— Что жъ? — сказала Дуня. — Этотъ самый священникъ сказывалъ мнѣ, что разница между нами и великороссійскими въ одномъ только наружномъ обрядѣ, а вѣра и у насъ, и у нихъ одна и та же, и между ними ни въ чемъ нѣтъ разности. А вотъ Герасимъ Силычъ всѣ вѣры произошелъ, и онъ однажды говорилъ мнѣ, что сколько вѣръ онъ ни знаетъ, а правота въ одной только держится.

— Въ какой же? — съ любопытствомъ спросилъ Самоквасовъ.

— Въ великороссійской, — отвѣтила Дуня.

— Въ великороссійской, — сказалъ Петръ Степанычъ и крѣпко задумался.

— Я самъ тѣхъ же мыслей, — тихонько молвилъ онъ невѣстѣ.

— А давно ли? — спросила Дуня.

Но разговоръ тѣмъ и кончился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Свадьбу сыграли на славу, ни Дуня, ни Петръ Степанычъ денегъ на то не жалѣли. Но свадебный пиръ прошелъ скромно и безшумно, такъ какъ Петръ Степанычъ не успѣлъ еще обзавестись знакомыми на новомъ мѣстѣ житья-бытья. На свадебномъ пиру были только совсѣмъ осиротѣвшій Патапъ Максимычъ, Аграфена Петровна съ мужемъ, оба Колышкины, Чубаловъ, Никифоръ Захарычъ, Семень Петровичъ, только и всего. Какъ ни звали Дарью Сергѣевну, сколько ее ни уговаривали, не поѣхала изъ Осиповки, говоря, что совсѣмъ ужъ разлучилась со свѣтомъ и стала чуждою всѣхъ его радостей. Только икону на благословенье прислала молодымъ.

Всю масленицу и великій постъ молодые никуда не выѣзжали, бывали только у Колышкиныхъ, и они у нихъ. Петръ Степанычъ купилъ пару кровныхъ рысаковъ — кони заглядѣнье. На нихъ почти каждый день катались Самоквасовы. Такъ какъ Петръ Степанычъ еще не пріискалъ, какимъ торговымъ дѣломъ заняться, то и отпустилъ въ Москву своего пріятеля Семена Петровича, наказавъ ему, чтобы по веснѣ, онъ, оставивъ дѣла у Ермолая Васильича, пріѣзжалъ къ нему. А самъ придумалъ заняться отцовскимъ промысломъ, хлѣбною торговлей: мѣсто же, благо, было подходящее и выгодное, не даромъ всѣ почти тамошніе торговцы вели хлѣбную торговлю, а онъ со своимъ да съ женинымъ капиталами такой могъ торгъ завести тамъ, какого еще и не видывали. По самой веснѣ Петръ Степанычъ вздумалъ ѣхать въ низовыя мѣста, тамъ снять изъ оброка казенныя земли и устроить на нихъ хутора и всякое иное хозяйство. Дуня не хотѣла разстаться со своимъ молодымъ, она также собиралась

весной ѣхать съ мужемъ въ понизовыя мѣста. Патапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ туда же собирались: тамъ у него было тоже хуторное заведеніе. Уговорились сплыть всѣ вмѣстѣ на одномъ пароходѣ, ждали только Оминой недѣли. Какъ ни уговаривалъ Груню съѣздить вмѣстѣ и Патапъ Максимычъ, съ нимъ не поѣхала: и то ея дѣти по случаю свадьбы Самоквасовыхъ долго оставались подъ призоромъ нянекъ, хоть и были все время въ томъ же городѣ, гдѣ жила ихъ мать, но за свадебными хлопотами она почти не видала ихъ.

Настала Святая недѣля, и въ послѣдніе ея дни Патапъ Максимычъ получилъ письмо отъ Махмета Субханкулова. Тутъ вышла остановка въ поѣздкѣ на Низъ. Дуня и сама на рѣшалась ѣхать такъ далеко и мужа не отпускала безъ себя на пароходъ, — хотѣлось ей прежде повидаться съ незнакомымъ еще ей дядей.

Въ надеждѣ на полученіе двухъ тысячъ цѣлковыхъ, оренбургскій бай сдержалъ слово, данное имъ покойному Марку Данилычу, а потомъ Патапу Максимычу, сдержалъ его даже раньше договореннаго срока. Нѣсколькими недѣлями прежде удалось ему русскаго полонянника высвободить изъ хивинскаго плѣна. Выкупилъ ли Махметъ Субханкуловъ его за деньги или подпоилъ хана вишневою наливкой, на славу приготавливаемою Дарьей Сергѣвной, про то они только оба знали; извѣстно было лишь то, что Мокей Данилычъ со страстной недѣли жилъ въ Оренбургѣ въ домѣ Субханкулова, выжидавшего обѣщанныхъ ему денегъ. Мокей Данилычъ, совсѣмъ было перезабывшій родной языкъ, написалъ Патапу Максимычу письмо какими-то каракульками на половину русскими, на половину татарскими. О томъ, что есть у него племянница, покойника Марка Данилыча дочь, онъ хорошенько не зналъ, одно лишь смутное понятіе имѣлъ

объ ней отъ оренбургскаго бая. Письмо дошло до Чапурина, но нескоро дошло оно до Дуни: а она, какъ только узнала, тотчасъ выслала Субханкулову обѣщанныя деньги, а Мокею Данилычу на проѣздъ изъ Оренбурга, и онъ вскорѣ воротился въ родную свою губернію. Не мало времени разъѣзжалъ онъ, былъ въ городѣ, гдѣ жилъ покойный братъ его, и теперь встрѣтилъ его Герасимъ Силычъ Чубаловъ. Наконецъ явился къ замужней уже племянницѣ.

Въ оборванномъ и насквозь просаленномъ архалукѣ пришелъ онъ къ Дунѣ. Глядя на ея богатый домъ, не осмѣлился онъ вдругъ подступиться къ нему. Только дворникъ сказалъ ему, что дѣйствительно тутъ живетъ Авдотья Марковна Самоквасова, и что она предъ масленицей вышла замужъ. Робкою рукой позвонилъ въ домъ хивинскій полоняникъ: и на каждомъ шагу надивиться не могъ роскоши дома племянницы, бывшаго не въ примѣръ лучше, чѣмъ самыя палаты хивинскаго хана. Когда жъ онъ сказалъ свое имя, невѣдомая дотолѣ ему племянница и ея мужъ встрѣтили Мокею Данилыча самымъ родственнымъ привѣтомъ. Несмотря на невзрачный видъ дяди, Дуня такъ и повисла у него на шеѣ и заплакала радостными слезами, а молодой мужъ также съ любовью отнесся къ нему. Не прошло и нѣскольکو времени, какъ это была ужъ одна семья, дружная, любовная. Мокею Данилычу отвели хорошую комнату, а на другой день, по хлопотамъ Петра Степаныча, готово было ему хорошее платье, и хивинскій полоняникъ надѣлъ его, вмѣсто истрепаннаго своего архалука. Онъ сталъ въ новомъ нарядѣ такимъ, что въ немъ наканунѣ того дня его и узнать было нельзя.

На другой, либо на третій день пріѣхалъ въ городъ Патапъ Максимычъ и познакомился съ извѣстнымъ ему заочно Мокеемъ Данилычемъ. Не на долгое

время пріѣхала и Груня порадоваться радости давнишняго своего друга. Кромѣ Патапъ Максимыча, пріѣхалъ Чубаловъ, и пошелъ у молодыхъ пиръ, гдѣ дорогими гостями были и Колышкины мужъ съ женой. Патапъ Максимычъ звалъ выходца на русскую землю изъ бусурманскаго плѣна къ себѣ въ Осиповку и отправился вмѣстѣ съ нимъ за Волгу.

Еще до отъѣзда ихъ Дуня сказала дядѣ, что дарить ему родительскій домъ, кромѣ того вручила ему крупную сумму денегъ, «на обзаведенье», какъ сказала она. Свѣта не взвидѣлъ Мокей Данилычъ, слушающая рѣчи племянницы, и въ голову никогда ему не приходило такъ неожиданно вдругъ разбогатѣть. Самъ не зналъ, что говорилъ онъ Дунѣ, благодаря за ея милости. Ни Патапъ Максимычъ, ни Дуня словомъ не сказали, и никто изъ другихъ не сказалъ Мокею Данилычу, кого встрѣтитъ онъ въ Осиповкѣ; пріѣхалъ онъ туда и былъ крайне удивленъ пустотой въ домѣ. Послѣ смерти Аксиныи Захаровны и Прасковьи Патаповны, не было хозяйки въ домѣ. Распорядки по крестьянамъ и токарямъ лежали на старикѣ Пантелеѣ, а домоу покамѣстъ, управляла Дарья Сергѣевна, хозяйство у нея шло, какъ по маслу. Въ тотъ же день, какъ пріѣхали въ Осиповку, Мокей Данилычъ свидѣлся съ Дарьей Сергѣвной. Такъ оба они измѣнились въ двадцать лѣтъ, что, встрѣтившись гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, они не узнали бы другъ друга.

— Ну что, Мокей Данилычъ, узналъ ли теперешнюю мою хозяйку? — спросилъ у Смолокурова Патапъ Максимычъ. Мокей Данилычъ отрицательно покачалъ головой, а Дарья Сергѣвна, услыхавъ нечуждое ей имя, вся смутилась, не знала, что дѣлать и что сказать.

Патапъ Максимычъ, глядя на нихъ, сказалъ:

— Неужто не можешь признать бывшей своей невесты?

— Нѣтъ, не могу, — сказалъ Мокей Данилычъ. — Двадцать лѣтъ, многое время, что мы не видались съ ней. Я, какъ вамъ извѣстно, былъ въ бусурманскомъ плѣну. Ни письма какого изъ дому и ни вѣсточки какойнибудь я не получивалъ. Мудрено ли въ такомъ случаѣ не узнать самыхъ близкихъ въ прежніе годы людей? Сами посудите, Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, времени прошло много. Отца роднаго позабудешь, не то што кого другаго, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Однакожь мнѣ пора въ красильняхъ моихъ побывать. Оставайтесь покамѣстъ одни, люди вѣдь знакомые. А ты, Дарья Сергѣевна, закусокку покамѣстъ поставь, да водочки, да винца, какое дома случилось. А я сейчасъ и назадъ. И до возврата моего закуски не убирай.

Онъ ушелъ, и бывшіе женихъ съ невѣстой остались наединѣ.

— Ну, что жъ, Дарья Сергѣевна, какъ безъ меня поживали? — спросилъ Мокей Данилычъ.

— Какъ жила я? — отвѣчала Дарья Сергѣевна. — Сначала у покойницы Аленушки жила, а потомъ, какъ она покончилась, надѣла я на себя черный сарафанъ, покрылась чернымъ платкомъ въ роспускъ, и жила въ уютной горенкѣ большаго, только-что построеннаго дома Марка Данилыча. Повела я жизнь Христовой невѣсты, и о брачномъ дѣлѣ просила никого со мной и не говорить. И никто меня не видывалъ, oprичъ хозяевъ да одной старушки, что жила при мнѣ. Чрезъ четыре года Алена Петровна померла, и стала я Дунѣ замѣсто марери. Марко Данилычъ, покойникъ, тогда въ торговья дѣла вдался, завелъ обширныя прядильни для выдѣлки канатовъ и рыболовныхъ снастей, а на Унжѣ лѣса скупалъ, стогаялъ ихъ въ свой городъ и строилъ тамъ лодки для каспійскихъ промысловъ. По всѣмъ дѣламъ то и дѣло въ отлучкахъ бывалъ, и я

одна растила твою племянницу. Когда жъ она стала подрастать, отдалъ онъ ее въ Комаровскій скитъ для обученья. Не могла я разстаться съ ненаглядной моею Дунею и тоже поселилась въ Комаровѣ. Прошло довольно времени, какъ мы жили тамъ, и, наконецъ, возвратилась она въ домъ родительскій. И съ тѣхъ поръ жила я при ней до самаго ея замужества. И привелъ мнѣ Богъ закрыть глаза Марку Данилычу. На моихъ рукахъ и померъ онъ. Вотъ и всѣ мои похождения за все время.

— Ну, а теперь какъ располагаешь насчетъ своей жизни, Дарья Сергѣевна?—спросилъ у нея бывшій ея женихъ.

— Не даромъ же надѣла я черный сарафанъ и до сихъ поръ не снимаю,—отвѣчала Дарья Сергѣевна.— Покамѣстъ подомовничаю у Патапа Максимыча, а по времени въ скитахъ поселюсь: тамъ у меня и знакомыхъ и благодѣтельницъ довольно. Найду себѣ мѣсто.

— А какъ же Патапъ-отъ Максимычъ одинъ останется? Вѣдь ты у него домомъ заправляешь. Какъ же онъ одинъ-отъ останется?—спросилъ Мокей Данилычъ.

— Свято мѣсто не будетъ пусто,—отвѣчала она.— И кромѣ меня найдется много людей. Опять же слышала я ихъ разговоры съ Груней, будетъ что-нибудь одно: или она со всею семьей поселится здѣсь или Патапъ Максимычъ переѣдетъ на житье въ Вихорево. Здѣсь будетъ просторнѣе, чѣмъ, тамъ и вѣрнѣй, ежели ихъ Богъ сюда перенесетъ. Усадьба Патапа Максимыча обширная, найдется мѣсто, гдѣ устроить Ивану Григорьевичу и шляпное, и войлочное заведеніе. Къ тому жъ неподалеку отсюда не мало такихъ заведеній, какими Иванъ Григорычъ промышляетъ. Работниковъ найдется вволю. А про меня, пожалуй, и не вспомнятъ, какъ я въ чернинкахъ буду въ какомъ-нибудь скитѣ.

— А какъ ты на счетъ прежняго думаешь, Дарья Сергѣвна?—спросилъ у ней Мокей Данилычъ.

— На счетъ чего это?—въ свою очередь спросила она.

— Аль забыла, что было у насъ съ тобой до моего полону?—сказалъ Мокей Данилычъ.—Такихъ дѣловъ кажись до смерти не забываютъ.

— Что жъ это такое? — опустивши глаза, молвила Дарья Сергѣвна.

— Были мы съ тобой, Дарьюшка, женихъ да невѣста. Неужто и этого не вспомнишь? Теперь я по милости племянницы сталъ богатъ, и домъ, гдѣ ты двадцать лѣтъ выжила, мой домъ. Что бы намъ съ тобой старину вспомнить? Чего прежде не удалось сдѣлать, то бы мы теперь разомъ порѣшили. Были мы женихъ съ невѣстой, а теперь можно бы было сдѣлаться мужемъ и женой

— Голубчикъ ты мой, Мокей Данилычъ, зачѣмъ старое вспоминать. Что было когда-то, то теперь давно былью поросло, — сказала видимо смущенная Дарья Сергѣвна. — Вотъ ты воротился изъ бусурманскаго плѣна и ни по чему не видно, что ты такъ долго въ неволѣ былъ. Одѣтъ какъ нельзя лучше, и самъ весь молодецъ. А вотъ погляди-ка на себя въ зеркало, вѣдь сѣдина твою голову, что инеемъ, кроетъ. Про себя не говорю, какъ есть старая старуха. Какая жъ у насъ на старости лѣтъ жизнь пойдетъ? Самъ подумай хорошенько!

Ни слова на то не сказалъ Мокей Данилычъ. Смущенъ онъ словами бывшей своей невѣсты.

— Ты теперь въ достаткахъ,—сказала Дарья Сергѣвна,—и на будущее время Дуня тебя никогда не оставить своей помощью. Ежели захочешь жениться, за невѣстами дѣло не станетъ, найдется много. А мой бы совѣтъ: къ Богу обратиться, ты ужъ вѣдь не мо-

лоденькій. Ты же, я думаю, живучи въ полону, пожалуй, и Христову-то вѣру маленько забылъ. Такъ и надо бы тебѣ теперь вспомнить свято-отеческія преданія и примирить свою совѣсть съ Царемъ Небеснымъ.

Въ это время пришелъ изъ Красиленъ Патапъ Максимычъ и, взглянувъ на того и другую, догадался, что безъ него были межъ ними какіе-то важные разговоры.

— Дарья Сергѣвна, матушка!—молвилъ онъ,—что жь я предъ уходомъ сказалъ вамъ, чтобы вы закусочку для гостя поставили, а вотъ у васъ на столѣ и нѣтъ ничего. Пожалуста поскорѣй сготовьте, нашъ гость пожалуй теперь и поѣсть захотѣлъ.

Дарья Сергѣвна вышла, а Патапъ Максимычъ остался вдвоемъ съ Мокеемъ Данилычемъ.

— Видится мнѣ, что безъ меня у васъ какіе-то особые разговоры были,—сказалъ гостю Патапъ Максимычъ.—Какъ только вошелъ сюда, догадался.

— Были разговоры, точно, что были,—сказалъ Мокей Данилычъ.

— О чемъ же это?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Старину вспоминали,—отвѣчалъ Мокей Данилычъ.

— Какую старину?—спросилъ Чапуринъ.

— Старые годы вспоминали, Патапъ Максимычъ. Про то межъ собой говорили, какъ были мы съ ней люди другъ къ другу самые близкіе, женихъ съ невестой,—сказалъ Смолокуровъ.

— Ужь не вздумалъ ли ты опять женихомъ къ ней стать?—промолвилъ, понизивъ голосъ, Патапъ Максимычъ.

— Что жь, я бы не прочь,—отвѣчалъ Мокей Данилычъ.

— Полно-ка ты, не смущай себя, да и ее не смущай такими разговорами,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Вѣдь тебѣ, другъ мой любезный, годовъ не мало. Не

очень много супротивъ моихъ лѣтъ. Только что я жилъ съ своей семьѣ, а тебѣ пришлось въ полону жить. А что ни говори, жизнь плѣнника не въ примѣръ тяжелѣе нашей жизни. Воли другъ любезный, нѣтъ. А безъ воли всякій человѣкъ прежде времени старится. Нѣтъ вамъ моего совѣта по прежнему идти. Не смущай ты ея души, она съ Богомъ хочетъ пребывать, и концомъ своихъ желаній поставляетъ житье въ какомъ ни на есть скитѣ: керженскомъ или чернораменскомъ. Будучи черницей, думаетъ она и вѣкъ своей скончать. Потому ты ее и не смущай своими запоздалыми разговорами. Отдай ее Господу Богу на руки и самъ подумай о своей душѣ. Пора, любезный другъ, пора, наше время изжито.

— То же самое и она сейчасъ мнѣ говорила, — сказалъ Мокей Данилычъ. — А какъ я одинъ-то жизнь свою свѣкую? Кто жъ мнѣ на смертномъ одрѣ глаза закроетъ? Кто жъ будетъ ходить за мной во время моихъ болѣзней? Спорю нѣтъ, что будетъ въ моемъ домѣ жить Герасимъ Силычъ съ племянникомъ, да вѣдь это все не женская рука. Да и хозяйка въ домѣ нужна будетъ.

— За хозяйкой и за женскимъ уходомъ дѣло у тебя не станетъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — При твоихъ теперь достаткахъ невѣсть не оберешься, хотъ тебѣ и не мало лѣтъ. Только этого я тебѣ не совѣтую. Извѣстно, что такое молодая жена у стараго мужа. Не довольство въ жизни будетъ тебѣ, а одна только маята.

Замолчалъ Мокей Данилычъ, низко поникнулъ головой, а послѣ того и не поднималъ ея.

Дня черезъ три Патапъ Максимычъ съ Никифромъ Захарычемъ поѣхали въ городъ, чтобы сѣсть тамъ на пароходъ. Съ ними и Мокей Данилычъ отправился. Пробывъ нѣсколько дней у Дуни, онъ вмѣстѣ съ Чубаловымъ отправился въ новое свое жилище на старомъ родительскомъ пепелищѣ. Тамъ похлопоталъ

Чубаловъ, и Мокей Данилычъ скоро былъ введенъ во владѣніе домомъ и пристанями, и какъ отвыкъ отъ русской жизни и ото всѣхъ дѣлъ, то при помощи того же Чубалова завелъ на свой капиталъ хлѣбный торгъ.

Все, что было говорено про Марью Гавриловну, оказалось вѣрнымъ. Завладѣвъ ея капиталомъ, Алексѣй тотчасъ же покинулъ жену для Тани. Но и то было не надолго: одна за другой являлись новыя красоти, и съ ними проводилъ время Алексѣй, забывая жену и все, что получилъ отъ нея. Чтобы быть подальше отъ отца и вообще отъ керженскаго заволожья, онъ завелъ въ Самарѣ на свое имя такіе заводы и зажилъ на новомъ мѣстѣ такъ, что знавшіе его прежде не могли надивиться. Кромѣ того, что сталъ онъ въ короткія отношенія съ мѣстными властями, прикармливая ихъ роскошными обѣдами, и въ средѣ купечества онъ занялъ почетное мѣсто. Меньше чѣмъ черезъ годъ назначены были городскіе выборы, и гласный думы первой гильдіи, купецъ Алексѣй Трифонычъ Лохматовъ, былъ намѣченъ будущимъ городскимъ головой, или, по меньшей мѣрѣ, заступающимъ его мѣсто на собраніяхъ. Переселившись въ Самару, онъ взялъ съ собой и жену, но Марья Гавриловна и здѣсь терпѣла прежнюю участь. Не имѣя ни копѣйки на свои надобности, она должна была во всемъ покоряться любовницамъ Алексѣя, хозяйничавшимъ у него въ домѣ и ни малѣйшаго вниманія не оказывавшимъ настоящей хозяйкѣ. Алексѣй никогда даже не говорилъ съ ней. Когда онъ покинулъ Таню, она бросилась къ ногамъ Марьи Гавриловны, прося у нея прощенія и по обычаю сваливая всю вину на смутившаго ее бѣса. Добрая Марья Гавриловна простила взрожденную ею дѣвушку.

и съ тѣхъ поръ попрежнему стала съ ней неразлучна, какъ было до ея несчастнаго замужества. Алексѣй, казалось, и вниманія не обращалъ на то; онъ и съ Таней никогда не говорилъ больше ни слова.

Какое-то дѣло заставило его плыть на низъ. Онъ сѣлъ на одинъ изъ самыхъ ходкихъ пароходовъ, ходившихъ тогда по Волгѣ, на томъ же пароходѣ ѣхали и Патапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ. Патапъ Максимычъ помѣстился въ каютѣ, Никифору Захарычу показалось тамъ душно, и онъ отправился въ третій классъ на палубу. Чапуринъ изъ своей каюты черезъ нѣсколько времени вышелъ въ общую залу. Осмотрѣлся, видитъ четырехъ человѣкъ, изъ нихъ трое были ему совсѣмъ неизвѣстны, вглядѣлся въ четвертаго и узналъ Алексѣя.

Ни къ кому не обращаясь, Патапъ Максимычъ снялъ съ головы картузь и положилъ его на столъ.

Алексѣй сразу узналъ бывшаго хозяина. Слегка приподнявшись съ дивана, онъ съ наглостью во взорѣ и съ большимъ самомнѣніемъ проговорилъ:

— Наше вамъ наиглубочайшее, господинъ Чапуринъ.

Ни слова не отвѣтилъ на то Патапъ Максимычъ и сѣлъ на диванъ противъ Лохматова.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ теперь?—съ тѣмъ же нахальнымъ взглядомъ, смѣривая глазами Патапа Максимыча, спросилъ у него Алексѣй.

Не отвѣтилъ ему Патапъ Максимычъ и, уже нѣсколько времени подождавши, спросилъ у него:

— А что Марья Гавриловна? Она какъ?

— Ничего,—сказалъ Алексѣй.—Здорова, кажется. Въ Самарѣ осталась, а я вотъ подальше на низъ сплываю.

— Слухомъ земля полнится, Алексѣй Трифонычъ, а говорятъ, будто она во многомъ нуждается,—злбно

молвилъ, взглянувъ на бывшаго своего приказчика, Патапъ Максимычъ.

— Мало ль что по народу болтають, всего не переслушаешь, — сказалъ на то Алексѣй, поднимая кверху брови. — Живетъ она себѣ, какъ хозяйка дома. И хорошая хозяйка, добрая, въ этомъ надо ей честь отдать. Только все дома сидитъ да Богу молится, ни съ кѣмъ изъ нашихъ самарскихъ почти никогда и не видается. Вотъ они наши самарскіе, — прибавилъ онъ, указывая глазами на сидѣвшихъ въ общей залѣ, — никто ея, можно сказать, не видывалъ, хоть и веду я въ городѣ жизнь открытую. Не только на нихъ, но даже и на всѣхъ сослаться могу, что никто ея, богомольницу, въ глаза не видывалъ.

— Это такъ точно-съ, — подхватилъ одинъ изъ самарцевъ. — Марья Гавриловна у насъ въ городѣ какъ есть невидимка.

Промолчалъ Патапъ Максимычъ, и мало повремени, взялъ картузъ со стола и вышелъ изъ общей залы. Ни Алексѣй, ни его самарцы не знали, что онъ помѣстился въ каютѣ какъ разъ рядомъ съ ними.

— Что за господинъ такой? — спросилъ у Алексѣя одинъ изъ его самарскихъ знакомыхъ, только-что ушелъ отъ нихъ Патапъ Максимычъ.

— Изъ нашихъ заволжскихъ. Съ Керженца, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Давно знаете его? — спросилъ самарецъ.

— Давненько-таки, — отвѣчалъ Алексѣй. — Когда я еще находился въ бѣдности, а въ родительскомъ дому отцовскіе достатки поразстроились отъ поджога красильни, а потомъ клѣтъ у насъ подломали, а послѣ того поскорости воры и лошадей свели, я въ ту пору слылъ первымъ, самымъ лучшимъ токаремъ въ нашей сторонѣ; меня родитель и послалъ на сторону, чтобы кое-что заработать для поправки семейныхъ нашихъ

дѣлъ. И пошелъ я не по волѣ родителей, а по своей охотѣ въ деревню Осиповку, что была отъ насъ не-вдалекѣ, къ Патапу Максимычу Чапуруину, а у него въ ту пору токарни были всѣмъ на удивленье. Слы-халъ про меня и прежде Чапуринъ, и очень ему хо-тѣлось имѣть у себя такого работника, какъ я, и по-тому съ радостью принялъ меня въ домъ. И жилъ я у него не какъ простой рабочій, а въ его домѣ въ низу въ подклѣтѣ, въ особенной боковушѣ, а ѣлъ и пилъ съ хозяйскаго стола. И за мое мастерство, и за мой добрый обычай, какъ сына, возлюбилъ меня Ча-пуринъ, и немного мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ я у него водворился, онъ черезъ мои руки доставилъ отцу моему столько денегъ, что тотъ на нихъ могъ устроиться попрежнему.

— Добрый онъ, значить, человѣкъ, этотъ Чапу-ринъ, — сказалъ одинъ изъ самарцевъ. — Что жъ долго вы у него въ токаряхъ служили?

— Очень даже не долго, — отвѣчалъ Алексѣй; — тутъ онъ со своими пріятелями по какимъ-то случаямъ вздумалъ за рѣкой за Ветлугой на пустомъ мѣстѣ зо-лото искать и по довѣрію ко мнѣ меня послалъ туда. Тутъ-то дорогой и спознался я съ теперешней женой моей Марьей Гавриловной.

— Ну что же, долго у него еще оставались? — спросилъ самарецъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Алексѣй. — Всего моего житія у него и полугода не было. Когда воротился я въ Оси-повку, хоронили старшую дочку хозяина. Послѣ по-хоронъ немного дней прошло, какъ онъ меня расчи-талъ. И такъ рассчиталъ, что проживи я у него и два года и больше того, такъ по уговору и получать бы не пришлось. На этомъ я ему всегда, на всю мою жизнь, сколько ея ни осталось, буду благодаренъ.

Лежа въ сосѣдней каютѣ, Патапъ Максимычъ отъ

слова до слова слышалъ слова Алексѣя. «Вотъ,—думаетъ онъ,—хотя послѣ и дряннымъ человѣкомъ вышелъ, а все-таки стараго добра не забылъ. А не бойсь словомъ даже не помянулъ, какъ я къ его Марѣ Гавриловнѣ приходилъ самую малую отсрочку просить по данному векселю. А добро помнить. Хоть и совсѣмъ человѣкъ испортился, а все-таки помнить»

И довольный самъ собой и даже Алексѣемъ, Патапъ Максимычъ протянулся было спокойно на диванѣ въ каютѣ, какъ вдругъ услыхалъ инныя рѣчи изъ общей залы.

— Что жъ за причина была такая, Алексѣй Трифонычъ? — спросилъ у него одинъ изъ самарцевъ. — Чего жъ это онъ вдругъ послѣ дочернихъ похоронъ спровадилъ васъ отъ себя изъ дома? Была же на то какая-нибудь причина.

— Была причина, точно что была,—сказалъ Алексѣй, плутовски улыбаясь и почесывая затылокъ.

— Какая же?—спросилъ самарецъ.

— Дочка была у него старшая, Настей звали. Ужъ сколько времени прошло, какъ она въ могилѣ лежитъ, а все-таки и до сихъ поръ вспомнить о ней пріятно.

Насторожилъ уши бывший по сосѣдству Патапъ Максимычъ. И сдается ему, что этотъ разговоръ добромъ не кончится.

— Бѣленькая такая,—продолжалъ Алексѣй, говоря съ самарцами, — нѣжная, изъ себя такая красавица, какихъ на свѣтѣ мало бываетъ. А я былъ парень молодой и во всемъ удатный. И гостила тогда у Чапурина послушница Комаровской обители Фленушка, бойдѣвка, молодецъ на всѣ руки, теперь ужъ, говорятъ, постриглась и сама въ игуменьи поступила. Она въ первый разъ и свела насъ.

«О-о! подумалъ Патапъ Максимычъ. Такъ вонъ оно откуда все пошло. Значить, это все Фленушка устроила.

На такія дѣла только ее и взять. Эхъ, вѣдалъ бы да зналъ я тогда объ этомъ, такихъ бы надавалъ ей тузовъ, что пожалуй и въ игуменьи теперь не попала бы».

А у самага сердце такъ и кипитъ, всталъ онъ и ходитъ, какъ звѣрь въ узенькой клѣткѣ. Лицо горитъ, глаза полымемъ пышутъ, порывается онъ пройти въ общую залу и тамъ положить конецъ разговорамъ Лохматаго, но самъ ни съ мѣста. Большого скандала боится.

— Ну вотъ и свела она насъ, — продолжалъ Алексѣй. — Тѣмъ временемъ пріѣзжали къ Чапуруну гости изъ Самары, Снѣжковы, отецъ съ сыномъ, сродни они никакъ тебѣ доводятся. И было у нихъ намѣреніе Настю сватать; только она, зная за собой тайный грѣхъ, не захотѣла того и отцу сказала напрямки, что уйдетъ въ кельи жить, а не удастся, такъ себя опозоритъ и родительскій домъ: начнетъ гулять со всякимъ встрѣчнымъ. Раскипятился отецъ, а моя Настенька и вниманья на то не обращаетъ. Стихъ Чапуринъ, а она продолжала наши дѣла. Меня на ту пору на Ветлугу послали. Въ эту мою отлучку Настенька догадалась, что она непраздна, что другой кто-то сидитъ въ ней. Во всемъ открылась матери и, только-что все рассказала, упала и съ той поры заболѣла; болѣзнь недолго продолжалась. Полежала сколько-то времени и покончила свою жизнь, а меня на ту пору у Чапурина не было, все по этому по-ихнему золотому дѣлу разъѣзжалъ. Послѣ объ этомъ Фленушка мнѣ рассказывала. Воротился я къ Чапуруну и, подѣзжая къ деревнѣ, гдѣ онъ живетъ, похороны увидалъ. Это моя Настя безъ меня скончалась. А какая была покойница, теперь и сказать нельзя: страстная, горячо увлекалась всѣмъ, сама такая тихая, ровная и передо мной никогда, бывало, противнаго слова не молвитъ. Все съ покорствомъ, все съ подчиненіемъ моей волѣ. . Одна-

кожъ душно что-то здѣсь, каково-то ночью будетъ; впрочемъ, у меня особая каюта; пойти бы на палубу освѣжиться немного.

Слышитъ Патапъ Максимычъ, что Алексѣй вышелъ изъ общей залы и идетъ мимо каютъ. Не стерпѣло у него сердце. Однимъ размахомъ растворилъ онъ свою дверку, но Алексѣй уже поднимался вверхъ. Чапуринъ за нимъ вдогонку.

— А кто обѣщаль про это дѣло никому не помянуть? Кто слово давалъ и себя заклиналъ? А? — прошипѣлъ, подойдя къ Алексѣю, Патапъ Максимычъ. — Забылъ?

Повѣсивъ голову, не говоря ни слова, Лохматовъ старался уйти отъ разъяреннаго Чапурина, но не удалось ему: куда онъ ни поидетъ, тотъ за нимъ слѣдомъ.

И вспомнились ему тутъ слова внутренняго голоса, что нерѣдко смущали его, когда онъ жилъ у Патапа Максимыча въ приказчикахъ: «отъ сего человѣка гибель твоя»

Ни шагу не отступалъ отъ него Патапъ Максимычъ. Куда Алексѣй ни поидетъ, онъ за нимъ съ попреками, съ бранью.

Подходили они къ пароходному трапу, и ни одного человѣка кругомъ ихъ не было, Патапъ Максимычъ поднималъ увѣсистый кулакъ сокрушить бы супротивника, а изъ головы Алексѣя не выходили и прежде смущавшія его слова внутренняго голоса: «отъ сего человѣка гибель твоя».

Пятится Алексѣй отъ Чапурина, пятится. И дошелъ такимъ образомъ до самого трапа. А на станціи въ Батракахъ, по оплошности пароходныхъ прислужниковъ, забыли укрѣпить трапъ, черезъ который дѣвки да молодки дровъ натаскали.

Дошли до этого трапа, Алексѣй задомъ, Патапъ Максимычъ напирая на него. Что-то такое говорилъ

Алексѣй, но взволнованный Патапъ Максимычъ не понималъ его словъ, должно-быть какихъ-нибудь оправдательныхъ. Оперся Алексѣй Лохматовъ о трапъ, Патапъ Максимычъ былъ возлѣ него. Трапъ растворился, и оба упали въ воду.

— Упали! упали!—раздались голоса по палубѣ, но никто ни съ мѣста. Не зная, кто упалъ, Никифоръ Захарычъ, мигомъ сбросивъ съ себя верхнюю одежду, бросился въ Волгу. Не даромъ его смолоду окунемъ звали за то, что ему быть на водѣ все одно, что по землѣ ходить, и за то, что много людей онъ спасъ своимъ умѣньемъ плавать.

Бросился онъ въ рѣку, поплылъ, первымъ увидѣлъ Алексѣя, тотъ даже схватилъ его, но Никифоръ Захарычъ оттолкнулся отъ него, увидѣвъ невдалекѣ Патапа Максимыча, поплылъ къ нему, схвативъ его, ошеломилъ, по исконному своему обычаю, и поплылъ къ кормѣ парохода.

Тамъ съ радостью приняли и утопленника, и его спасителя. Собрались всѣ бывшіе на пароходѣ, забывъ на минуту другого утопавшаго, усиленно и неумѣло боровшагося съ волжскими волнами

Кто-то крикнулъ, наконецъ:

— Лодку! Живѣй! человѣкъ тонетъ! — А сказалъ это послѣ того, какъ напрасно всѣмъ міромъ просили Никифора Захарыча спасти и другого утопленника. Всѣ видѣли, что это на водѣ не человѣкъ, а настоящій окунь. Но Никифоръ Захарычъ упорно отказывался отъ просьбы.

— Не могу, и съ этимъ усталъ,—говорилъ онъ.—Чего добраго, самъ ко дну пойду.

— Лодку! лодку!—кричали между тѣмъ бывшіе на палубѣ.—Скорѣй какъ можно лодку! Живѣй! Живѣй! Человѣкъ тонетъ! И какъ это трапъ-отъ не приперли! Еще, пожалуй, отвѣчать придется, ежели потонетъ.

А все это наши ребята заболтались въ Батракахъ съ дѣвками, да и забыли запереть трапъ какъ слѣдуетъ. Охъ, эта молодежь, прости Господи! — Такіе голоса раздавались въ то время по палубѣ, а Алексѣй Лохматовъ больше и больше погружался въ воду,

Лодку, наконецъ, снарядили и подали. Быстро она понеслась къ утонавшему, но еще нѣсколько аршинъ не доплыла до него, какъ тотъ, съ мыслію «отъ сего человѣка погибель твоя», опустился на дно.

Такъ погибъ Алексѣй Лохматовъ, нареченный самарскій городской голова.

Марья Гавриловна пріѣзжала на похороны и въ тотъ же день, какъ зарыли ея мужа, уѣхала въ Самару, а оттуда поскорости въ Казань къ своимъ роднымъ. Лохматовъ не оставилъ никакого духовнаго завѣщанья; Марья Гавриловнѣ по закону изъ ея же добра приходилось получить только одну четвертую долю, остальное поступало въ семью Трифона Лохматаго. Но Трифонъ, зная, какими путями досталось богатство его сыну, отступился отъ нежданнаго наслѣдства, и такимъ образомъ Марья Гавриловнѣ возвратился весь ея капиталъ.

Петербургскій чиновникъ, котораго такъ долго и напрасно ждали на Керженцѣ, пріѣхалъ туда только лѣтомъ. Долго задержали его въ Петербургѣ. Только что пріѣхалъ онъ, тотчасъ же отправился въ Оленевскій скитъ. Оттуда какія-то шатуньи, которыхъ въ скиту никто и не зналъ, пошли на Донъ за сборомъ подаяній. Ихъ взяла полиція и отправила сначала въ Петербургъ, а оттуда онѣ были препровождены въ губернію, гдѣ ложно сказались жительницами. Тамъ ихъ никто не зналъ, и онѣ до разъясненія дѣла посажены были въ тюремный замокъ. Разспросивъ ихъ и

не добившись никакого путнаго отвѣта, петербургскій чиновникъ поѣхалъ въ Оленевскій скитъ. Тотъ скитъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ весь выгорѣлъ до тла; а между тѣмъ дошли до Петербурга свѣдѣнія, что тамъ есть много обителей, а изъ нихъ самою главною и многолюдною считается обитель Анѣисина, построенная будто-бы лѣтъ двѣсти тому назадъ инокиней Анѣисой, родственницей, какъ говорило преданіе, святого Филиппа митрополита. Чтобы застать службу во всѣхъ часовняхъ и моленныхъ, чиновникъ выбралъ для ихъ осмотра вечеръ Успеньева дня. Осмотрѣвъ и запечатавъ всѣ до одной моленной, чтобы скитницы чего-нибудь не спрятали, петербургскій чиновникъ остановился въ Анѣисиной обители, осмотрѣлъ ее и составилъ подробную опись иконамъ и всему другому, тамъ бывшему. Игуменья обители Маргарита, извѣстная больше подъ именемъ Кузьмовны, съ особеннымъ радушіемъ встрѣтила пріѣзжаго и разговорила съ нимъ обо всѣхъ дѣлахъ обительскихъ. Ея племянница Анна Сергѣевна прислуживала гостю, разливала чай и потомъ сама подавала, чѣмъ Богъ послалъ, поужинать. Петербургскій чиновникъ ночевалъ въ обители Анѣисиной и потомъ въ ней не разъ бывалъ. Изъ двадцати слишкомъ часовенъ и моленныхъ только три уцѣлѣло послѣ бывшаго пожара, прочія, какъ вновь построенныя, остались запечатанными и черезъ нѣсколько времени земскою полиціей были сломаны.

Изъ Оленева петербургскій чиновникъ, сопровождаемый мѣстнымъ исправникомъ, отправился въ незадолго предъ тѣмъ обращенный къ единовѣрію Керженскій скитъ, ужь обставленный церквами; тамъ игуменъ Тарасій, послѣ того архимандритъ, встрѣтилъ гостя даже со слезами.

— Охъ, любезненькій ты мой, — говорилъ онъ, — кого мнѣ привелъ Богъ встрѣтить въ нашихъ мѣстахъ!

Мѣста наши пустыя, лѣсныя; какъ-то ты добрался до насъ! Развѣ что съ помощью господина исправника, онъ въ своемъ уѣздѣ вездѣ всю подноготную знаетъ. А у насъ мѣсто пустынное, какъ есть настоящее иноческое пребываніе. Только и утѣхи намъ, что окуней половить въ Керженцѣ да ими маленько себя полакомить. Ты не взыщи съ меня, что я встрѣчаю тебя въ такомъ одѣяніи, — прибавилъ отецъ Тарасій, указывая на свою свитку, всю вымоченную водой; — сейчасъ въ Керженцѣ былъ, рыбешку ловилъ, какъ мнѣ про тебя сказали. Не обезсудь ты меня, любезненькій мой; надо бы къ тебѣ во всемъ чинѣ явиться, а я вонъ какой измоченный да перемоченный. Не обезсудь, касатикъ ты мой, — низко кланяясь, говорилъ петербургскому гостю отецъ Тарасій. — Ступай въ мою келью, а я межъ тѣмъ пріодѣнусь и приду, какъ надо, встрѣтить дорогого гостя.

— Не беспокойтесь пожалуйста, отецъ Тарасій, — сказалъ на то петербургскій чиновникъ. — Не въ одеждѣ дѣло, а въ радушіи. Оставайтесь, какъ были, ежели это васъ не холодитъ.

— За ласковое слово много благодаримъ, — сказалъ отецъ Тарасій, но, не смотря на приглашеніе чиновника, пошелъ переодѣться и вскорѣ явился къ нему въ полномъ чинѣ.

— Напрасно беспокоились, отецъ Тарасій, — сказалъ гость, — право напрасно, развѣ что простуды боялись.

— Ахъ, ты мой любезненькій, гость ты мой дорогой! — вскрикнулъ игумень, обнимая чиновника и лобызаясь съ нимъ, — какъ же смѣю я быть предъ тобой не во всемъ иночествѣ! а ты пойдемъ-ка со мной вотъ сюда.

И повелъ гостя въ другую сосѣднюю комнату.

Тамъ на столахъ стояли: уха изъ только-что наловленныхъ окуней, пирогъ съ малосольною осетриной,

каша съ молокомъ, алады, а на другомъ столикѣ были поставлены: водка, виноградное вино, а къ нимъ копченыя рознежскія стерляди и другая рыба, икра, соленые рыжики и грузди, маринованные грибы и другія снѣди.

— Потрапезуемъ-ка, любезненькій мой, чѣмъ Богъ послалъ у старца въ кельѣ, — говорилъ отецъ Тарасій. — Водочки прежде всего выкушай, и я вмѣстѣ съ тобою выпью монашескую калишку. Сдѣлай милость, другъ, откушай.

Выпивъ водки, гость расхвалилъ закуски, къ ней поданныя, особенно копченыхъ стерлядей. Потомъ сѣли обѣдать.

За обѣдомъ, по иноческимъ правиламъ, всѣ трое сидѣли молча. Одинъ лишь игумень изрѣдка говорилъ, потчuya гостей каждымъ кушаньемъ и наливая имъ въ стаканы «винограднаго», не забывая при томъ и себя. Послѣ обѣда перешли въ прежнюю комнату, бывшую у отца Тарасія пріемною. Здѣсь игумень подробно рассказывалъ петербургскому гостю о скитахъ керженскихъ и чернораменскихъ, о томъ, какъ онъ жилъ, будучи въ расколѣ, и какъ обратился изъ него въ единовѣріе, вслѣдствіе поучительныхъ бесѣдъ съ бывшимъ архіепископомъ Іаковомъ.

Долго говорилъ игумень. Затѣмъ повелъ онъ гостя въ церковь, гдѣ отправлено было молебное пѣніе. Служилъ самъ отецъ Тарасій, иноки пѣли тихо и стройно единовѣрческимъ напѣвомъ. Пріѣзжій изъ Петербурга въ подробности осмотрѣлъ церковь, хвалилъ ея чистоту и убранство, особенно святые иконы.

— Чудотворной-то нѣтъ у насъ никакой, тихо промолвилъ отецъ Тарасій, наклонясь къ пріѣзжему, чтобы не смущать напрасно братію, не уходившую изъ храма.

— Молитесь Богу, Онъ не оставитъ васъ, такъ-же тихо сказалъ ему петербургскій чиновникъ.

Обойдя всѣ церкви и кельи иноковъ, игумень повелъ гостя на конный и скотный дворы, на пчельникъ и вездѣ показалъ ему монастырское свое хозяйство. Потомъ пошли на рѣку Керженецъ, и тамъ послушники занесли бредень для ловли рыбы къ ужину. Потомъ повелъ его игумень въ монастырскій лѣсъ, когда-жъ они воротились въ игуменскія кельи, тамъ ихъ ожидалъ самоваръ, блюдо свѣжей малины, съ густыми сливками, и все-таки съ «виноградненькимъ.»

Петербургскій гость остался ночевать у Тарасія, такъ какъ время было уже позднее. На ужинъ явились все тѣ же закуски, какія были поданы къ обѣду. Уха сварена была изъ наловленныхъ послушниками окуней, и явился къ столу поданный ими жаренный судакъ и другія давишнія кушанья, кромѣ каши, замѣненной малиной со сливками.

Поутру, отстоявъ обѣдню, петербургскій чиновникъ распрощался съ отцомъ Тарасіемъ. Игумень даже заплакалъ на прощаньѣ со своимъ неожиданнымъ гостемъ.

Изъ Керженскаго Благовѣщенскаго скита петербургскій пріѣзжій, пробывъ нѣсколько времени въ уѣздномъ городѣ, отправился въ Шарпанскій скитъ, гдѣ его вовсе не ждали. Онъ пріѣхалъ туда ночью, часу во второмъ и прошелъ прямо въ моленную. Тамъ въ углу стояла икона Казанской Богородицы; говорятъ, что она была комнатною царя Алексѣя Михайловича въ первые годы его царствованія. Она была заслонена другою большою иконою, но предъ ней горѣла лампада. Рассказывали, что та икона во времена патріарха Никона находилась въ Соловецкомъ монастырѣ и что во время возмущенія въ средѣ Соловецкой братіи, когда не оставалось болѣе никакой надежды на избавленіе обители отъ окружившихъ ее царскихъ войскъ, предъ ней на молитвѣ стоялъ дивный инокъ Арсеній. И видитъ онъ во снѣ, что икона Богородицы поднялась въ небесную высоту, и слышитъ

онъ отъ той иконы гласъ: «Иди за мной безъ сомнѣнія, и гдѣ я остановлюсь, тамъ поставь обитель, и до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ сія моя икона, древлее благочестіе будетъ процвѣтать въ той сторонѣ», и былъ Арсеній чудною силой перенесенъ съ морского острова на сухопутье. Богородична икона идетъ по воздуху, а вслѣдъ за ней инокъ Арсеній. И стала та икона, и опустилась на землю въ пустынныхъ лѣсахъ Чернораменскихъ, и тамъ на урочищѣ Шарпанъ поставилъ Арсеній первый скитъ въ тамошнихъ мѣстахъ. Вскорѣ больше сотни такихъ скитовъ возникло въ Черной Рамени, въ керженскихъ и рышскихъ лѣсахъ и по рѣкѣ Ветлугѣ.

Таковыя были между старообрядцами преданія о первыхъ насельникахъ лѣсовъ чернораменскихъ, и всѣ, какъ ближніе, такъ и дальніе, съ особымъ уваженіемъ относились къ иконѣ, принесенной въ Шарпанъ инокомъ Арсеніемъ. Они твердо вѣровали, что, какъ только соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ никоніанской церкви, древлему благочестію настанетъ неизбѣжный конецъ. И потому, какъ только возможно, старались удержать ее на мѣстѣ.

Опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, петербургскій чиновникъ, войдя въ Шарпанскую моленную, приказалъ затушить всѣ свѣчи. Когда приказаніе его было исполнено, свѣтъ лампы, стоявшей предъ образомъ Казанской Богородицы, обозначился. Взявъ его на руки, обратился онъ къ игуменьѣ и немногимъ бывшимъ въ часовнѣ старицамъ со словами:

— Молитесь святой иконѣ въ послѣдній разъ!

И увезъ ее.

Какъ громомъ поразило жителей Керженца и Чернораменя, когда узнали они, что нѣтъ болѣе соловецкой иконы въ Шарпанской обители. Плачу и воплямъ конца не было, но это еще не все, не тѣмъ дѣло кончилось.

Изъ Шарпана петербургскій чиновникъ немедленно поѣхалъ въ Комаровъ. Тамъ въ обители Глафириныхъ издавна находилась икона Николая Чудотворца, также почитаемая старообрядцами чудотворною. Онъ ее взялъ точно такъ-же, какъ и Соловецкую изъ Шарпана. Страхъ и ужаса еще больше стало въ обителяхъ керженскихъ и чернораменскихъ, тамъ все считали для себя поконченнымъ. Петербургскій чиновникъ исполнилъ обѣщаніе, данное отцу Тарасію: соловецкая икона была перенесена въ керженскій Благовѣщенскій монастырь, а икона Николая Чудотворца — въ незадолго предъ тѣмъ обратившійся къ единовѣрію скитъ Осиновскій. Послѣ того, объѣхавъ всѣ скиты и обители, петербургскій чиновникъ воротился въ свое мѣсто.

Вскорѣ отъ высшаго начальства изъ Петербурга вышло такое рѣшеніе о скитахъ: имъ дозволено было оставаться попрежнему только на полгода, послѣ этого времени они всѣ непременно должны быть совершенно разрушены; тѣмъ изъ скитскихъ матерей, что приписаны были къ обителямъ по послѣдней ревизіи, дозволено было оставаться на ихъ мѣстахъ, но со значительнымъ уменьшеніемъ ихъ строеній. Тѣмъ изъ обительскихъ матерей, что приписаны были по ревизіи къ разнымъ городамъ и селеніямъ, велѣно было имѣть тамъ всегдашнее пребываніе безъ кратковременной даже отлучки въ скиты и другія мѣста.

Все это исполнить было возложено на мѣстную полицію, и самъ исправникъ нѣсколько разъ объѣзжалъ для того скиты. Хоть окрестные крестьяне прежде и радовались тому, что рано или поздно скитскія строенія пойдутъ въ ихъ собственность, потому что матерямъ некому будетъ продать ихъ строеній, и онѣ поневолѣ продадутъ ихъ за безцѣнокъ, однако на дѣлѣ вышло другое. Сколько ни приказывалъ исправникъ крестья-

янамъ Ронжина и Елфимова ломать обительскія строенія, никто изъ нихъ не прикоснулся къ нимъ, считая то великимъ грѣхомъ. Особенно Комаровскія часовни были для нихъ неприкосновенны и святы. Сколько ни было у нихъ ссоръ съ Комаровскими матерями, они горько скорбѣли, и плакали надъ судьбой, постигшею скиты. И не мудрено то было: окрестные крестьяне такъ долго по праздникамъ ходили въ Комаровскія часовни, что имъ нельзя было не пожалѣть сосѣдокъ; опять же многіе изъ нихъ были женаты на жившихъ прежде въ томъ скиту бѣлицахъ. Сколько ни бился исправникъ, увидѣлъ наконецъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, и потому собралъ понятыхъ, преимущественно изъ православныхъ. Они мигомъ приступили къ работѣ. Когда были снесены кровли съ Манеиной обители, считавшейся изъ всѣхъ скитовъ самою главною, стономъ застонали голоса. Въ то время собрались въ Комарово почти безъ исключенія всѣ матери изъ всѣхъ обителей: точь въ точь, какъ съѣзжались, бывало, онѣ на соборы, тамъ сбиравшіеся. На завалинахъ и на разрушенныхъ строеніяхъ сидятъ матери и горько плачутъ, смотря на разрушеніе стараго ихъ пепелища, ожидая и въ своихъ скитахъ такого же разрушенія и неизбѣжной высылки людей съ насиженныхъ ими мѣстъ, но не приписанныхъ ко скиту. Приѣхала изъ города и мать Манеѣа съ неразлучною Филагріей. Сѣли онѣ возлѣ своихъ келій, но ни плача, ни рыданій съ ихъ стороны не было. Переселясь заблаговременно въ городъ, гдѣ была приписана по ревизіи, Манеѣа только тихо, безмолвно горевала по своему старинномъ хозяйствѣ. Также ко всему равнодушною казалась мать Филагрія: она также приписана была къ городу и жила вмѣстѣ съ Манеѣой. Ничего въ ней не было, что бы разстроивало ее при видѣ разрушенія Комаровскихъ обителей. Зато всѣ другія

тутъ бывшія горевали и плакали по случаю постигшаго всѣхъ ихъ несчастія.

Сидитъ на заваленкѣ мать Манеѳа съ Филагріей, а рядомъ съ ними всѣ прежнія противницы Манеѳины изъ за архіерейства: кривая мать Измарагда, игуменья обители Глафириныхъ, такъ еще недавно лишившаяся чудотворнаго Николина образа, мать Нонна, игуменья изъ скита Гордѣевского, мать Евтропія, обители Игнатъевой, мать Августа, игуменья Шарпанская, у которой также недавно отобрана была Соловецкая икона Казанской Богородицы. Не послушалась тогда мать Августа уговоровъ на соборѣ прочихъ игуменій, не свезла въ Москву эту икону, съ которой связано давнишнее преданіе, что скиты керженскіе и чернораменскіе останутся неприкосновенными до тѣхъ только поръ, покамѣстъ она не будетъ поставлена въ великороссійской церкви, — а вотъ она теперь у отца Тарасія. Всѣ эти игуменьи, при видѣ сломанныхъ Манеѳиныхъ строеній, сотворили съ ней прощѹ и мирно, съ плачемъ и стономъ, сидѣли рядомъ съ бывшей своей несогласницей, ничѣмъ невозмутимой старицей. Общая скорбь примирила всѣхъ. Противъ этихъ игуменій, на диванахъ и стульяхъ изъ бывшаго домика Марьи Гавриловны, сидѣли болѣе или менѣе близкія къ Манеѳѣ: Таисія, игуменья обители Бояркиныхъ, игуменья обители Жжененныхъ, и настоятельницы мелкихъ Комаровскихъ обителей: мать Улія, игуменья Салонкеиныхъ, Есѳиръ изъ обители Напольныхъ, настоятельница обителей, а также всѣ Улангерскія матери, Юдифъ и девяностолѣтняя Клеопатра Ерахтурка, никогда нечаявшая дожить до разоренія скитовъ. Были тутъ и Агнія, игуменья небогатаго скита Крутовражскаго, Христодула, начальница такого же скита Ворошиловскаго, дебелая старица мать Харитина тоже изъ бѣднаго скита Быстренскаго и многорѣчивая Полихро

нія, настоятельница обители Малиновской. Всѣ бывшія слезно молили мать Манею, чтобы дала имъ мудрый совѣтъ, какъ помочь себѣ въ настоящіе дни напастей.

Опустивъ голову и потупивъ очи, ничего никому не говорила въ отвѣтъ мать Манея. Ко всему видимому и слышанному, казалось, относилась она совсѣмъ равнодушно.

Больше и громче всѣхъ голосила добродушная мать Виринея, столь долго бывшая келаремъ въ Манеиной обители. Не будетъ больше у нея ни пировъ, ни соборовъ, не будутъ больше собираться къ ней бѣлицы работать и пѣть псалмы, а частенько и мірскія пѣсни. А главное, что сокрушало ее, это то, что пришелъ конецъ широкому ея домохозяйству, что теперь, ежели она и поселится въ городѣ у матери Манеи, не будетъ уже больше такого домоводства, какое было до сихъ поръ. Вспоминала и мать Филагрія, прежняя Фленушка, о тѣхъ проказахъ, что выкидывала она у добродушной Виринеи тайкомъ отъ игуменьи. Еще больше вспоминала она гулянки свои по Каменному Вражку, но все затаила въ сердцѣ и казалась ничѣмъ невозмутимою. За разрушеніемъ Манеиной обители послѣдовало разрушеніе и другихъ обителей Комарова, а затѣмъ и разрушеніе прочихъ скитовъ.

Такъ пали около двухъ сотъ лѣтъ стоявшія обители керженскія и чернораменскія. Сосѣдніе мужики сначала хоть и не рѣшались поднять руки на часовни и кельи, черезъ нѣсколько времени воспользовались таки дешевымъ лѣсомъ для своихъ построекъ: за безцѣнокъ скупили скитскія строенья. Вскорѣ ото всѣхъ скитовъ и слѣдовъ не осталось. Были оставлены на своихъ мѣстахъ только приписанныя къ нимъ по ревизіи, и каждой жительницѣ отведено было по просторной кельѣ, но такихъ приписанныхъ ко всѣмъ

скитамъ осталось не больше восьмидесяти старыхъ старухъ, а прежде всѣхъ обительскихъ жителей было безъ малаго тысяча. Опустѣли и Керженецъ и Чернораменье.

Черезъ нѣкоторое время мѣстному губернатору вмѣстѣ съ другимъ петербургскимъ чиновникомъ велѣно было осмотрѣть всѣ скиты. Они нашли всюду полное запустѣніе.

Зато въ городѣ, гдѣ было много приписанныхъ келейницъ, образовались многолюдныя обители съ потайными моленными. Изъ нихъ главною попрежнему стала обитель матери Манеѣы.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

БИБЛИОТЕКА ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
КНИГА IV (1898) ГОДЪ
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Mel'nikov, Pavel Ivanovič,

Polnoe sobranie sočinenij P. I. Mel'nikova (Andreja Pečerskago)

Bd.: 10

1898

P.o.russ. 88 o-10,4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11869878-6